

УРАЛЬСКИЙ
снегоступ
www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

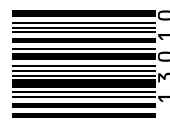
10 (676) октябрь, 2013

Что нами
движет?

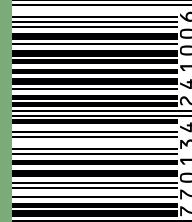
ГОСУДАРЬ
ОСТРОГ

ПИОНЕР ЦВЕТНОЙ
ФОТОГРАФИИ

ХАНТЫ.
ПРЕДСКАЗАНИЯ ПРОШЛОГО

1 30 10

9 770134 241006

Октябрь 2013

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, Е.Г. Ямщикова

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов, А.В. Бордаков

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1Пг стр. обложки

В коллаже использованы фото
А. Венедиктова, И. Желнова.

Редакция, издатель –
общественная организация «Трудовой коллектив
редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан

- Борис Ткачев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христолюбовский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

**Выпуск издания осуществлен при финансовой
поддержке: Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям РФ**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2013 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 2951611/27

EГmail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №10 (676), 2013.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77В7218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (EГmail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставленные материалы и иллюстрации, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформите подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МКГПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕРПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №10. Отпечатано в типографии АМБ, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59. Телефон: +7(343)2511651/61. Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 25.09.2013 года.

Заказ №:

Встречный ветер

Наши проекты

Е.ТУГОЛУКОВ
Люди, паруса
и моторы 3

**Быть МОЛОДЫМ —
здорово!**

Е.БАРАНОВА
Лонгборд —
эволюция
в скорости 14

Версия

В.АНИЩЕНКО
Ханты.
Предсказание прошлого 40

Река времени

Давным-давно
А.МУРЗИН
Спутник
Дерсу Узала 18

Никто не забыт?
С.ОЛЕЙНИК
Красные, белые
и Макар
Заварзин 9

Давным-давно
Н.ВЕХОВ
Обдорск —
взлеты
и падения 24

Юбилей

В.ТРУСОВ
Камень Заплотный 32

Родословная

Е.СТУДЕННИКОВ
Деревенька моя
босоногая 34

Журнал в журнале

Евгений Туголуков

Капитан-командор
детской флотилии «Флагман»

Люди, паруса и моторы

На городском пруду у Плотинки вновь скользят паруса и полощутся знакомые флаги – здесь идёт уже ставший традиционным фестиваль «Осень Уральского следопыта». Фестиваль проводится в выходные, в канун Всемирного дня туризма. Сентябрьская погода подгадала – солнце, облака и свежий ветер отлично подходят для регаты – настроение бодрое, флаги «Уральского следопыта» и Русского географического общества весело полощутся на набережной, а яхты, кажется, просто летают, лихо разворачиваясь вокруг буев! Множество людей на восточной набережной от самого спортивного комплекса «Динамо» любуются на накренившиеся мачты и яхтсменов, которые собрались со всего Уральского региона.

Фото: Игорь Желнов,
Алексей Венедиктов,
Игорь Гром,
Елена Некрасова,
Михаил Горюнов,
Наталья Кожевникова

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Не всем желающим, подавшим предварительную заявку на участие, удалось добраться до Екатеринбурга к празднику – перевозка яхты на трейлере дело не простое. Тем не менее, девять яхт класса «Микро» вторые сутки ходят по дистанции от Плотинки почти до моста. «Микро» – это очень даже не маленькая яхта, водоизмещением около полутонны, снабженная удобной каютой и предназначенная для отдыха и спорта. Судно оснащено тремя парусами: стаксель, грот и огромный пузатый спинакер, который нужно очень быстро поднять при попут-

ном ветре и также быстро убрать до разворота против ветра. Белые буруны под форштевнями яхт издали показывают даже непосвященным, что скорость у них очень приличная!

По сравнению с «Микро» учебные швертботы отряда-флотилии «Флагман» выглядят почти крошечными. Тем не менее, в каждом Walker Vau также находятся по три спортсмена, а юные сердца подростков ничуть не меньше взрослых рвутся к победе! В отличие от соревнований «Микро» здесь экипажи меняются яхтами между гонок, чтобы свести к нулю малей-

шую разницу в качестве самой яхты – в зачёт идёт только мастерство! Судьи детских соревнований – Альбина Хасанова и Иван Пономарев, шкиперы детской парусной флотилии «Флагман». Оба – яхтенные рулевые третьего класса, у обоих, несмотря на юный возраст, есть не только опыт управления яхтами и яхтенными экипажами, но даже эскадрами. Это – третий праздник «Осень Уральского следопыта», в котором принимают участие эти ребята. На этот раз флотилия доверила им судейство.

На западной набережной проходит рыболовные состязания на поплавочную удочку, вдоль набережной, а ниже Плотинки внимание прохожих привлекает плотный ряд зрителей, собравшихся вдоль натянутого ограждения. Другие смотрят сверху, фотографируя с моста, как большие модели автомобилей с бешеной скоростью носятся по двум сложным трассам, состоящим практически из крутых поворотов.

Подхожу поближе, завязываю разговор с одним из организаторов Алексеем Хмелевым:

– Алексей Владимирович, не могли бы рассказать непосвященному, но любопытному журналисту, что здесь происходит?

– Идёт заезд радиоуправляемых моделей в классе Buggy 1:8 (одна восьмая от размера прототипа). А в це-

лом здесь происходят соревнования радиоуправляемых моделей Off-Road(внедорожники). Еще будут участвовать шпорты, монстры, трапты, багги.

– Да, у Вас своя терминология, непосвященным непонятная, но интересная! Я вижу, что на трассе гонок установлены трамплины, подьёмы и какие-то неровные доски.

– Так ведь это же Off-Road! Им положено преодолевать препятствия, трясись по ухабам и прыгать.

С трамплина одна за другой с рёвом действительно прыгают несколько машинок, пролетают три-четыре метра, и, приземлившись, сразу разворачиваются и уезжают дальше. Одна модель при приземлении опрокидывается, но, специальный человек в перчатках тут же переворачивает механическую «черепашку» в правильное положение, и она мгновенно уносится по трассе, рыча и фыркая мотором.

– Я заметил, что некоторые машины тут с бензиновым мотором, а другие, которые не так шумят, видимо электрические?

– Да, в соревнованиях допускаются и модели с двигателями внутреннего сгорания, и с электродвигателями.

– Это разве справедливо?

– Вполне. Электромоторы сейчас мощные, а тут главное надёжность и маневренность машины и умение пилота.

– А сами Вы тоже пилот?

– В этих соревнованиях принимает участие мой сын. А я разделяю его увлечение.

– А вам не кажется, что это просто дороге игрушки? Где во взрослой жизни могут пригодиться навыки вождения радиоуправляемых моделей?

– Ну, Вы задали вопрос! Ведь повозиться в детстве и юности со сложной техникой вообще полезно для развития! А здесь и подвеска практически такая же, как на настоящих гоночных машинах, и управление, и мотор, и трансмиссия! Плюс сами гонки хорошо развивают навыки мгновенно реагировать на меняющуюся обстановку, быстро принимать решения,

действовать в условиях стресса! И еще – это огромное удовольствие и общение с умными людьми!

– И вправду, это очень пригодится в жизни! Большое спасибо!

Пилоты, с радиоуправлением в руках, стояли вдоль трассы – где кому было удобно и мгновенно реагировали на «дорожную ситуацию». На их лицах я прочёл настоящий азарт и страсть. Между заездов я подошёл к одному гонщику, с красивой девушкой рядом и яркой моделью в руках. Василий Нефелов увлеченно рассказывал о себе и своей модели:

– Эту модель я купил через интернет и доработал своими руками. Смотрите!

Он быстро снял корпус и показал механическую начинку: здесь добавил охлаждение генератора мотора, усилил рулевые рычаги, добавил «липучки» для быстрого крепления корпуса...

– Давно занимаетесь? – спросил я.

– Полгода. Я еще начинающий. Другие тут занимаются этим от трех до семи лет.

– А почему именно модели, а не что-то другое?

Василий улыбается весело:

– В детстве не наигрался! Всегда мечтал быть гонщиком. А тут – реальная возможность.

– И сколько стоит такая модель?

– По-разному. Бывают по семь тысяч, бывают по четырнадцать. Бывают и по шестьдесят, но те большие, один к пяти.

Познакомившись, задаю вопрос девушке, сестре Василия Нефелова.

– Юлия, как Вы относитесь к увлечению брата?

– Очень положительно! Мне нравится.

– А сами водите модель?

– Маленькую – вздыхает Юлия. – Свою гоночную машину Василий мне не доверяет. Мужчины!

Полубовавшись багги на высоких, мощных колесах, уверенно преодолевающих и густую траву, и трамплины, и горбатые доски, я иду к другой трассе. Здесь все по-другому: трасса размечена цветными полосатыми ленточками, приклеенными к гладким плитам, машины поменьше размером и колёса у них маленькие, пластмассовые. Организатор гонок – Никита Русских.

– Никита, скажите, а чем отличаются ваши гонки от тех, что рядом? Что это за класс машин?

– Это RC Drift.

– Что?

– Дрифт – управляемый занос. Смотрите, здесь задача не прийти первым, а правильно пройти трассу с мак-

симальным заносом на поворотах. Пилоты соревнуются парами – первый круг впереди идет один, чуть позади – другой. Первый старается оторваться, но при этом пройти трассу чисто, не пересечь границу. Второй повторяет все его движения. Потом они меняются местами.

– Похоже на детскую игру на велосипедах в «Ниточку-иглочку»!

– Верно. Спортсмены оцениваются по красоте и зрелищности прохождения трассы. Ошибки, разумеется, учитываются.

– А где вы тренируетесь, когда соревнований нет? Я обратил внимание, что для дрифта подходит только гладкая поверхность.

– Уже более трех лет екатеринбургские дрифтеры собираются по средам у Белого дома. Мы там даже трассу нарисовали. Если интересно – приходите!

Поняв, что происходит на трассе, я уже с большим интересом следил за скользкими разворотами миниатюрных машин с горящими фарами. В гонках дрифтеров среди семи участников первое место занял Томилов Артём со своим синим Nissan 370Z, вто-

рое – Свяжин Артём на чёрном Nissan GTR, а третье – Сахарук Дмитрий на Mazda RX-7.

А победители в других классах мне стали известны позже: buggy 1/8 4wd – Крошенков Владимир, unlim 1/10 – Злодеев Антон, unlim 1/8 – Огнев Андрей.

Многие пилоты моделей и яхтсмены одеты в белые футболки с надписью «Русское географическое общество», Свердловское отделение которого возглавило весь фестиваль. Кстати, Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество» (сокращенно ВОО «РГО») – старейшая общественная организация России и одно из старейших географических обществ мира – оно существует с 1845 года! Главная задача Русского географического общества – сбор и распространение достоверных географических сведений. Именно экспедиции РГО в XIX веке сыграли большую роль в освоении Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Мирового океана, в развитии мореплавания, открытии и изучении новых земель, в становлении метеорологии и климатологии.

Думаю, что сотрудничество старейшего российского журнала «Уральский следопыт» и Русского географического общества просто должно приносить ценные плоды в виде распространения интереса к родной истории, природе и людям Урала!

По гоночной трассе парусной регаты по приглашению Русского географического общества прошли:

Следующее интервью я взял у Анатолия Павловича Вязовцева, заслуженного спортсмена, альпиниста и путешественника. Анатолий Павлович один из лидеров команды «Восхождение», занимающейся реабилитацией людей с ограниченными возможностями. Я уже неоднократно видел, как эти самоотверженные люди помогают тем, кто в силу болезни или травмы потерял возможность нормально ходить. Их забота помогает сохранить веру в себя и людей, дышать полной грудью, совершать маленькие победы над собой, вновь становиться полезными для себя и окружающих.

Анатолий Павлович показал мне хитроумные приспособления, которые используются, чтобы позволить спинальным больным ходить на катамаране, подниматься в гору усилиями

Горюнов Михаил Петрович – председатель Свердловского отделения Русского географического общества, **Ударцева Ольга Николаевна** – Руководитель Аппарата ГФИ в Свердловской области Полпреда Президента в УрФО,

Харлов Александр Владимирович – представитель МИД РФ в УрФО,

Сильчук Евгений Владимирович – кандидат в мастера спорта по туристскому многоборью, заместитель министра физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области,

Касков Олег Александрович – Герой России, УГТУ-УПИ, Военный институт,

Евгений Мишунин – кавалер ордена Мужества, Председатель Свердловской общественной организации инвалидов -ветеранов военных конфликтов «Арсенал»,

Черноголов Игорь Алексеевич – бизнесмен.

Заместитель министра физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области, кандидат в мастера спорта по туристскому многоборью, **Евгений Владимирович Сильчук** так прокомментировал разворачивающийся фестиваль «Осень Уральского следопыта»:

– Любые мероприятия, направленные на развитие патриотизма и человечности, повышение интереса молодежи к родному краю и спорту очень важны и должны быть всячески поддержаны. Главное, это обеспечить не только зрелищность, но и безопасность участников и зрителей таких мероприятий.

И «Осень Уральского следопыта» – это пример очень удачно организованной акции, как с точки зрения безопасности, так и с точки зрения эстетики. У нас бывают, хотя и не часто, спортивные мероприятия на воде, но, безусловно, гонки парусных яхт, это самое красивое из них. Фактически со всех трех набережных, окружающих городской пруд Екатеринбурга открывалась прекрасная картинка. Я видел, как зрители обсуждают между собой яхты, фотографируются на их фоне. А уж для тех, кто сумел побывать на борту, яркие впечатления остались на всю жизнь.

– Что произвело особенное впечатление?

– Я и мои дети прошли под парусами на яхтах детской флотилии «Флагман». Особенно приятно было, что подростки не только уверенно ведут совсем не детскую яхту олимпийского класса «Микро», но и так же спокойно и уверенно отвечают на любые вопросы. С такой же уверенностью я сталкивался у ребят из разновозрастного отряда «Каравелла». Я оказываю, и впредь буду оказывать поддержку общественным организациям, которые занимаются патриотическим и спортивным воспитанием молодежи, в том числе развитием технических видов спорта.

– Какие пожелания у Вас есть к организации праздника?

– Хотелось бы лучшего звукового оформления: музыки, привлекающей внимание, голоса комментатора, который бы рассказывал, что происходит на акватории пруда, чья команда вырвалась вперед, кто какое место занял в гонке. Это добавило бы колорита мероприятию!

своих рук, ездить по лесу за квадроциклом или снегоходом.

– Мои друзья поднимаются в гору сами и закрепляют прочную веревку. Ее пропускают в петлю этого кресла-тележки, которая позволяет «спинальнику» полулежа подтягиваться за веревку и подниматься самому на гору. Для безопасности и отдыха тележка оборудована автоматическим стопором и двумя ручными тормозами. Вы поймите, какой верой в себя наполняются глаза человека, который ходить не может, а на гору все-таки поднялся!

– Такие приспособления стоят денег, и немалых. Кто помогает Вам?

– Люди. Неравнодушные люди. Например, один депутат Государственной Думы прислал денег на мо-

тор для буксировщика, но не как депутат, а как частное лицо, и, очень просил его не называть. Но, в основном, это обычные люди..

Я возвращаюсь к швертботам детского отряда-флотилии «Флагман» и участвую в короткой церемонии награждения. Первое место занял экипаж Игоря Муравьева, который, кроме дипломов, грамот и футболок от Уральского Следопыта, получает специальный сладкий приз от почетного гостя и друга отряда художника Евгении Ивановны Стерлиговой. Потом усталые ребята увозят свои швертботы на базу, чтобы там разоружить и поместить в ангар. Всё правильно – лобись кататься, лоби и саночки, т.е. яхты возить!

Но пора на набережную, где под флагом находится главный судья регаты Вениамин Петрович Гусев, более четверти века занимающийся яхтенным спортом. Интервью с Вениамином Петровичем получилось короткое:

– Вениамин Петрович, кто побеждает?

– Как всегда – опыт и мастерство!

– Какие-то неожиданности есть?

– Они есть всегда. В этих гонках меня удивила тюменская команда. Новички, а уверенно вошли в середину. Далеко пойдут!

– Общее впечатление от гонок?

– Красота! В Снежинске идут дожди, а у нас тут солнце, ветер... Красота!

Яхта «Пойдём» с замечательно веселым котом, нарисованным на гроте, пришла к финишу первой в заключительной, тринадцатой гонке. Как оказалось, яхта под управлением Таранова Максима уверенно одержала победу и в целом по результатам всех гонок. Поздравляем «почти семейный» экипаж из г. Среднеуральска!

Фестиваль завершен, победители гонок получили памятные призы, зрители удовольствие, а я – порцию свежих впечатлений и море общения с интересными людьми. Которыми я честно поделился с Вами, дорогие читатели! ✎

Красные, белые и Макар Заварзин

Иллюстрации предоставлены автором

«Гражданская война в Прикамье, 1918 год» — так называется большое документально-художественное повествование Станислава Олейника о событиях и участниках ижевско-воткинского рабоче-крестьянского восстания 1918 года. Фамилии героев повести подлинны, как подлинны и изложенные в ней события. Автор попытался найти исследователей и участников той исторической драмы. И ему повезло: в повести использованы материалы историка С. К. Простнева, рассказы деда Никифора Бутакова, воспоминания учителя истории Еловской средней школы 50–60-х годов Ф. Т. Масленникова, а также бывшего командира Прикамского стрелкового полка 15 Воткинской стрелковой дивизии полковника А. Г. Ефимова, который перед смертью (1972 год, похоронен в Сан-Франциско) написал и издал книгу о тех кровавых событиях. Предлагаем читателям «Следопыта» фрагмент из повести Станислава Олейника.

..Революция и Гражданская война прокатились по Прикамью, как и по всей России, крутым валом. Активными участниками этих событий в те уже далекие времена были рабочие Воткинского и Ижевского заводов, крестьяне сел и деревень, разбросанных по левому и правому берегам реки Камы.

Советская власть была тогда сосредоточена в уездном городке Осе. На 1-м Осинском уездном съезде Советов, который состоялся 28 января 1918 года, и была провозглашена Советская власть. А на следующий день — и в центре Еловской волости, в селе Елово. Первым председателем волостного исполкома был избран Иван Плотников, а волостным военным комиссаром — Никанор Стариков. Для поддержания только что сформировавшейся власти был создан ревком и отряд из 28 красногвардейцев. Чтобы вооружить и содержать отряд, нужны были средства. Исполком принял решение взять деньги — 300 тысяч рублей — у еловских купцов, а оружие собрать у населения.

Люди, которые потеряли власть и богатство, не смирились с новыми

порядками. Неоднозначно отнеслись к происходящему и рабочие прикамских заводов, крестьяне сел и деревень. То тут, то там возникли волнения. И отряду сразу нашли прямое применение. Он стал привлекаться для подавления мятежей в деревнях и селах волости. Мятежников вдохновили слухи о восстании рабочих Ижевского и Воткинского заводов. И они не были просто слухами.

Началось, казалось бы, с малого. Комиссаров не удовлетворили выборы рабочими Воткинского завода своих уполномоченных. Совдеп не допустил их в свой состав, не говоря уже об управлении заводом. Создавая коллегиальный Совет управления, комиссары просто назначили туда самих себя и своих людей — матроса Бердникова, мастера Казенова, каторжанина Баклушина и недоучившегося студента Серебрякова. Они и стали впоследствии руководством завода. Такая, не пользующаяся доверием, администрация вызвала возмущение среди рабочих. Скрытые обида и злоба стали переходить в открытую неприязнь к новой власти, а это вело к взрыву. Атмосфера дошла до белого каления.

Станислав Олейник

Уроженец с. Елово Пермского края. Юрист. Окончил Высшую школу КГБ. Служил в Германии, Афганистане (внешняя контрразведка). Исторические работы выходили в издательствах «ЭКМО», «Майдан». Член СП России. В «Уральском следопыте» печатается впервые. Живет в Харькове.

▲ Ген. Р.Гайда с командирами частей Кунгурского фронта на ст. Кордон

То же самое происходило и на Ижевском заводе. Отличие было лишь в том, что ижевская администрация зашла еще дальше: она приказала чекистам расстрелять несколько известных рабочих...

1918 год. Прикамье переживало ужасное время. На всей территории от Перми до Казани, по правому и левому берегам Камы, свирепствовало насилие, белый и красный террор. Жизнь любого человека висела на волоске. Всюду под ударами противостоящих сил лилась кровь невинных жертв, коими были переполнены все тюрьмы. О белогвардейском терроре уже много писалось, но и в «красных» застенках томились офицеры и чиновники, священники и торговые люди, рабочие и крестьяне. Каждую ночь шли пытки и расстрелы. В город Сарапул, где стоял штаб 2-й Красной армии, со всего края свозили заложников, которых и держали в трюмах речных барж, прозванных в народе «баржами смерти». Из одной только Уфы на баржи было доставлено более 200 жертв. После того, как чехи заняли Уфу, они были расстреляны и сброшены в Каму.

По селам и деревням рыскали агенты ЧК. Продовольственные отряды Красной армии отнимали у крестьян хлеб, скот и другие припасы, беспощадно расправляясь с теми, кто осмеливался протестовать против красного насилия. Но находились смелые и сильные духом люди, которые начали белый протест. Поручики Жуланов и Непряхин из Еловской волости Осинского уезда, штабс-капитан Жуланов, двоюродный брат поручика, поручик Рычагов из Красноуфимского уезда... Они подобрали таких же, как они, смельчаков и, укрываясь в прикамских лесах, нападали на красные продовольственные отряды, уничтожали их, добывая одновременно оружие для борьбы с большевиками.

Между тем, на Воткинский и Ижевский заводы стали доходить слухи, что на Волге и Белой, около Самары и Уфы уже нет большевиков. Слухи подогревали надежду. На тайных совещаниях

повстанцы обоих заводов решили захватить склады оружия и боеприпасов. Были уверены, что заводское население и крестьяне окружных деревень станут на их сторону. Ночью 7 августа Ижевский завод восстал.

Воткинский завод в это время тоже представлял собой бочку с порохом. Воткинские фронтовики держали постоянную связь с ижевцами. В день восстания в Ижевске туда были посланы из Воткинска поручик Непряхин, прапорщики Разживин и Петров. Они передали ижевцам просьбу как можно скорее прислать воткинцам оружие. Руководством восстания в Ижевске было решено послать на помощь воткинцам роту в 250 человек, причем каждый боец должен был взять по две винтовки. Эта рота должна была подойти к Воткинскому заводу на рассвете 17 августа, а ее первый залп и должен был стать сигналом к восстанию. Никто из рабочих и не догадывался об этом. Все держалось в строжайшем секрете, знала только «пятерка» тайного Совета фронтовиков. Штабс-капитаны Мудрынин и Шадрин, капитан Чебкасов, ротмистр Агафонов, поручик Пьянков дали свое согласие руководить действиями восставших. Был разработан план восстания. Велись тайные переговоры с офицерами воткинцами. Красные в это время были заняты формированием отрядов для отправки на фронт против ижевцев. Готовился даже бронепоезд.

Завод спал, и не было никаких признаков столь уже близкого восстания. Только Совет фронтовиков во главе со своим председателем прапорщиком В.И. Мерзляковым и членами Совета Разживиным, Непряхиным, Мехоношиным и Пьянковым заканчивал детальную разработку действий по разоружению главной опоры большевиков — их красного гарнизона. Было решено по первому сигналу захватить Совдеп и исполнительный комитет. Завладев имевшимися там винтовками, занять почту, телеграф и телефонную станцию, управление завода и казначейство, а также разобрать

рельсы у железнодорожного моста через реку Сивую.

Приближался час «X». Повстанцы заняли свои места и ждали прихода ижевской роты с оружием. Прошел час, другой. Августовское утреннее солнце осветило завод, а ижевцев все не было. Только в 8 часов утра раздался залп. Цепи ижевцев входили со стороны Сарапульского тракта. Красные были застигнуты врасплох. Среди красноармейцев началась паника, но все же сгруппировавшись, ядро более 250 человек, оказало яростное восставшим сопротивление. Однако воткинцы, вооруженные одними револьверами, сбили красные посты, захватили Совдеп и, вооружившись винтовками, бросились на помощь ижевцам. Закипели уличные бои. Частая стрельба огласила улицы. Красные, спасаясь, метались с улицы на улицу. Часть красноармейцев разбежалась, побросав винтовки, а главное ядро успело достигнуть кромки леса и ушло в сторону села Дебесы. Коммунисты и чекисты, попавшие в руки восставших рабочих, безжалостно уничтожались.

Из окружных сел и деревень активное участие в восстании принимали офицеры, заработавшие свои чины на германском фронте. Из них особенно отличились организатор «осинцев» штабс-капитан Жуланов, поручики Родыгин, Ходырев, Балабанов, Улитин, братья Дробинины, Юдины, боевые унтер-офицеры и солдаты.

Воткинцы громили красные отряды, расширяя территорию повстанческого движения. Поднимались деревни, села. Крестьяне решили покончить с красными комиссарами, выгребавшими из амбаров последние остатки хлеба. По лесным дорогам к Воткинскому заводу тянулись вереницы молодых парней и бородатых мужиков. Восстание перекинулось уже и на противоположный берег Камы...

Это был страшный удар в самое сердце советской власти. Восстали не только офицеры и генералы старой армии, а восстали рабочие и крестьяне двух крупных заводов. Моральное

▲ Казненные узники «баржи смерти». 1918 г

▲ Штаб Сибирской армии

▲ Латышские стрелки в окопах под Ижевском

▲ Члены штаба Сибирской армии

банкротство новой власти сказало во всей яркости. Но Ижевский и Воткинский заводы поставляли оружие для Красной армии. После Тульского оружейного, в то время работавшего очень плохо, эти заводы оставались основными поставщиками ружей и запасных к ним частей. А потому отдать эти заводы белым для Красной армии было бы равносильно подписанию капитуляции. Допустить этого молодая советская власть никак не могла. В ответ на восстание посыпались приказы Троцкого сравнять вероломные Ижевск и Воткинск с землей, «... беспощадно уничтожить ижевцев и воткинцев с их семьями». Из Москвы, Петрограда, Казани были двинуты коммунистические и латышские части, получившие задание, во что бы то ни стало очистить Ижевско-Воткинский район от белых.

Спешно началось формирование частей красной гвардии и в Осинском уезде. Еще в мае 1918 года в уезде было объявлено военное положение. Формировались 1-й и 2-й Камские полки. В Еловской волости в селе Крюково был сформирован 3-й Камский полк. Командиром его был назначен Соловьев. В состав полка включили батальон китайских интернационалистов под командованием Ли Чунсена и Куо Вандона.

Той же весной добровольческие Воткинские и Ижевские дивизии белых пошли в наступление на Пермь. Шли и пешим порядком, и на захваченной у красных военной флотилии. В районе села Елово с ними вступил в бой 3-й Камский полк, но потерпел поражение. Погибшие красноармейцы, матросы и китайские интернационалисты были захоронены на краю села. Оставшихся в живых собрали на барже смерти.

...Тяжелые бои гремели тогда на берегах и водных просторах Камы. Жители села Елово притихли в своих домишках и выжидали, кто победит — красные или белые.

Снизу Камы, откуда-то из-за утеса, слышалась ружейная и пулеметная

стрельба. Несколько снарядов, выпущенных из пушки, установленной белыми на Красной Горке, разорвались вблизи церкви Петра и Павла. Один снаряд попал в колокольню и разворотил ее левую сторону. От пристани отчалил «красный» пароход «Русло» и, пытая, медленно пошлепал плечами вниз по Каме. К ружейной и пулеметной стрельбе, добавились еще и оружейные выстрелы. И, наконец, все как-то сразу стихло. А к вечеру, обыватели увидели на улицах конных и пеших белых. Богатеи тотчас высъезжали на улицу, зывали к себе на постой офицеров. Командовал белыми штабс-капитан Жуланов, сын местного купца Афанасия Жуланова.

Утром все мужское население согнали на край села. Штабс-капитан призвал всех добровольно вступать в ряды повстанческой армии. А кто добровольно не пойдет, тот будет призван в принудительном порядке. Потом всех мужчин с подводами отправили на недавнее поле боя — собрать погибших, как белых, так и красных. Похоронили тех и других на окраине села, но в разных могилах. Тяжело пришлось «похоронной команде», когда вытаскивали погибших с полуобгоревшего, сидящего на мели парохода «Русло». На берегу под дождем и усиленной охраной сидела большая группа взятых в плен красногвардейцев.

На следующий день на стрежне, чуть ниже села остановилось судно. Баржа, как баржа, но на ней стояла, пока еще пустая виселица. Всем стало ясно: пришла печально известная «баржа смерти». К берегу, где находились пленные, каратели пригнали с ближайшей округи других, приговоренных к смерти. А потом всех вместе оборванных, избитых шомполами и нагайками, принимали на барже и бросали в трюм. Среди прибывших арестованных, выделялся высокий плечистый парень в грязной солдатской шинели. Руки его были завязаны за спиной. Звали парня Макар Заварзин. Оказавшись на палубе, он осмотрелся. На барже было тихо. Легкий ветерок лениво покачивал три пустые петли виселицы. По палубе, уныло опустив хвост, бродила рыжая собака-дворняжка.

Солдат-конвоир толкнул замешкавшегося Макара:

— Давай, паря, трогай, тебя там подпоручик Беляев ждет не дождется.

Солдаты, оцепив задержанного, повели его в каюту начальника конвойной команды. Каютка была маленькой, и разделена на две части занавеской. За столом, застеленным скатертью, сидел средних лет подпоручик.

▲ Красногвардейцы – жертвы крестьянского восстания

Перед ним стояла полупустая бутылка и два наполовину наполненных стакана. Рядом стояло блюдо с яблоками.

— Николя, никак новенькие поступили? — из-за занавески выплыла рослая, ярко накрашенная брюнетка. Подойдя к Макару, потрепала рукой за подбородок. — Какой красавчик! Николя, ты должен подарить его мне. Я сначала сама с ним поиграюсь...

— Потом, потом, Марго, — недовольно поморщился подпоручик, принимая от конвойного пакет с сургучной печатью. Осмотрев пакет, коротко скомандовал, кивнув на Макара:

— Развяжите его!

Беляев медленно читал сопроводительную бумагу. Марго сидела напротив и курила папиросу. Она взглядом хищницы смотрела на стоявшего перед столом Макара. Парень был красив, и не только лицом, но и телом. Его природную красоту не портила ни ссадина на левой скуле, ни растрепанная шевелюра. Марго пробежала взглядом по тщедушной фигуре подпоручика, раздраженно ткнула потухшей папиросой в блюдечко и скрылась за занавеской.

В сопроводительной записке коротко излагалась история Макара Заварзина. Рабочий Воткинского механического завода, он, как и все восставшие рабочие, добровольно вступил в полк капитана Жуланова. Два дня назад разведка белых поймала красногвардейца — то ли командира, то ли комиссара. Макару было поручено сопроводить задержанного в штаб. А он взял его и отпустил. Пришел в Елово один и во всем признался. Вот так оказался Макар на барже смерти.

Подпоручик, прочитав бумагу, посмотрел на Макара и неожиданно улыбнулся:

— Что ж ты, солдат, большевика-то пожалел? Сам большевик, что ли? Сказал бы тогда, что, мол, сбежал, а ты, дурак, взял да признался. Тебя бы комиссары не отпустили, поверь мне. Они бы сразу к стенке поставили. Ну, что молчишь, отвечай!

▲ Арестованные участники Сельчевского восстания крестьян. Август, 1918 г.

— Да нет, господин подпоручик, не большевик я, да и не шибко к большевикам-то меня тянет, — сразу подтянулся Макар. — А отпустил потому, что похож он был на моего старшего брата, погибшего на Карпатах. Уж больно похож, господин подпоручик...

— Эх, солдат! И соврать-то даже не можешь. Нет у тебя брата и не было никогда. Сестра у тебя. Ваш полк формировался в Воткинске, и твои сослуживцы показали, что нет у тебя брата. Вот так-то, солдатик. Курить-то хочешь? — неожиданно спросил подпоручик и подвинул Макару пачку папирос.

— Жить-то хочешь?

— Да как не хотеть-то, господин подпоручик.

— И невеста, наверное, есть?

— И невеста есть, — кивнул Макар.

— Так что же ты, дурак, большевичка-то отпустил? Отвечай! — построжал подпоручик.

— А что отвечать-то, — Макар поднялся со стула и смело посмотрел в глаза подпоручику. — Ошибся я, поступив к вам добровольцем. Не будет толку-то, побьют вас всех...

— Значит, окрутил тебя комиссар? А почему с собой-то не взял?

— Звал он, да я не пошел. Не хочу воевать — ни за белых, ни за красных...

— Да, солдат, вижу: жить ты не хочешь. — И командовал конвоем: — В расход его...

— Подожди, подожди, Николя! — Из-за занавески вышла Марго. На ней были туго обтягивающие офицерские бриджи, на ногах — блестящие хромом сапожки. Объемную грудь обтягивала черного шелка кофта. На офицерском ремне висела кобура с револьвером. Глаза Марго от возбуждения лихорадочно блестели.

— Ты же знаешь, Марго, я никогда не нарушаю своего слова. Сейчас конвойные его приготовят, и он твой.

Солдаты вытолкали Макара на палубу и стали срывать шинель. Он слов-

но пушинок стряхнул от себя конвойных, сам снял шинель.

Скрипя кожей португепи, подошел подпоручик. Показав глазами на виселицу, он усмехнулся:

— Туда, солдат, не пришла еще твоя очередь. Сначала сюда, — он перевел глаза на широкую скамью. — Ложись!

— Ваше благородие, дозвольте рубаху-то снять. Иссекут ее. — Он уже понял — будут пороть розгами.

Подошла Марго и прерывистым голосом скомандовала:

— Штаны сними! Их тоже иссекут! — В руках у нее был пучок прутьев.

Марго била со сладостным остревением. Словно пули, свистели тугие розги.

— Раз, два, три... — считал конвойный урядник. У каюты заиграла гармонь. Макар догадался: играют, чтобы заглушить его крики.

— От бабы да кричать?! — и, стиснув зубы, он даже не стонал. Вся спина и то, что ниже пояса, покрылось частой кровавой решеткой.

С открытыми от изумления гтами стояли солдаты конвойной команды.

Превозмогая боль, Макар с трудом натянул на себя штаны, рубаху, потом шинель. Словно издалека, до него доносился голос подпоручика Беляева:

— В трюм его...

В трюме находилось около двух сотен смертников. Тут были и русские и татары, и чувашаи, и башкиры. Бывшие солдаты-фронтовики, красногвардейцы, партизаны, члены сельских и деревенских советов. Люди были собраны почти со всего Прикамья белыми карательными отрядами. Одежды были в драные шинели, зипуны, какие-то дерюги, рваные армяки. Кто был бос, кто в лаптях. Кожаную обувь, которая годилась для носки, отобрали конвойная команда. Исхудалые, обросшие, грязные лежали на голых досках, под которыми хлопала вода. Стоял густой запах гнили, тлена. В трюме лежали уже четыре трупа, но конвойная команда не разрешала их выносить, чтобы показать: с этой баржи никто живым не выйдет.

Оказавшись в трюме, Макар потерял сознание, а когда открыл глаза, то увидел склоненное над ним бородастое лицо.

— Ты кто? — спросил.

— Из Доброво я. Председатель совета. Как с фронта пришел, так и vybrали. Михаил Зубов... А ты-то кто будешь, паря?

— Воткинский я... С завода.

— Ни хрена себе, — послышался голос из темноты, — так вы же противу

советской власти воюете! Как ты тут-то оказался?

— Ладно приставать: попал сюда, значит, не противу, — повернулся на голос Зубов.

Михаил Зубов «жил» на барже уже полмесяца. Был, так сказать, старожилом. Так долго никто из заключенных на барже не задерживался. И никто из них не понял, как этот человек был признан ими непререкаемым авторитетом. Разве что тогда... Утром урядник, наклонившись к открытому люку, громко называл фамилии очередных жертв на экзекуции (тогда им грозила не порка, а виселица). Зубов, когда называли его фамилию, после некоторого молчания, вдруг спокойно заявил, что Мишку Зубова уже неделю тому отправили в штаб Духонина. Выматерившись, урядник, зачитывавший фамилии, сказал, что этого не может быть.

— Как не может!? — прикинулся возмущенным Зубов и, перемежая речь забористым матом, добавил: — Вы бы лучше вели бухгалтерию, а меньше пили свою самогонку. А не веришь, так давай спускайся сюда да пересчитывай всех по новой.

Трюм замер. Такой смелости от Зубова никто не ожидал. И надо отдать должное этим смертникам: ни у кого из них, даже мысли не было, чтобы ценой спасения своей жизни, выдать председателя. После этого он и был признан за старшего. Помогал больным, внушал людям веру в спасение. Но не мог придумать, как им спастись.

Макар Заварзин был младше Зубова лет на десяток. И по молодости своей на фронте не был. А солдатом этой весной стал по своей дурастости. В последнее время славился он в Воткинске, как гордый, горячий и беспшашный парень. А еще недавно был совсем другим. Этой весной с Макаром произошло, что-то непонятное. Как работающий, прилежный и грамотный юноша, окончил церковно-приходскую школу, он был принят на завод учеником токаря. Отец его тоже начинал токарем и стал мастером с высокой зарплатой. Рассчитывал, что и сын пойдет по его стопам. Но Гражданская война все перемешала. Макар стал часто прогуливать работу. Каждую ночь напивался, буйствовал. Когда пришла советская власть, его вызвали в ЧК и предупредили: если не прекратит пить и не выйдет на работу, то по закону военного времени будет расстрелян.

Но пить он перестал не по этой причине. Рабочие Ижевского и Воткинского заводов подняли восстание. Помня, что ему в ЧК угрожали расстрелом, он, как и многие его знако-

мые, записался добровольцем в полк, которым командовал его земляк фронтовик капитан Жуланов. Вот так и стал Макар Заварзин рядовым Воткинско-го полка добровольческой дивизии. В бою под селом Дуброво взяли в плен какого-то комиссара. Ротный, прапорщик Зуев, из заводских инженеров, вызвал к себе знакомого по заводу Макара Заварзина и сказал:

— Вот что, Макар, я знаю тебя, как надежного человека. Ты должен доставить комиссара в штаб полка в Елово. Доставишь, возьмешь расписку, и жди нас там. Мы прочистим тут деревеньки и тоже будем в Елово. Ты парень здоровый, молодой. Надеюсь, комиссар от тебя не сбежит. А для надежности свяжи ему руки.

Комиссар оказался таким же рабочим, как и он, но не с Воткинского, а с Мотовихинского завода. Пока шли, о политике не говорил. Шутил, рассказывал анекдоты, над которыми оба смеялись, как дети. О том, что комиссара звать Петром, а по фамилии Морев, Макар знал из сопроводительной бумаги. Когда до Елово оставалось верст десять, Макар решил сделать привал. Расположились под разлапистой елью.

— Давай-ка, Петя, — обратился он к пленному по-простому, — развяжу тебе руки, а то сидеть-то будет несподручно. Он снял вещешок, достал краюху хлеба, разломил пополам и протянул пленному. — Возьми, погрызи, небось со вчерашнего во рту-то ничо не бывало. Когда перекусили. Макар достал кисет с махоркой и предложил пленному закурить.

— Тебя-то как звать? — неожиданно спросил пленный своего конвоира.

— Макаром. А тебе зачем?

— Ну как же, — ответил тот, — какникак, христиане...

— А што ж вы, христиане, да еще рабочие, на своих идете? Скольких рабочих, да и баб с ними расстреляли у нас в Воткинске!

— Революций, Макар, без жертв не бывает. Тех, кто у вас в Воткинске да Ижевске распоясался, отданы под суд революционного трибунала. А ты знаешь, как ваши-то добровольцы с красными поступают?

— Знаю, — прервал пленного Макар и, поднявшись на ноги, прицепив к поясу ополовиненную фляжку с водой, взял винтовку наперевес и зло скомандовал: — А ну, хватит болтать, марш вперед!

— А руки-то, Макар, пошто не связал, а вдруг сбегу?

— От меня не сбежишь, — ответил тот. — А побежишь, так с винтаря достану...

— Эх, Макар, Макар, — вздохнул неожиданно пленный. — Ведь ты же грамотный рабочий. Неужели непонятно, что вся Россия поднялась против эксплуататоров. Не одолеть вам Рассею-то. А она от вас ничо не оставит. Подумай-ко над этим.

Когда подходили через лес к деревне Барановке, от которой до Елово оставалось версты три, Макар неожиданно скомандовал:

— А ну стой!

Пленный остановился.

— Вот что, Петр, давай ко беги отсюда, куда глаза глядят!

Пленный медленно повернулся к конвоиру, удивленно посмотрел на того. Нет, стрелять в него тот явно не собирался. Винтовка висела на ремне за плечом.

— Может, вместе пойдем, Макар, — неожиданно тихо предложил пленный. Он уже понял: конвоир не шутит.

— Нет уж, товаришок, не пойдем, — Макар зло посмотрел на пленного, — мне вы — и красные, и белые — вот уже где. — Он ребром ладони провел по горлу. — А ну, давай, беги отсель, пока я не передумал. — Макар забористо матюгнулся и, не оглядываясь, пошагал в сторону Елово.

Почему он признался, что отпустил пленного сам, и соврал, что тот похож на его несуществующего брата, Макар и сам себе не мог объяснить.

...Подпоручик Беляев заглянул в журнал со списком смертников, допил из стакана вино, вышел из каюты. Солдаты поднялись с лавки и, подтянувшись, выжидающе смотрели на конвойного начальника. Подпоручик глянул на виселицу, поморщился и коротко скомандовал:

— Убрать! Уже завоняли, пора обновить!

Солдаты быстро обрезали веревки, подхватили тела и сбросили их за борт. Также сноровисто забросили на перекладину две новые веревки.

Открыли люк. Из залитого мраком трюма баржи дохнуло сыростью и резким запахом тлена. Подпоручик отвернулся, вздохнул и решительно наклонился над люком.

— Макар Заварзин!

Трюм дышал тяжелым молчанием.

— Опять старая песня, — вздохнул подпоручик и, посмотрев на урядника, скомандовал:

— Разберись-ка, Афанасий, — и, отойдя в сторону, достал из кармана бридж пачку с папиросами.

Урядник опустил по поясу в люк и прокричал:

— А ну, мать вашу!.. Выходи, пока не закидали гранатами! Выходи, Заварзин! Живо!

▲ Офицеры 15 Воткинской стрелковой дивизии

— Обожди маленько! — донеслось из глубины трюма. Дай сапоги сыму, тута есть кто и без сапог...

Макар вылез из люка. Вечер мягко катился по берегам Камы. От высокого правого берега на баржу падала тень. А в тени реки, уже светились бакены. На заплесках левого берега догорали отблески вечерней зари. Макар почувствовал себя, как никогда, бодрым и сильным. Слышал, как уверенно бьется его сердце. Он уже твердо знал, что будет жить. Как? Не знал. Но знал, что будет. В окружении солдат подошел к виселице. Прогретая за день деревянная палуба баржи, приятно ласкала босые ноги.

Подпоручик Беляев тоже был спокоен. Он поднялся на табуретку, начал привязывать висевшую на перекладине веревку. Никто из конвойной команды не умел вешать, как он. Солдаты делали это с какой-то воровской тошнотливостью, а подпоручик спокойно, не спеша. Пока готовил петлю, некоторые приговоренные падали у виселицы замертво. Он и сейчас не изменял своим правилам.

— Ну-тес, а теперь нужно петельку-то смазать, — и стал натирать петлю мылом. Потом просунул в нее голову и подмигнул Макару. — Эх, хороша петелька!

Дикая сила вдруг обуяла Макара. Не понимая, что делает, он остервенело ударил босой ногой по табуретке, сквозь строй оторопевших солдат рванулся к борту баржи и бросился в воду. Он уже не видел, как Беляев, взмахнув руками, повис в петле, как суматошно затопали по барже солдаты...

Пришел в себя только в воде. Услышал, что солдаты стреляют ему вслед, и, сколько хватало воздуха в легких, плыл под водой. Вынырнул, хватил воздуха, снова остервенело греб руками. Когда уже не оставалось никаких сил, вынырнул в торчащий из воды кустарник и почувствовал ногами песчаное дно...

✎

Лонгборд — ЭВОЛЮЦИЯ В СКОРОСТИ

Мода — понятие универсальное, применимое к любому явлению: мода в искусстве, мода в литературе, мода в эстетике и т. д. Как и циклы истории, мода повторяется вновь и вновь, но каждый раз это движение идет не по кругу, а по спирали: новый виток всегда вносит нечто иное, неповторимое. Но к чему это я? Мода в спорте — вот что в этом ключе можно сказать про историю развития лонгборда.

Встречный ветер

Но в 80-е на смену «длинной доске» пришел скейтборд: доска стала короче, скорость меньше, а прыжки и трюки — чаще. И казалось, лонгборд, с его ракетной стремительностью и плавными поворотами, исчез окончательно. Но возвращается все или почти все... Сегодня, оставляя калифорнийское побережье, где время остановилось, посмотрим, как с другой стороны зеленой планеты уральцы рассекают асфальтовые волны на своих досках, длиной под полтора метра и с дециметровыми колесами.

***

Современный лонгборд не тот, что был в 50-х. Это «экстремаль-

ная эволюция», соединившая и серфинг, и скейтборд, и сноуборд! Конечно, внешне устройство лонгборда покажется очень похожим на скейтборд. Но это только первое, обманчивое впечатление. Во-первых, сама доска (или дека) длиннее, хотя название говорит само за себя. Во-вторых, колеса на «лонге» большего диаметра и с низкой жесткостью, что позволяет тебе развивать огромные скорости, а двигаться при этом мягко, почти не замечая изъяны и неровности асфальта. В-третьих, подвески широкие, а значит устойчивость тебе и твоей доске обеспечена.

По сути лонгборды делятся на три основных типа.

«Серф-стайл». Длина таких досок переваливает за 1,5 метра. На этих гигантских «бордах» катают настоящие калифорнийские серферы-романтики. Техника катания очень схожа с серфингом: то же неспешное выписывание больших дуг, но только на асфальте.

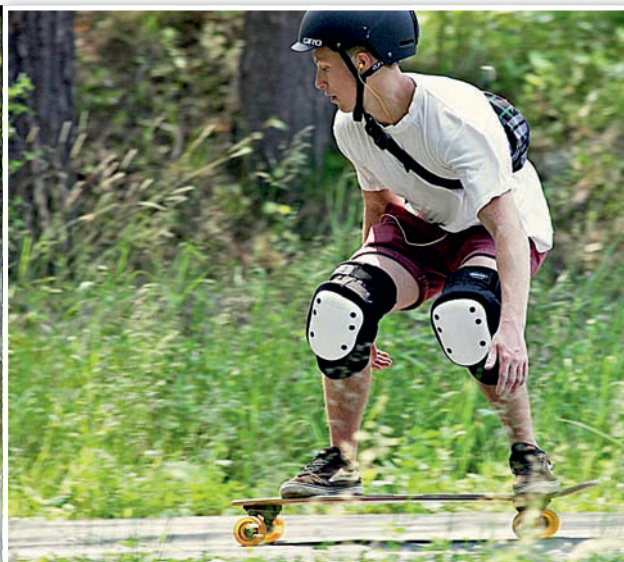
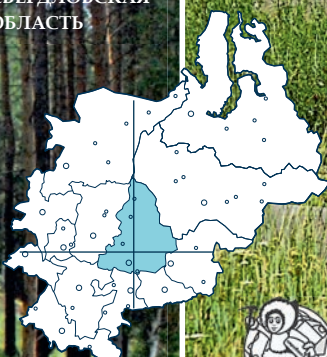
«Даунхил». Специальные доски особой конфигурации, немного короче предыдущих (около 120–130 см), с пониженным центром тяжести и внушительными подвесками, которые помогают райдеру (катающемуся) удержаться на доске во время движения на большой скорости. На стремительность работают и колеса — самые большие, ка-

Евгения Баранова

Сноубордист-профессионал с 2001 года, полтора года назад переехала в Екатеринбург и увлеклась лонгбордом.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

кие только могут быть. Скорость сумасшедшая – бывает, что зашкаливает за 100 км/ч (и это стоя на доске!). К слову, в этой дисциплине недавно поставлен новый скоростной рекорд – 134 км/ч. Именно поэтому райдеры непременно одеваются в защитные костюмы, аналогично гонщикам-мотоциклистам, а на голове – фулфейс, как называют непробиваемый обтекаемый шлем.

«Карвинг». Эти доски отличаются многообразием по форме и размерам. Их длина разнится на отрезке от 80 до 120 см. Гибкие подвески и большие колеса делают эти доски настоящими акулами городских улиц. Плюс универсальность и маневрен-

Краткая справка

- * Лонгборд – с английского: *long* – длинный, *board* – доска. Длина такой доски на колесах, в зависимости от типа, может зашкаливать за 1,5 метра.
- * Классические лонгборды пятидесятых и шестидесятых годов имели простой дизайн, сходный с досками «оло» древних гавайцев. «Оло» в основном имели скругленное выпуклое дно, дабы снизить сопротивление воды по всей длине доски. Достигалось это за счет выгаливания воды в стороны от средней линии при скольжении доски по воде. А это значит, что прародителем всего серфостроения были лодка и каноэ, точнее их внешний контур.
- * У современных лонгбордеров свой язык:
  - дека* – доска;
  - спот, трек* – трасса;
  - катать* – ездить, проходить трассы на лонгборде;
  - стрит* – катание по городу;
  - даунхил* – прохождение трассы на скорость.

ность этих лонгбордов открывает почти неограниченное множество стилей катания.

***

Первые лонгборды в уральской столице можно было встретить лет 10 назад, но набирать обороты это движение стало в течение последних двух лет, с появлением нашей инициативной группы. Пока лонгборд не так популярен, как хотелось бы. Поэтому уличные прохожие часто с интересом выпытывают у нас: что же это за явление такое и с чем его едят. А некоторые судорожно разбегаются в стороны, прячут детей. Несмотря на это, идея скорости и драйва заражает все больше людей на Урале, от школьников до взрослых — каждый желающий способен приручить «лонг»! Откуда я это знаю? Поддерживаю связь с единомышленниками из Челябинской, Тюменской областей, Пермского края.

Пусть официальных школ в Екатеринбурге пока нет, но их открытие планируется осуществить в ближайшие два года. И пусть нам пока рано организовывать соревнования, но думаю, что на следующий год проведение первых состязаний на Урале станет уже актуальным вопросом (тем более что спонсоры найдены). Остается только найти участников. Но и в этом отношении прогресс уже начался: с целью привить молодежи любовь к лонгборду, в июне мы через соцсети набрали 10 желающих (из них шестеро были новичками), выехали на трек, вручили доски (из личного запаса организаторов группы) и все рассказали-показали. Все, вновь присоединивши-

еся, без исключения, сейчас продолжают тренироваться — такой показатель не может не радовать!

***

Уральский климат оставляет для лонгборда только лето, да и то кататься можно только в отсутствие дождя. Асфальт, естественно, не снег — ошибок не прощает. Ездить по мокрому полотну очень опасно, особенно с горы: широкие колеса «лонга» не вытесняют воду, поэтому на повороте при малейшей ошибке в «развесовке» и положении тела — внезапный занос, а дальше травмы или того круче...

Чтобы развлечь себя трюками и изощренной ездой на фоне каменного мегаполиса, да и просто пообщаться с другими райдерами — направляюсь напрямик к Драмтеатру, что в центре города. Но мне нравятся большие скорости — это чистый драйв! — и получить их можно на извилистых трассах. В Екатеринбурге это биатлонная база в 12 км от города: плавные перепады высот, но повороты не особо крутые. Поэтому, когда адреналиновый «аппетит» растет и скорости уже не хватает, отправляюсь в уктусский лесопарк: красивый пейзаж, узкая извилистая трасса (новичкам все же туда лучше не соваться).

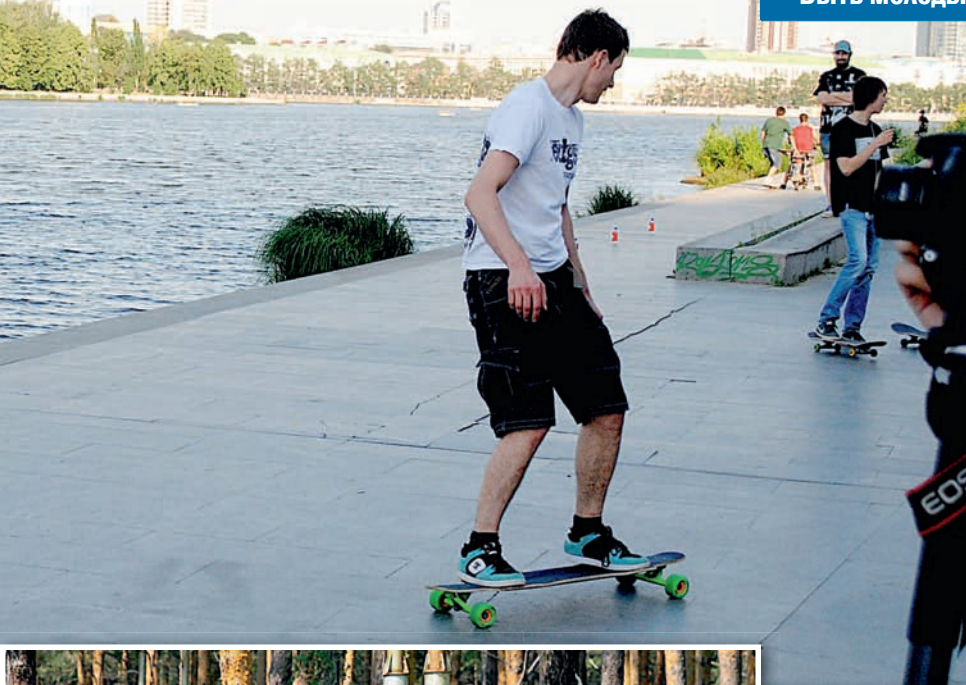
Помню, как решила обкатать свою новую даунхильную доску по ровным дорожкам парка им. Маяковского. Более подходящего места в городе для этого не придумаешь. Но из-за жажды скорости и азарта тихая прогулка закончилась неприятностью. Тогда я только училась управлять лонгбордом, еле-еле сохраняла равновесие,

поэтому мой друг Олег, умелый райдер, решил меня поддержать. Катать по прямой мне стало скучно — решила пойти на спуск. Олег ринулся вперед, а я за ним. Но на полпути понимаю, что доска набирает дикую скорость, а на пути еще поворот и проезжая парковая дорога (конечно, машины на ней появляются редко, но риск никто не отменял). Разумеется, тормозить на больших скоростях я на тот момент еще не умела, оставалось только взмолиться, чтобы за поворотом не оказалось автомобиля. Время замедлилось, как это бывает в опасных ситуациях: успеваю представить себе возможный исход: либо меня собьет машина, либо, если успею спрыгнуть с доски, не миновать мне перелома. Но поворот стремительно приближается... Собираюсь с духом, спрыгиваю с «лонга» и по инерции продолжаю бежать вперед. На третьем шаге мои ноги не успевают за телом, подкашиваются, и я приземляюсь на бедро. Результат — на всю последующую неделю я лишилась возможности сидеть.

Справедливости ради стоит отметить, что уральская столица крайне ску-

ляющих по середине трека и создающих аварийные ситуации. К тому же это длинный трек, на котором я даже попыталась заблудиться. Но сегодня моя мечта – побывать на биатлонной трассе № 1 в Ханты-Мансийске!

В заключении не могу не отметить довольно странное социальное явление, связанное с зарождением уральского лонгборда. Для многих людей «длинная доска» – лишь веяние моды: они приобретают лонгборд как аксессуар, только для того, чтобы фотографироваться с ним, демонстрируя якобы свою принадлежность к этому направлению. Наше движение, для которого лонгборд является стилем жизни, против подобной «мишуры». Но со временем, я уверена, в нашем «мире скорости» останутся только подлинные экстремалы, а лишние отсеются. **УС**

па на подходящие трассы. И мы иногда устраиваем выезды в другие города, чтобы совместно покататься и лично познакомиться с нашими «сородичами». Например, этим летом я побывала в Тюмени и поняла, что отныне мое сердце отдано этому городу. Там потрясающая лыже-роллерная трасса: идеальное покрытие, сложный ландшафт, перепады высот, нет людей, гу-

Спутник Дерсу Узала

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Алексей Мурзин

Окончил естественно-географический факультет Курганского пединститута. Работал учителем географии, директором Шадринского краеведческого музея. Сейчас — в Центре русской народной культуры «Лад». Член Русского географического общества. Автор книг, очерков и рассказов. В 2006 и 2009 гг. печатался в «Уральском следопыте». Член Союза писателей России.

Русский географ, этнограф и писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930) был одним из создателей краеведческого направления в отечественной научно-художественной литературе. Его книги: «По Уссурийскому краю» (1921), «Дерсу Узала» (1923), «В горах Сихотэ-Алиня» (1937) — неоднократно переиздавались у нас и за рубежом. В 1975 году на киностудии «Мосфильм» японский кинорежиссер Акира Куросава совместно с советскими кинематографистами создал фильм «Дерсу Узала».

Книги В. К. Арсеньева документальны. Один из героев повести «По Уссурийскому краю» — казак Мурзин — не стал исключением. Это ни кто иной, как крестьянин из старообрядческой деревни Ковриги Шадринского уезда Пермской губернии Алексей Фотеевич Мурзин, 140-летие которого пришлось на февраль 2013 года. Рассказ о нем мы дополняем фрагментами повести «По Уссурийскому краю».

...Я переехал в Хабаровск, где Приамурский отдел Русского географического общества предложил мне организовать экспедицию для обследования хребта Сихотэ-Алинь и береговой полосы в Уссурийском крае: от залива Ольги на север, насколько позволит время, а также верховьев рек Усури и Имана. Моими помощниками были назначены Гранатман, Анофриев и Мерзляков. Кроме того, в состав экспедиционного отряда вошли шесть сибирских стрелков (Дьяков, Егоров, Загурский, Мелян, Туртыгин, Бо-

карев) и четыре уссурийских казака (Белоножкин, Эпов, Мурзин, Кожевников)...

Сохранило ли время память о других участниках походов Владимира Клавдиевича, ведь многое из его обширнейшего архива официально до сих пор считается утраченным? Мурзину в этом плане, можно сказать, повезло. Он попал в поле зрения уральского краеведа Владимира Павловича Бирюкова. Некоторые связанные с его жизнью артефакты благодаря сыну Сергею Алексеевичу Мурзину-Минич стали экспонатами Шадринского краеведческого музея, шадринские краеведы продолжают упоминать о нем в своих статьях. Таким образом, Мурзин и до сих пор живет в шадринском культурном пространстве.

Родился Алексей Фотеевич 12 (24) февраля 1873 года. Умер 31 января 1926 года в Шадринске. С 1902 по 1907 годы он служил в Уссурийском казачьем войске, часть этого срока пришлось на участие в экспедиционном отряде В. К. Арсеньева. В благодарность за преданную службу Арсеньев подарил А. Ф. Мурзину серебряные карманные часы (хранятся в Шадринском краеведческом музее), а в память о совместных приключениях — китайский ковер с изображением тигра. По представлению Арсеньева Мурзин был награжден Георгиевским крестом и медалью «Отличный стрелок». После службы Алексей Фотеевич жил и работал в Шадринске.

В. К. Арсеньев, вспоминая спутников, с которыми ему выпало делить все тяготы походов по малоизученным землям Приморья, ни разу не отозвался о них пренебрежительно, не сокрушался по поводу их неисполнительности или откровенного саботажа. Выросшие в крепких крестьянских семьях стрелки

▲ Часы, полученные Мурзиным за службу в отряде В. К. Арсеньева

▲ Коврига

и казаки, как на подбор, были неунывающими, покладистыми, неутомимыми. Они стойко переносили голод, перемены погоды, выручали друг друга, иногда рискуя своим здоровьем и даже жизнью. Не отставал от остальных и казак Мурзин.

За последние дни лошади наши сильно похудели. Днем они были в работе, а ночью страдали от гнуса. Они не хотели пастись на траве и все время жались к дымокурам. Чтобы облегчить их работу, я решил часть грузов отправить в лодке с двумя стрелками. Китайцы охотно уступили ее нам за недорогую цену. Но не суждено было ей совершить это плавание. Как только она вышла на середину реки, один из пассажиров потерял равновесие и упал. Лодка тотчас перевернулась. Стрелки умели плавать и без труда добрались до берега, но ружья, топоры, запасные подковы, пила и ковочный инструмент утонули.

В команде нашлись два человека (Мурзин и Мелян), которые умели нырять. До самых сумерек они бродили по воде, щупали шестами, закидывали веревки с крючьями, но все было напрасно.

Следующий день, 8 июня, ушел на поиски в воде ружей. Мы рассчитывали, что при солнце будет видно дно реки, но погода, как на грех, снова испортилась. Небо покрылось тучами, и стало моросить. Тем не менее, после полудня Меляну удалось найти два ружья, ковочный инструмент, подковы и гвозди. Удовольствовавшись этим, я приказал собираться в дорогу...

Владимир Клавдиевич отмечал, что стрелки и казаки иногда оказывались даже более подготовленными к походной жизни, нежели их руководитель, выросший в безопасной городской среде.

...Пятнадцатого июля, рано утром, я выступил в дорогу, взяв с собою Мурзина, Этова и Кожевникова. Ночевали мы в селе Пермском, а на другой день пошли дальше.

После чая мы с Мурзиным взяли свои ружья и разошлись в разные стороны. На всякий случай, я захватил с собою на поводке Лешего. Вскоре я нашел кабанов и начал их следить. Дикие свиньи шли не останавливаясь и на ходу все время рыли землю. Судя по числу следов, их было, вероятно, больше двадцати. В одном месте видно было, что кабаны перестали копаться в земле и бросились врассыпную. Потом опять сошлись вместе. Я уже хотел было прибавить шагу, как вдруг то, что я увидел, заставило меня оглянуться. Около лужи на грязи был свежий отпечаток тигровой лапы. Ясно представил себе, как шли кабаны и как следом за ними крался тигр. «Не вернуться ли назад?» — подумал я, но тотчас же взял себя в руки и осторожно двинулся вперед...

...Теперь дикие свиньи пошли в гору, потом спустились в соседнюю падь, оттуда по ребру опять стали подниматься вверх, но, не дойдя до вершины, круто повернули в сторону и снова спустились в долину. Я так увлекся преследованием их, что совершенно забыл о том, что надо

осматриваться и запомнить местность. Все внимание мое было поглощено кабанями и следами тигра. Так прошел я еще около часа...

...Несколько мелких капель, упавших сверху, заставили меня остановиться; начал накрапывать дождь. Сперва он немного только поморосил и перестал... .. и, наконец, он полил как следует.

«Пора возвращаться на бивак», — подумал я и стал осматриваться, но за лесом ничего не было видно. Тогда я поднялся на одну из ближайших сопок, чтобы ориентироваться.

Кругом, насколько хватал глаз, все небо было покрыто тучами; только на крайнем западном горизонте виднелась узенькая полоска вечерней зари...

...Куда идти? Я понял свою ошибку. Я слишком увлекся кабанями и слишком мало уделил внимания окружающей обстановке. Идти назад по следам было нелегко. Ночь застигла бы меня раньше, чем я успел бы пройти и половину дороги. Тут я вспомнил, что я, как некурящий, не имею спичек. Рассчитывая к сумеркам вернуться на бивак, я не захватил их с собой...

...Как бы ни был мал дождь в лесу, он всегда вымочит до последней нитки...

...Через полчаса в лесу начало темнеть. Уже нельзя было отличить яму от камня, колодник от земли. Я стал спотыкаться. Дождь усилился и пошел ровный...

...Быть в лесу, наполненном дикими зверями, без огня, во время ненастья — жутко...

...Крик радости вырвался из моей груди. Это была тропка! Несмотря на усталость и боль в ноге, я пошел вперед.

«Теперь не пропаду, — думал я, — тропинка куда-нибудь приведет».

...Наконец я совершенно выбился из сил и сел на пенёк. Руки и ноги болели от заноз и ушибов, голова отяжелела, веки закрывались сами собой...

...Опасаясь, чтобы не простудиться, я вскочил и начал топтаться на месте, но в это время увидел свет между деревьями. Я решил, что это галлюцинация. Но вот огонь появился снова. Сонливость моя разом пропала. Я бросил тропку и пошел прямо по направлению огня...

...Через четверть часа я подошел настолько близко к огню, что мог рассмотреть все около него. Прежде всего, я увидел, что это не наш бивак.

...Идти к огню или нет? Хорошо, если это охотники, а если я наткнулся на табор хунхузов? Вдруг из чащи сзади меня выскочил Леший (собака В.К. Арсеньева, — авт.). Он смело подбежал к огню и остановился, озираясь по сторонам. Казалось, собака тоже была удивлена отсутствием людей. Она обошла вокруг костра, обнюхивая землю, затем направилась к ближайшему дереву, остановилась около него и завиляла хвостом... Тогда я решил подойти к огню, но спрятавшийся опередил меня. Это оказался Мурзин. Он тоже заблудился и, разведя костер, решил ждать утра. Услышав, что по тайге кто-то идет, и не зная, кто именно, он спрятался за дерево...

Высокая экономическая автономия деревень и стремление старообрядцев-двоедан к максимальной независимости от окружавшего их мирского населения требовали от поселенцев развития самых разных трудовых навыков. Лес, поле, река становились основой крепких двоеданских хозяйств, но требовали, прежде всего, от мужчин, особого бережно-трепетного отношения к себе, что отражалось на их характере и привычках.

...Сегодня мы имели случай наблюдать, как казаки охотятся за пчелами. Когда мы пили чай, кто-то из них взял чайку, в которой были остатки меда.

Немедленно на биваке появились пчелы — одна, другая, третья, и так несколько штук. Одни пчелы прилетали, а другие с ношей торопились вернуться и вновь набрать меду.

Разыскать мед взялся казак Мурзин. Заметив направление, в котором летели пчелы, он встал в ту сторону лицом, имея в руках чайку с медом. Через минуту появилась пчела. Когда она полетела назад, Мурзин стал следить за ней до тех пор, пока не потерял из виду.

Тогда он перешел на новое место, дождался второй пчелы, перешел опять, выследил третью и т.д. Таким образом, он

медленно, но верно шел к улью. Пчелы сами указали ему дорогу. Для такой охоты нужно запастись терпением.

Часа через полтора Мурзин возвратился назад и доложил, что нашел пчел и около их улья увидел такую картину, что поспешил вернуться обратно за товарищами. У пчел шла война с муравьями...

Воспитанный в духе почтения к старшим и искренней набожности, Мурзин был исполнительным, и терпеливым, с презрением относился к курящим и пьющим людям, легко находил общий язык со скрытными недоверчивыми переселенцами Приморья — староверами.

После чая опять Паначев (проводник — старовер, — авт.) пошел вперед, за ним стрелки с топорами, а через четверть часа после их ухода тронулись и выюки.

— А ведь опять будет дождь, — сказал Мурзин.

— Ненадолго! — ответил ему старовер. — К вечеру, бог даст, перестанет.

По его словам, если после большого ненастья нет ветра и сразу появится солнце, то в этот день к вечеру надо снова ждать небольшого дождя.

Награжденный медалью «Отличный стрелок», Мурзин, наряду с гольдом-охотником Дерсу Узала, чаще других спутников Арсеньева описан именно как стрелок:

...На рассвете раньше всех проснулся Дерсу. Затем встал я, а потом и другие. Солнце только что взошло и своими лучами едва озарило верхушки гор. Как раз против нашего бивака, шагах в двухстах, бродил ... медведь. Он все время топтался на одном месте. Вероятно, он долго еще ходил бы здесь, если бы его не спустил Мурзин. Казак взял винтовку и выстрелил.

Медведь круто обернулся, посмотрел в нашу сторону и проворно исчез в лесу...

▲ Мурзин А.Ф. со своим сыном Сергеем в 1915 г.

...В другой стороне, около воды, ходила восточная белолобая казарка. Я сначала принял ее за гуся. Она мне показалась больше размерами, чем есть на самом деле. Мурзин обошел ее по кустам и убил пулей...

...По свойственной казакам-охотникам привычке Мурзин поднял свое ружье и стал целиться в ближайшего к нам сивуча, но Дерсу остановил его и тихонько в сторону отвел винтовку...

Особое отношение В.К. Арсеньева к Мурзину, как одному из наиболее надежных спутников, обусловило выбор его в качестве одного из участников опаснейшего зимнего похода 1906 года. У отряда кончались припасы, но оставался не пройденным еще значительный участок намеченного маршрута. Владимир Клавдиевич принимает непростое решение, завершить экспедицию в составе небольшого отряда.

...Ввиду приближения зимнего времени довольствие лошадей сделалось весьма затруднительным. Поэтому я распорядился всех коней с А.И. Мерзляковым и с частью команды отправить назад к заливу Ольги...

...Таким образом, для зимнего похода через Сихотэ-Алинь оставались только я, Г.И. Гранатман, Дерсу, двое казаков (Мурзин и Кожевников) и стрелок Бочкарев...

Немалые испытания выпали на долю участников этого перехода. Настоящая зима, как это часто бывает, началась внезапно.

...Я полагал, что дело окончится небольшим дождем, и, убаюканный этой мыслью, заснул. Сколько я спал, не помню. Проснулся я оттого, что кто-то меня будил. Я открыл глаза, передо мной стоял Мурзин.

— Снег идет, — доложил он мне.

Я сбросил с себя одеяло. Кругом была темная ночь. Луна совершенно исчезла. С неба сыпался мелкий снег. Огонь горел ярко и освещал палатки, спящих людей и сложенные в стороне дрова. Я разбудил Дерсу. Он испугался спросонья, посмотрел по сторонам, на небо и стал закуривать свою трубку...

Лишенный выючных коней, отряд пользовался любимыми подвернувшимися транспортными средствами. Лодка, предоставленная за небольшую плату проводниками — орочами, на некоторое время облегчила участь путешественников, но замерзающая малоизученная река таила серьезные опасности. Эта часть маршрута едва не стоила Алексею Мурзину и Дерсу Узала жизни.

— Лед скоро лодку ломай! — закричал Дерсу не своим голосом. — Скорей надо ходи!

Он выскочил из лодки и по плавающему льду побежал к берегу, таща за собой ве-

ревку. Раза два он проваливался, но скоро опять взбирался на лед. К счастью, до берега было недалеко. Следуя его примеру, выскочили и казаки.

Кожевников и Бочкарев достигли берега благополучно, но Мурзин провалился. Он начал карабкаться на льдину, но она перевернулась. Чем больше он карабкался, тем глубже погружался в воду. Еще минута, и он опустился бы на дно. Тогда на выручку ему бросился Дерсу. Был момент, когда он сам мог погибнуть. В это время я вместе с орочами перебирался с одной льдины на другую. Мы тащили лодку и в то же время держались за нее. К счастью, нос лодки скоро оказался вблизи Дерсу и Мурзина, и это спасло их обоих. Лодка опять загрузла. Она стала поперек реки, и ее повлекло по течению вместе со льдом. Тогда мы стали бросать на берег наши котомки и за-

тем вылезли сами. Через несколько минут лодку прижало к утесу. Словно живое существо, она некоторое время еще сопротивлялась льдам и вздрагивала, потом вдруг треснула и сломалась пополам. Раздался еще один хруст, из воды показался один обломок, и затем все исчезло.

Измощенные, измученные холодом, ветрами, недостатком пищи путешественники искали хотя бы какого-то приюта...

— Дервня! — воскликнули все в один голос.

— Ночью огонь постоянно обмани, — сказал на это Дерсу.

Действительно в темноте огонь виден далеко. Иногда он кажется дальше, чем есть на самом деле, иногда совсем близко, почти рядом. Мы шли, и, казалось, огонь тоже уходил от нас. Я уже хотел было сде-

▲ В.К. Арсеньев

лать привал, но огонь вдруг сразу появился совсем близко. В темноте мы разглядели избу, другую, третью — всего восемь домов. Это была деревня Вербовка. Многих крестьян не было дома, они ушли на заработки в город. Испуганные женщины приняли нас за хунхузов и не хотели открывать дверей. Пришлось прибегнуть к помощи старосты! Он приоткрыл меня, Дерсу и Бочкарева у себя, а Г.И. Гранатмана, Мурзина и Кожевникова — соседи.

Последний день перехода дался отряду с наибольшими усилиями. Но, возможно именно эти пережитые вместе лишения, на долгие годы сдружили руководителя экспедиции с ее рядовыми участниками — его преданными и безотказными помощниками.

За этот день мы так устали, как не уставали за все время путешествия. Люди растянулись и шли вразброд. До железной дороги оставалось километра два, но это небольшое расстояние далось нам хуже двадцати в начале путешествия. Собрав последние остатки сил, мы потащились к станции, но, не дойдя до нее каких-нибудь двухсот-трехсот шагов, сели отдыхать на шпалы.

Проходившие мимо рабочие удивились тому, что мы отдыхаем так близко от станции...

...Нам было не до шуток. Жандармы тоже поглядывали подозрительно и, вероятно, принимали нас за бродяг.

Наконец мы добрались до поселка и остановились в первой попавшейся гостинице. Городской житель, наверное, возмущался бы ее обстановкой, дороговизной и грязью, но мне она показалась раем.

Мы заняли два номера и расположились с большим комфортом. Утром я проснулся рано. Первая мысль, которая мне доставила наслаждение, было сознание, что более нести котомку не надо...

...Вечером мы ходили в баню. За время путешествия я так сжился с казаками, что мне не хотелось от них отделяться. После бани мы все вместе пили чай.

Это было в последний раз. Вскоре пришел поезд, и мы разошлись по вагонам.

Семнадцатого ноября мы прибыли в Хабаровск...

Для самого А.Ф. Мурзина участие в походах В.К. Арсеньева, стало одной из ярчайших страниц его биографии. Об этих событиях он вспоминал всю свою жизнь. Шадринский краевед Леонид Петрович Осинцев, собирая материал об Алексее Фотеевиче, встречался с еще помнившими его соседями и родственниками. По их словам, Мурзин часто вспоминал неутомимого и заботливого начальника Арсеньева, спасшего его жизнь следопыта Дерсу Узала. Не редко он рассказывал и о встречах с тигром, и о своих сослуживцах — казаках и стрел-

▲ Мурзин Алексей Фотиевич в годы службы в отряде В.К. Арсеньева в 1902-1907 гг.

ках. На одной из стен его шадринского дома висел и подаренный В.К. Арсеньевым ковер.

Желанными были письма В.К. Арсеньева в Шадринск, из них А.Ф. Мурзин узнавал о судьбе других участников экспедиции, с которыми писатель поддерживал связь.

Если во время путешествия я и достиг хороших результатов, то этим я в значительной степени обязан своим спутникам.

Большую часть своего успеха я отношу к примерной самоотверженности и честной службе сибирских стрелков и уссурийских казаков, бывших со мной в путешествиях.

Мне не только не приходилось их подбадривать, а, наоборот, приходилось останавливать из опасения, что они надорвут свое здоровье. Несмотря на лишения, эти скромные труженики терпеливо несли тяготы походной жизни, и я ни разу

не слышал от них ни единой жалобы. Многие из них погибли в войну 1914–1917 годов, с остальными же я и по сие время нахожусь в переписке.

Из предисловия к повести «По Уссурийскому краю», 1921 г.

В 1908 году после возвращения со службы Алексей Мурзин женился на односельчанке Татьяне Ивановне Южаковой. Семья поселилась на окраине Шадринска. Алексей Фотеевич работал легковым извозчиком и в коммунальном хозяйстве города. Известно, что в этом качестве в 1919 году он участвовал в перезахоронении расстрелянных чехословаками сторонников советской власти.

Родственники отмечали, что А.Ф. Мурзин никогда не болел, однако, зимой 1926 года он неожиданно простудился, болезнь развивалась три дня. 31 января спутник В.К. Арсеньева скончался.

К сожалению, шадринские краеведы так и не смогли установить место упокоения Алексея Фотеевича. Известно, что он был похоронен на городском кладбище. Но, указаний, на каком именно, нет. Одно из действовавших в то время городских кладбищ с 1928 года начало уничтожаться, сейчас на его месте улицы и одна из городских площадей, высятся многоквартирные дома и Дворец культуры. Если же он был похоронен на сохраняющемся, как мемориальное, Воскресенском кладбище, то простой деревянный памятник, свойственный двоеданским могилам, мог не сохраниться...

Дом, в котором с 1918 года и до конца жизни жил А.Ф. Мурзин, простоял до начала 1970-х годов, а затем был снесен, на его месте сейчас панельная пятиэтажка.

В.К. Арсеньев пережил А.Ф. Мурзина всего на четыре года. Оба они, не смотря на отменное здоровье, которым отличались во время походов, не дожили и до 60 лет. Не дожили и до того позора, которому подверглись многие честно выполнившие свой долг, истинные патриоты, попав под пресс подозрений и жернова репрессий. В.К. Арсеньев, простудившись во время работы над проектом строительства новых железных дорог в Приамурье, подобно своему спутнику и ровеснику Алексею Мурзину проболел три дня и в ночь с 3 на 4 сентября скончался. Вдове Владимира Клавдиевича можно сказать чудом удалось избежать обвинения, а сам исследователь уже посмертно стал «японским шпионом». Да, в 1917–1919 годах революционные события он воспринял без сочувствия, но покинуть Россию, как это сделали многие его друзья и сослуживцы, отказался. Многие из спутников Владимира Клавдиевича так же подверглись допросам в связи с расследованиями «шпионских» дел.

Экспедиции В.К. Арсеньева пополнили Российской империи, а затем и Советской России начать активное освоение побережья Японского моря, через горы Сихоте-Алиня были проложены дороги. В бухтах появились поселки. Арсеньев один из первых указал на серьезные социальные и демографические проблемы края, с которыми Россия, увы, вновь столкнулась через столетие. С болью описывал он и хищническую эксплуатацию природных ресурсов края китайскими и японскими нелегальными промышленниками.

Для сохранения памяти о жившем в Шадринске спутнике Владимира Клавдиевича Алексею Мурзину многое сделал его сын Сергей Алексеевич Мурзин-Минич, работавший зуб-

ным врачом в Кургане, а затем в Магадане. Именно он передал в Шадринский краеведческий музей несколько фотографий, два письма сына В.К. Арсеньева – Владимира и подаренные Арсеньевым его отцу часы. Леонид Петрович Осинцев посвятил Алексею Мурзину очерк «Спутник Арсеньева» в своей книге «Имен связующая нить», изданной в Челябинске в Южно-уральском книжном издательстве в 1988 году. В юбилейный 2013 год Курганское отделение Русского географического общества планирует установку памятного знака в присетской деревне Ковриге, на родине спутника Владимира Клавдиевича Арсеньева Алексея Фотеевича Мурзина.

Автор этих строк так же с гордостью несет фамилию Мурзин, являясь в какой-то мере родственником, земляком (родились мы в одной де-

ревне Ковриге, с разницей ровно в сотню лет) и тезкой того самого Мурзина – героя повести «По Уссурийскому краю» Пожалуй, всех коврижских Мурзиных можно считать родственниками, предок у нас один. Только вот опираться в этих исследованиях часто приходится на воспоминания старожил, людей очень преклонного возраста, с детства заучивших свои родовые (в старообрядческих деревнях еще и в XX веке многое передавалось изустно). Вот так и выяснилось, что наши родовые линии разошлись где-то во второй половине XIX века.

Более близкая родня казака Мурзина обитает сейчас в Ковриге, Шадринске, других поселениях Курганской области. А его прямых потомков судьба раскидала по всему Советскому Союзу: от Прибалтики до Дальнего Востока. **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Участник многочисленных экспедиций. Автор более 600 научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

Обдорск —

Обдорск (современный Салехард) — один из самых ранних сибирских городов. Свое название получил от коми-зырян, у которых дор — «место», т. е. место близ Оби. «Салехард» же — название ненецкое, в переводе на русский язык означающее сале — «селение», хард — на «мысу». Смена названий произошла в 1933 году, когда в составе Тюменской области был образован Ямало-Ненецкий автономный округ.

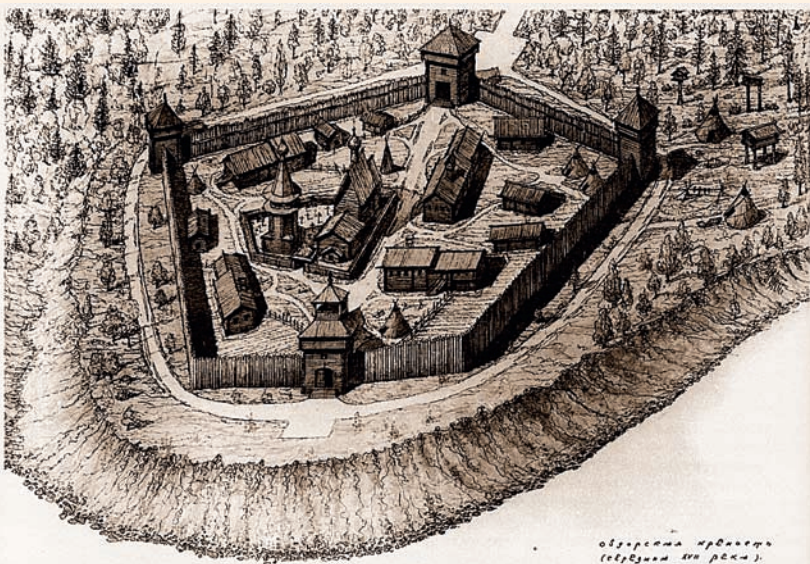
А появление Обдорска на карте России стало результатом первых походов за Камень новгородцев в XII–XIII вв. Новгородские дружины открыли для себя несметные богатства Югории, торговали с уральскими племенами, заложили остроги на Оби и Иртыше. В 1499–1500 гг., во время похода Семена Курбского, они спустились к низовьям Оби и в устье Полюя построили первую

русскую крепость на севере Западной Сибири — Обдорский острог, именуемый на ранних годах его истории Носовым городком.

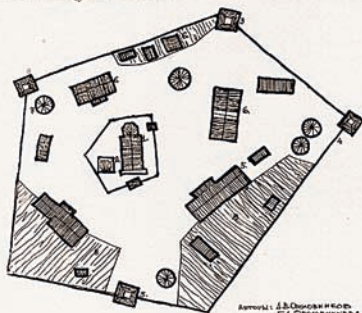
«Государев острог» Обдорск упоминается в исторических документах в 1595 г. Он был срублен под началом березовского воеводы Никифора Траханиотова. Острог с двумя башнями и окружавшим его четырехугольным тыном долгое время не имел ни постоянного караула, ни жилацких людей. Позже тут учредили Обдорскую заставу; в рукописных источниках она именовалась еще и Собской, то есть с Обского устья, а иногда — Обдорской Собской заставой. Основное назначение «острожка Обдорска, или Носового городка» того времени — сбор ясака с самоедов и остяков.

Собская застава стояла на переднем рубеже охраны дороги в «златокипящую» Мангазею, куда можно было добраться только летом, да и то водным путем. Поэтому в низовья Оби только на три летних месяца прибывали таможенные головы, а по окольным путям рассылались служилые люди. «Жить им на тех заставах не много времени — всего три месяца — июнь, июль и август, а больше того жить там нечего, потому что торговым и промышленным и всяким людям кроме Обдора и Собского устья после Семена дня (первого сентября. — Авт.) в осень и во всю зиму ездить нельзя: то место пустое и в сибирские города в то время тою дорогою никто не ездит» (П.Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. 1889).

Многие служилые люди были неопытны в оценке мехов, жало-

Обдорская крепость
(острожка Обдорска,
или Носового городка).
Ир. описанная. 1595 г.

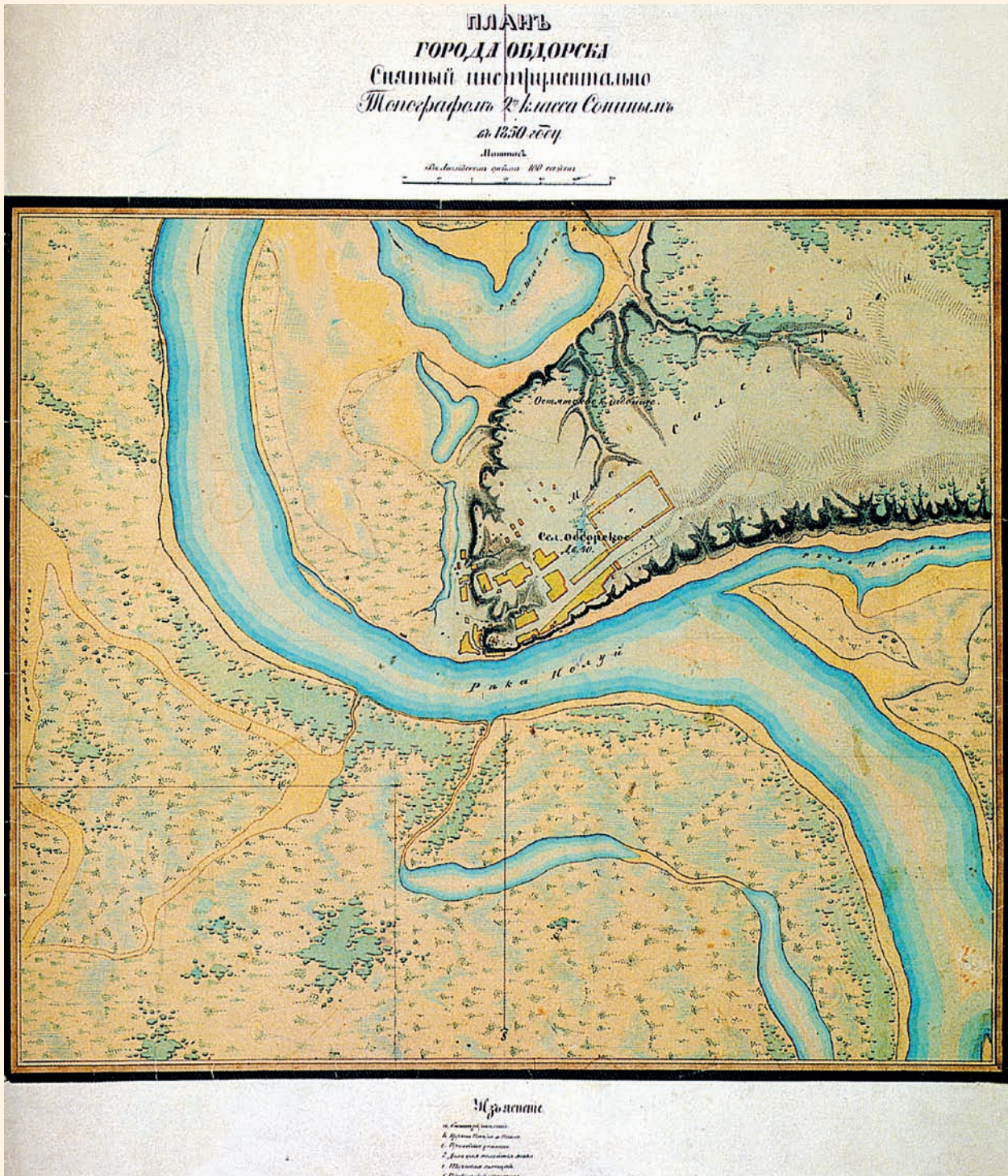

Автор: Д.А. Ошаркин и К.С. Б.А. Сибиряков

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ

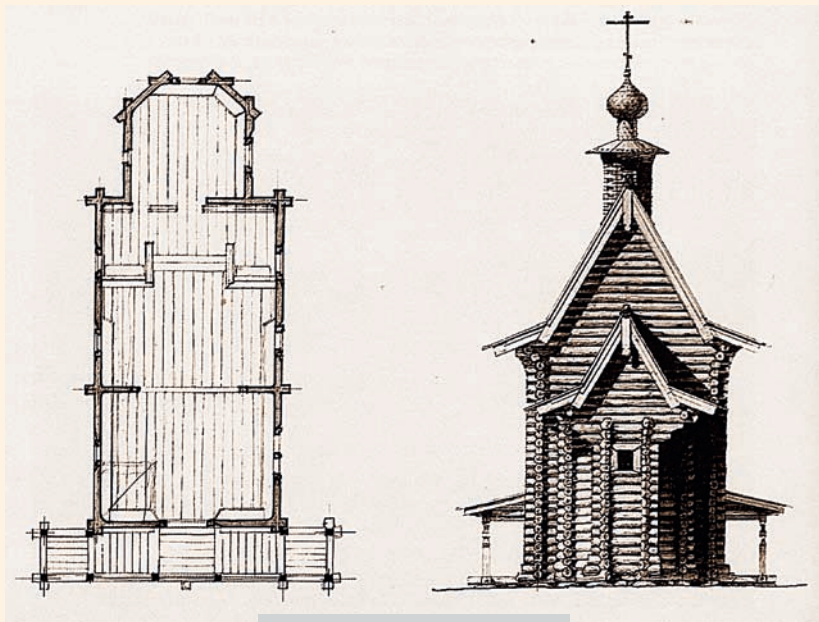
Иллюстрации предоставлены автором

вались, что «таможенное дело нам не за обычай». А потому купцы умудрялись обходить заставы, не страшась царских указов с предписаниями в случае их поимки «бить кнутом нещадно». «Десятая пошлина»

шла «на государя»: кто оставлял десятую часть перевозимого товара, кто деньги. На заставе скапливались залежи всякой всячины: шкурки соболей, бобров, лисиц, кафтаны, сапоги, собачий корм, поношенные

рубахи и даже оловянные и медные пуговицы. Но в Москву отсылали лишь меха, остальное таможенные головы и целовальники тут же продавали, а вырученные деньги шли на жалованье служилым людям

▼ Церковь Обдорской крепости. Реконструкция

и оплату приглянувшегося им товара. При такой системе сбора ясака в далеком, заброшенном под самый Ледовитый океан «царском селении» немалая часть собранного «прилипала» к рукам.

До начала XVII века спокойную жизнь далекой северной окраины России нарушали волнения самоедских племен, живших вблизи Обдорской округи. Они то и дело осаждали «крепостцу», а ее служилые люди как могли защищали.

Главная обдорская цитадель просуществовала несколько столетий. В 1640-х гг. двухбашенный острог был заменен на новый, четырехбашенный, с двумя проезжими и двумя смотровыми башнями. В нем поставили два амбара для торговых людей и таможенно для сбора пошлин с местных торговцев. В 1730–1731 гг. по указу Анны Иоанновны острожные строения обновили. Общая протяжен-

ность крепостных стен увеличилась почти до 300 метров. С тыльной стороны острога разместили три башни из четырех. Это было оправдано стратегически: с башен следили за подходами неприятеля с самого опасного направления — со стороны тундры и тундрового редколесья. В срединной части крепости на самом высоком ее месте возвысилась деревянная церковь; рядом с ней — монументальная шатровая колокольня, служившая одновременно речным створом и маяком. После этой реконструкции Обдорский острог получил статус крепости. Десятью годами позже из Березова в Обдорск послали «две пушки железные со станками и колесами». Помимо них в арсенале крепости числилось 15 копий и 15 бердышей. Этим «арсеналом» Обдорская крепость напоминала старинные русские сказочные городки. При обдорском пушкаре Иване Ники-

тине состоял отряд из 14 казаков «для защиты ясачных остяков от кочевых самоедов».

В середине XVII в. для установления большего порядка в Обдорскую крепость из Березовского воеводства сюда отправляли «для караула» 50 казаков. В последующее время численность «обдорского гарнизона» увеличивалась почти ежегодно, и в 1754 г. в крепости уже было 100 казаков — самая большая численность гарнизона за все время его существования. Через столетие Обдорская крепость представляла собой значительное военное сооружение, но в конце XVIII в. Обдорск потерял свое значение как форпост колонизации заполярной области Западной Сибири. Это явилось следствием заката короткого века Мангазеи, упраздненной царским указом в 1760-е годы. В 1799 г. тобольский губернатор И. Р. Кошелев отозвал из Обдорска «годовую обречь» и упразднил местный «арсенал». Все боевое вооружение вместе с железными пушками на колесах, бердышами и копьями, а также дотошно подсчитанные «пищиками» 444 картечины вывезли и сдали в губернское артиллерийское ведомство. Прекратилась и высылка ежегодных казачьих караулов из Березова и Тобольска. Оставшиеся казаки частично переселились в Березов, а частично продолжали жить на старом месте. В 1771 г. в бывшем русском заполярном форпосте было всего пять дворов, церковь и множество амбаров. А в 1807-м по приказу тогдашнего тобольского губернатора А. М. Корнилова, посетившего Обдорск, крепостные строения — стены и башни — были уничтожены «за ветхостью». На изображениях Обдорска начала XIX в. их уже нет.

Жизнь в Обдорске бурлила только во время навигации. Заполненные товарами кочи и карбасы, направлявшиеся из Архангельской губернии или Тобольска в Мангазею, в обязательном порядке причаливали к обдорской пристани, так что там начиналось столпотворение. Прибывшие останавливались на заставе на несколько дней: платили пошлину и, пользуясь случаем, отдыхали после опасных переходов по морю или Оби. Застава располагала многими удобствами для мореплавателей. Была казенная баня и казенная же «хлебная изба», исправно выпекающая ароматные караваи и сдобы, приглашали чайные и трактиры, где предприимчивые

обдорцы предлагали всевозможные угощения, благо, заготовка харчей, кваса и сула была отдана им на откуп. Отсюда часть судов отправлялась дальше, в Мангазею, а часть прибывших занималась обменом с самоедами и остяками, выменивая у них на привезенные товары (мануфактуру, чай, сахар, крупы, муку, скобяные изделия и охотничьи припасы) песцовые шкуры, олени пыхжики, гагачий пух, сало морского зверя, «рыбий зуб» — бивни моржа, рыбу. То же самое предстояло и на обратном пути, в августе, следующим из Мангазеи торговым судам, которые уже заметно проседали под грузом бочек с рыбой и топленным жиром морского зверя.

С конца XVII — начала XVIII в. небольшой городок у полярного круга оставался одним из главных, если не единственным, очагов устьевого и морского рыбного лова в регионе. Учитывая возросший спрос на рыбу у жителей южных областей Западной Сибири, купцы из Тобольска, Самарова (Ханты-Мансийска), других приобских и прииртышских городов посылали сюда своих торговых агентов. Так что растущее из года в год торговое значение Обдорска уже на рубеже XVIII — XIX вв. полностью преобладало над его прежними охранными и административными функциями. Складывался небывалый по размаху очаг меновой торговли с самоедами (ненцами), остяками (хантами) и вогулами (манси).

Еще будучи крепостью и позже Обдорск занимал важное место в христианизации местных инородцев. Сначала успехи на этом поприще были невелики, чему мешала деятельность местных князьков, призывавших своих соплеменников активно сопротивляться церкви. Дело доходило даже до отправления специальных отрядов. Так, в 1607 г. для усмирения князя Тайшина в Обдорский острог был послан отряд стрельцов во главе с сотником Иваном Рябовым. Но вместо казненного «князьца» борьбу продолжали его сын и внук, не раз подбивавшие обдорскую родовую знать к захвату и грабежу русского города, намереваясь создать хантыйское княжество с подчинением не Москве, а потомкам Кучума. Беспорядки в Обдорской волости продолжались и в первые два десятилетия XVIII в.

Русская православная церковь не раз пыталась покончить с волнениями среди инородческих племен. На этом поприще отличил

▲ Рыбопромышленное заведение на Оби

ся митрополит Филофей (Лещинский), окрестивший сына обдорского князя Гынду Тайшу, нареченного Алексеем, и стремившийся попасть в Обдорск. Но в 1726-м рьяно отстаивающие свою веру язычники даже не пустили священника на берег, угрожая застрелить его вместе со свитой.

В 1746 г. по благословению митрополита Тобольского и Сибирского Антония II (Нарожицко-

▼ Рыбные промыслы

го) в Обдорске был заложен новый храм, освященный во славу Василия Великого; одновременно к церкви пристроили придел во имя святого Николая Мирликийского, особо почитаемого у жителей Севера и Сибири. Почти через семь-

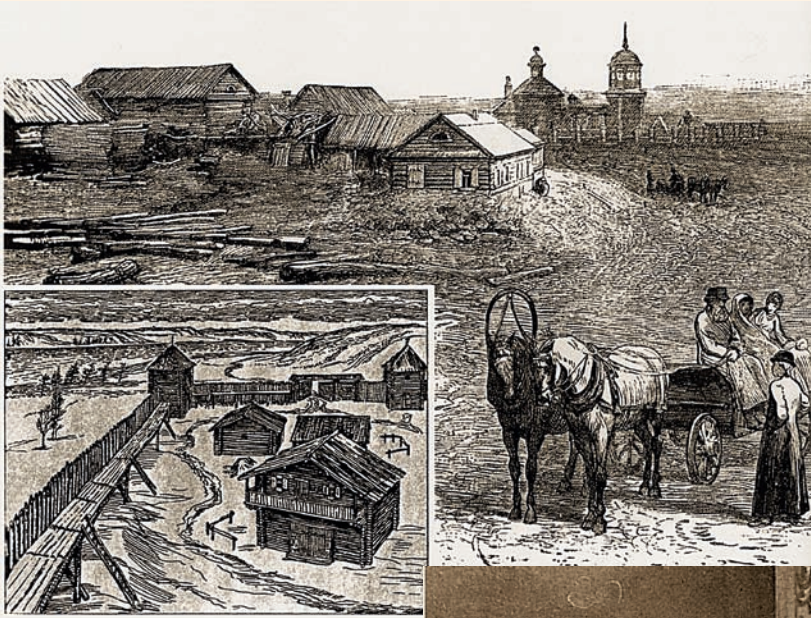
десять лет на месте храма появился новый, 3-престольный. Нововозводимая церковь строилась на средства обдорян и частные пожертвования. Например, иконостас и все церковное убранство были привезены в Обдорск березовским купцом

А.Н. Новгородовым из Тобольска. У новой церкви помимо приделов в честь прежних святителей с учетом пожеланий обдорских прихожан, в основном рыбопромышленников, «иметь святых покровителей рыболовства», появился еще один — в честь апостолов Петра и Павла.

Первая в истории Обдорска каменная церковь появилась в начале 1890-х гг. О строительстве храма игумен Иринарх (И.С. Шемановский) писал: «Обдоряне, справедливо гордясь этим храмом, <...> слыш-

ком склонны к преувеличению своего участия в деле сооружения этого храма, обошедшегося около 100000 рублей. Этот храм выстроен главным образом на образовавшиеся при миссионерской церкви капиталы от денежных и других приношений инородцев. На средства, собранные в разных местах членами Обдорской миссии, на пожертвованные 10000 рублей купцом Трапезниковым «на предмет постройки миссионерской церкви в Обдорске», на 30000 рублей, пожертвованных известным сибирским деятелем А.М. Сибиряковым, на <...> пожертвования обдорского купца Ф.Н. Карпова и еще очень и очень немногих обдорян; на долю же подавляющего большинства обдорского общества в деле постройки обдорского храма выпали лишь одни разговоры и болтовня, часто тормозившие ход построек и доставлявшая немало неприятностей заведывающему постройками купцу И.Н. Корнилову». В сентябре 1894 г. каменная церковь была освящена в честь апостолов Петра и Павла.

Став крупным торговым центром в низовьях Оби, Обдорск в XIX в. достиг расцвета своей коммерческой деятельности. В начале столетия заметно выросло чис-

строенных домиков, очень эффектно, когда на него глядишь с реки...».

Но именно в этот период губернские власти решили снести Обдорск, непонятно почему вдруг озадачившись идеей защиты остяков, хотя раньше такой прыти в их действиях не наблюдалось. Тобольские чиновники «простерли свое стеснение в Обдорске до того, что это селение, состоящее из 52 домов и находящееся в 7 верстах от Оби на Полуе, на скалистом берегу, захотели скрыть с лица земли, под тем предлогом, что оно построено на земле остяков, и что остяки лишаются моху для корма оленей» Положение спас купец Скорняков, в доме которого «уже были выломаны окна». Он «убежал из Обдорска

ло постоянных жителей. Сюда охотно переселялись предприимчивые зыряне (коми) из Печорского края и русские. Было тут и немало потомков казаков, которые закончив свою службу, оставались в Сибири. «Красивое племя: они крепки, голубоглазы и светлорусы. Живут в хороших домах и держат их опрятно. Занятия их: летом — рыболовство, а зимой — звероловство. Почти все достаточны... Женщины хорошо одеваются... Вообще замечено, что крестьяне всего крайнего севера целой Сибири... гораздо образованнее, нежели в средних и южных округах всего края...» (И.И. Завалишин. Описание Западной Сибири.1862).

▲ Князь И.Тайшин (в центре)

▼ Самоедские чумы

и явился к генералу Гасфорту (Г. Х. Гасфорт — генерал-губернатор Западной Сибири, — авт.) во время бытности там члена Государственного Совета Анненкова. Это спасло Обдорск! Генерал Гасфорт исходатайствовал Высочайшее повеление об утверждении Обдорска на том месте, где он теперь находится, и жители пришли в такое умиление от милостивого поступка г. Гасфорта, что тогда же поставили ему в Обдорске памятник!» (М. К. Сидоров. Север России. 1870).

Уже к концу 1840-х годов «в Обдорске заметно некоторое довольство жизни; большая часть домов имеет окна со стеклами; между тем, лет за двадцать тому назад штурман Иванов нашел здесь только четыре дома, которые имели оконные рамы со стеклами; у прочих, вместо стекол, натянута была шкура налимов». «Это гиперборейское местечко, — писал И.И. Завалишин, — с своей красивой деревянной церковкой и группой хорошо об-

▼ Осень в Обдорске на Оби

Обдорск конца XIX в. выглядит прямо-таки «глянцевым городком». «Нынешний вид (1884 г., — авт.) представляет значительное улучшение против прежнего: здесь имеется деревянная церковь, 67 оборов, 150 лавок и амбаров, больница и школа. Жители занимаются охотой, рыбным промыслом и торговлей, даже держат домашний скот и дворовую птицу, хотя и в небольшом количестве, по причине сурового климата» (Живописная Россия. Т. XI. Западная Сибирь. 1884). Летом связь с внешним миром поддерживалась лишь по Оби, а зимой в Обдорск попадали на оленях из Березова. На протяжении 600 верст между уездным и волостным центрами было десять станций, где меняли оленей и ночевали, пережидали непогоду. При подъезде к Обдорску в 1903 г. можно было заметить, что улица «застроена хорошенькими, чистенькими снаружи домиками; видна зажиточность... Ближе, под ногами, раскинулась подгорная часть городка; правильная короткая улица, хозяйственные постройки... Мы зашли сделать визит с любезным хозяином в один дом. Нас ласково встретили, провели в чистые, хорошо меблированные комнаты; всюду обычная городская обстановка; показали весь дом, показали его торговую половину, где одна, где две комнаты заняты лавкой с полками по стенам, с грудой всевозможного товара, где были и предметы самоедского спроса, и местного потребления, и, осматривая такую лавку, нельзя было не удивиться сообразительности северного торгового человека, который, избегая лавочной торговли скуки и холода под таким северным градусом широты, устроил теплое, домашнее помещение и не морозит покупателя и себя, принимая его сначала к себе в комнаты, порой даже угощая чаем, и потом уже проводя в торговое помещение, где покупатель может выбирать сколько ему угодно, не стесняясь ни холодом, ни временем, которое здесь недорого стоит» К. Д. Носилов. Мои записки о жизни, обычаях и верованиях самоедов. 1895).

Неотъемлемой картиной обдорской старины до начала XX в. была летняя пугина. Как столетиями ранее, в это время жизнь в Обдорске оживала. «Оригинальную и оживленную картину представляет тогда берег Полуя. Песчаная береговая полоса вся усеяна разного рода «посулами» (судами, — авт.); тут и тяжелые «неводники» (большие лодки), и маленькие городовушки и быдьяновки. Местами виднеется целый лес мачт, какюков и паузков, уже совсем оснащенных и го-

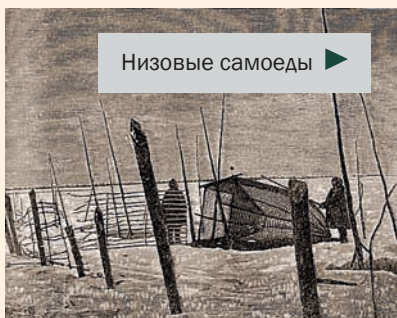
▲ Варовая гимга

▼ Постановка зимней гимги

▼ Рукав и заграждение для его постановки

Низовые самоеды ►

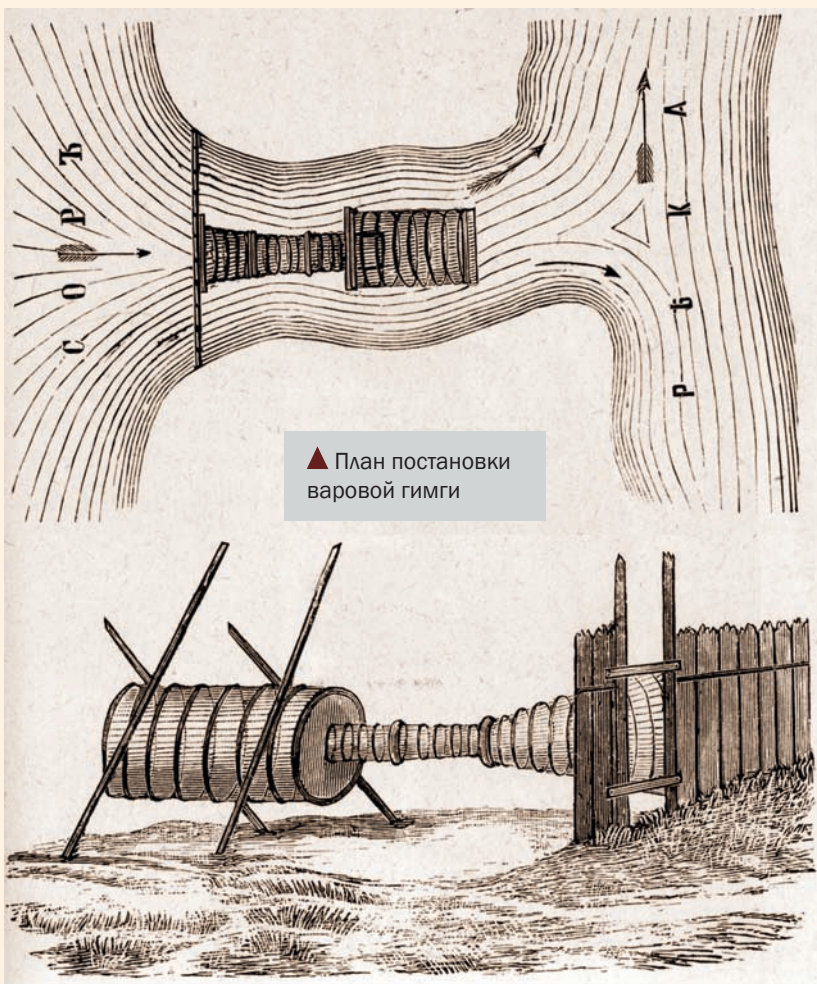

товых к отправке. По берегу горят костры, в которых кипят котлы со смолой.

Между тем к Обдорску начинают подплывать сверху тобольские купцы и промышленники. Это опасные конкуренты для обдорян: значительная часть всей низовой рыбы ловятся ими. Они ловили бы и больше, но расстоя-

ние и бури многоводной Оби держат их суда и мешают попасть к вонье (постоялки — первый подъем рыбы с моря, — авт.).

Тобояки приплывают на паузках и баржах. Баржи, кроме законтрактованных в Тобольске рабочих и разных предметов, необходимых для рыбной ловли, везут еще товары: хлеб (все-

▲ План постановки варовой гимги

го от 20 до 40 тысяч пудов ежегодно), соль, разного рода мануфактуру, частью закупленные на Ирбитской ярмарке, частью изделия кустарей Тобольского округа.

Наконец, большая часть населения уезжает «на низ». Обдорск пустеет. Проходя по улице, часто видишь избы с заколоченными ставнями. В иных домах остаются только женщины и дети...

В конце августа снова оживает Обдорск; к этому времени съезжаются промышленники со своих рыболовных заведений, разбросанных до самой Обской губы. Выйдя на яр, всегда увидишь каюки, идущие на веслах или парусах по Подюю. Скоро весь берег усеян лодками. Все ждут пароходов, которые придут за рыбой. Первый пароход приходит обыкновенно 29–30 августа, последний — не позже 5–7 сентября... 10–14 сентября уезжает из Обдорска последний пароход, увозя за собой баржи и паузки, нагруженные обдорской рыбой. Всего вывозится рыбы из Обдорска по приблизительному подсчету местных жителей около 200000 пудов на сумму около 300000 рублей. Уехали пароходы и снова затихает «северная столица» (Азиатская Россия. М., 1903).

Через три с лишним месяца замерзшая «северная столица» огромного Обдорского края снова оживает. Подходит время знаменитой местной ярмарки. «Обдорская ярмарка, играющая не последнюю роль в торговле пушниной вообще в России, открывается 2 января (нового стиля, — авт.). К этому времени съезжаются самоеды с пушиным товаром, также отчасти с мамонтовой костью, моржовыми клы-

ками, толеными шкурами и другими более второстепенными предметами. Числа 10–15-го приезжают в Обдорск тобольские купцы или их «доверенные». Сами тоболяки непосредственно от самоедов пушнину не скупают, а берут то, что собрано обдорянами.

С приездом тоболяков первый процесс ярмарки — собирание пушнины — кончается и начинается второй — сдача товара тоболякам. Числа 20-го кончается ярмарка. Тоболяки нагружают нарты пушниной и, обыкновенно по двое, по трое для безопасности, едут в далекий обратный путь до Тобольска, а оттуда в Ирбит на ярмарку.

Обдорская ярмарка расположена в конце одной из улиц, выходящей в тундру. По обеим сторонам улицы нарты, с которых тоже производится торговля, преимущественно меновая. На этих нартах разложены товары, необходимые самоедам: кирпичный чай, сукно разных цветов для летних гусей (гусь — традиционная летняя одежда самоедов типа плаща-накидки с катюшоном, — авт.) и для прошивки женской зимней одежды, медные побрякушки, которыми обвешиваются самоедки, пояски, котлы, ножи, топоры, кремни, огино, ружья, сети, ящики, железные листы, на которых разводится костер в чуме, капканы разного рода, деревянная посуда, изготовляемая зырянками: ложки, чайки всех величин. Тут же и остяки со своими убогими произведениями: тагарами (травяные циновки), травяными подстилками, замороженным жиром и морошкой, зимней рыбой, собачьей шкурой и проч. Настоящая торговля происходит однако не здесь, а по домам. С нарт на ярмарке торгуют преимущественно беднейшие обдоряне. Товар они берут в кредит у обдорских же купцов, которые ставят при этом цены выше лавочных и вообще сильно эксплуатируют обдорскую мелкоту» (Азиатская Россия. М., 1903). **УС**

▲ Каменные самоеды

Камень

В августе этого года исполнилось 150 лет со дня рождения Сергея Михайловича Прокудина-Горского. Это был очень разносторонний и талантливый человек — фотограф, изобретатель, педагог, общественный деятель... Состоял в Императорских Русском географическом, Русском техническом и Русском фотографическом обществах. Был в России пионером цветной фотографии.

В 1909 году Сергей Михайлович задумал грандиозный проект: запечатлеть в цветных фотографиях современную ему Рос-

сию, ее культуру, историю и модернизацию. В мае он получил аудиенцию у императора Николая II, фотографу был выделен

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Заплотный

Фото С.Прокудина-Горского и автора.

специально оборудованный железнодорожный вагон. Для работы на водных путях ему выделили небольшой пароход, способный идти по мелководью, а для реки Чусовой – моторную лодку. Для съемок Урала и Уральского хребта в Екатеринбург был прислан автомобиль «Форд». Прокудину-Горскому были выданы царской канцелярией документы, дававшие доступ во все места империи, а чиновникам было предписано помогать в его путешествиях. Сергей Михайлович создал «Коллекцию достопримечательностей Российской империи». Полный каталог сохранившихся фотографий Прокудина-Горского хранится в библиотеке Конгресса США.

Камень Заплотный

Эта скала находится между древней Треки и поселком Староуткинск на левом берегу Чусовой. До места, с которого сделаны снимки, можно добраться летом вдоль «бойца» по мелководью. Двигаться нужно медлен-

но, так как под водой неосторожного туриста поджидают острые камни – обломки скалы, которая выступала в Чусовую на ее повороте и была срублена, чтобы барки по быстрой воде не разбивались об этот выступ.

Топоним «Заплотный» произошел от заплотов, что были сделаны вдоль всего камня-«бойца». Во время весеннего сплава по Чусовой, благодаря заплотам, речные плоскодонные суда не получали повреждений от скалы. Как указывают туристические схемы, высота Заплотного 35–40 метров, он тянется почти отвесной, плоской темно-серой стеной на расстоянии 250–300 метров.

Вблизи «бойца» хорошие места для рыбалки. Рыбаки рассказывают байку про находчивого медведя, что одно время жил поблизости. Взобравшись на скалу, он спихивал один из булыжников, который с большой высоты с шумом падал в воду. Тогда медведь спускался с камня и лакомился оглушенной рыбой. **✎**

Владимир Трусов

Автор более 200 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

Деревенька моя босоногая

Жители Снежинска, выходя на берег Синары, видят на другой стороне озера село Воздвиженку. Оно раскинулось вдоль озера — открытое солнцу и прикрытое с севера лесом. История села богатая и начинается с 1751 года, когда штаб-лекарь из Екатеринбурга И. Х. Шнезе приобрел земли у башкир и заложил деревню. Потом здесь обитали Турчаниновы, братья Злоказовы, Вадарский... Один из Турчаниновых — Алексей — был знаком с Пушкиным и отмечен в его стихах.

Евгений Студеников

Родился в с. Воздвиженка Каслинского района. Учился на токаря в Каслях, работал там на машзаводе, выпуская гранатометы для Вьетнама, потом — на предприятии Челябинска-70 (г. Снежинск). С молодости увлекся историей родных мест. Слушал и записывал рассказы старожилов, в том числе бабушки Е. М. Васильевой, пожившей еще «при помещике».

Иллюстрации предоставлены автором

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Но я хочу познакомить вас с са­мобытностью этой деревни, с ее ус­то­ем и укладом. Давайте, как в детстве, пройдем по Воздвиженке босиком, не бойтесь горячей пыли и мелко­го стеклобоя, коим отсыпана дорога от завода. Редко кто из нас травмиро­вал ноги или прокалывал шины у «ве­ликов».

Начнем мы с главной въездной улицы, в народе прозываемой «Косо­бродовка». Это от того, что, направ­ляясь из центра в эту улицу, приходи­лось срезать путь — через завод, Са­манскую гору, т.е. косо бродить. Вдоль Кособродовки по левую сторону за огородами гривой тянется Саман­ская гора, под ней притулились саман­ные дома, построенные рабочими

завода, завербованными со средней полосы России. Здесь же стоят боль­шие дома барачного типа и несколько частных строений по берегу озера К Карагузскому камню, открытых всем ветрам.

Пройдя Кособродовку, мы выхо­дим на главную и очень протяжен­ную деревенскую улицу. По правую руку от нас — Манаевка, названная так по проживавшему здесь когда-то Манаю или Манаеву. Эта улица хоть и сравнительно молодая, но ходовая. По ней проходят похоронные процес­сии, так как за ней — Дубрава (клад­бище). За кладбищем на Куторах у Из­вестки был колхоз «Наш путь», и мана­евских в центре считали «колхозника­ми», про них говорили, что могут на-

деть красные и белые носки однове­менно. Манаевские, посмотрев в клубе кинокартину, на танцы не оставались, а быстро уходили в свой край и весе­лились под гармонь на лугу за Мана­евкой. Про них было сложено очень много разных частушек.

Повернув влево, проходим мимо манаевского магазина, у которого под дорогой протекает речушка с Чига­нов, и останавливаемся. Наше вни­мание привлекает ряд длинных раз­ноцветных отвалов, на которых даже не растет трава. Это отходы от химиче­ского завода по производству калиево­го и натриевого хромпика, построен­ного в 1898 году братьями Злоказовы­ми. В 50-х годах основной каменный корпус разобрали, в бывшей лабора­тории химзавода расположили обще­ственную баню (вербованные жили в казенных заводских домах и бара­ках, не имея бань). «Белый дом», в ко­тором находилась контора химзаво­да, стеклозавод использовал под ФЗО и жилье. Сейчас все разломали, оста­лись деревянные скукоженные бара­ки. Речку, текущую с Окункуля и про­званную Копанкой, в свое время углуби­ли, очистили для дренажа болот и транспортировки по «Ледянке» сы­рья. Копанка течет и сейчас, при раз­ливе весной затопляет окрестности, и жители ловят рыбу в своих огородах.

Переходим эту речку по Ши­шилову мосту, влево уходит дорога на стеклозавод. При заводе поставле­ны несколько бревенчатых домов ба­рачного типа и большой барак у реч­ки. Дальше идем по улице Ленина к центру в старую часть села. Встре­чаем характерные для уральских сел заборы, сложенные из дикого камня. Многие потом разобрали для строи­тельства капитальной дороги по селу. Дома чередуются старые и новые с красивыми крышами и фасадом. Старые постройки привлекают вы­пиленными и вырезанными узорами на оградах, ставнях, наличниках и под стрехами, петушками на крышах.

Если нет воткнутой в ручную ско­бу палочки, то в ограду можно войти через воротничко и посмотреть на стан­дартные застройки двора. На перед­нем дворе — крытая тесом изба, меж избой и амбаром под единой кры­шей — мастерская с верстаком и вис­ящим на стенах инвентарем. Здесь же зимняя яма под овощи (часть картош­ки засыпалась в подпол). На перед­нем дворе стояла баня, вдоль камен­ной стены — поленица дров. Иногда баня на заднем дворе, а на переднем малуха — летняя изба. Задний двор и часть переднего обнесены каменной оградой, они предназначались для со-

лати, подвешенные на металлических прутьях к потолку, здесь обычно сушили лук и даже стали. На кухне был лаз с западенкой в подпол (голбец).

В горнице все просто: слева сундук или горка (сундуки, стоящие пирамидкой), у оградного окна стоял в кадке фикус или «елочка» (подобие кипариса). В левом углу на восточной стороне по диагонали от печи находилась божница с ликами святых. Меж двумя окнами, выходящими в улицу, стоял стол, по правую сторону от печи — кровать и комод. Все это убранство украшалось салфетками, накидушками, кровати по низу подзорами, на окна строченые «задержушки». На полу тканые половики (если у кого из подпола дуло, то двойные половики), на стенах фотографии и портреты в рамках. У некоторых еще сохранились крючки в матице — это для зыбок. Ушли в прошлое ткацкие станки, прялки, самопряхи, а ведь

держания скотины и хранения сена. С заднего двора был выход в огород.

А теперь войдем в предсенник. Зимой перед входом лежит «голичок» для обметания снега с пимов, в предсеннике снимают грязную обувь и одежду, здесь могут стоять ведра с водой. Заходим в сени. Здесь стоит большой закрытый ларь, в его отделах хранятся крупы, кусковой сахар, мука, соль. Из сеней вход в чулан. Заходим в избу, где стены пропитаны запахом стряпни, топленого молока — запахом детства. Переступив порог, оказываемся на кухне. Слева крючки для одежды, под ними в углу к оградному окну — курятничек для наседки и цыплят, далее стол кухонный, над ним шкафчик с залавочками с вырезанными из бумаги узорами. Справа от входа лоханка, рукомойник, меж русской печью с очагом — нары, с которых забирались на печь; под нарами место для теленочка, над нарами по-

они были в каждом доме, с ними проводили вечерки. Названия обиходных предметов в Воздвиженке различались, так как приезжие привозили свои названия и одна и та же вещь могла в Манаевке и на Самане называться по-разному. Я же взял за основу коренные, бытовавшие в старой части села.

Познакомившись с бытом, выходим за ограду. Вы заметили, что нас нигде не облаяла собака? Они не у каждого были — от кого охранять? Когда хозяйка уходила из дома, то накидывала на скобу палочку, давая знать, что дома никого нет. На ночь не закрывались на баут — все жили своим трудом и все имели.

▲ Сидят Зинаида Тимофеевна Саранчева и Зоя Котлованова (в девичестве Дегтевы)

Идем дальше. Слева один из проулков — Бургомистров-Демидовский — идет на завод, справа Курушовка, по ней можно проехать на Окункуль. Раньше по ней проезжали на Черкаскульскую дачу Злоказовы. Интересно, что в Воскресенке одна из улиц тоже прозвана Курышовка — там проживал некий Курышов, в Воздвиженке — возможно, от большого количества кукарекавших петухов.

Проходим белый магазин и подходим к памятнику. Сразу бросается в глаза побеленная высокая и длинная каменная ограда, которая была еще длиннее и полностью опоясы-

вала усадьбу, выходя к берегу озера. В ограде частично сохранился парк с могучими дубами и липами, за которыми скрыт бывший особняк. На территории усадьбы мы видим остатки строений: конюшен (потом клуб), поварской (интернат), двухэтажного длинного жилого дома для специалистов (тюрьма, школа), гончарки (где потом располагалась паросиловая котельная, крутившая динамо-машину), здания Синароуральского винокуренного завода, построенного братьями Злоказовыми, и др.

Вот отсюда к западу и пошли застройки. Скорее всего, первая улица шла по берегу озера, с севера ее прикрывал лес. Потом поднялись повыше, образуя плановые застройки. Дома в деревне поставле-

ны компактно, торцом в улицу. Редкие дома — в основном пятистенники — идут повдоль. В центре много каменных строений — это дома управляющих, хозяйственных, зажиточных жителей которых потом раскулачили и имущество которых перешло государству. Впоследствии их выкупали частники, вот почему суд отказал в возврате дома одному из раскулаченных семейств. В их домах изначально располагались почта, сельсовет, правление колхоза и рыбартели, затем они отошли заводу. На фотографиях 30-х годов видим очень широкие улицы и как бы голые: в те времена землю не разбазаривали, прирезали только на детей-мальчиков, и потому не было палисадников, они стали появляться перед войной.

В центре на горочке, где сейчас памятник, стояла часовенка. В 20-х ее закрыли и открыли магазин. В конце 30-х снесли и из сруба построили чайную (часовенки согласно летописи Ляпустина в честь своего исцеления были еще поставлены бога-

▲ Рыбартель

тыми крестьянами за «Манаевкой» и на «Воскресенской горе»), привязь для лошадей, станок дляковки, стояли базарные прилавки, у ограды — высокая зеленая трибуна. Это лобное место служило для митингов, собраний и других сборищ. У «трибуны» собирался молодежь, не давая песнями под гармошку и смехом спокойно спать жителям близлежащих домов. Их, конечно, гоняли, иначе утром придут на работу сонные. Центр он и есть центр. Тут тебе все магазины — промтоварный, скобяной, хлебный, чайная, изба-читальня, сельпо, больница, аптека, сельсовет, парикмахерская... Высоко на столбе висели большие часы «Терек». Воздвиженка была продвинутой деревней из-за грамотных молодых специалистов, направленных на завод, в школу, больницу. Они приносили с собой моду, современные танцы, новые слова.

От центра идем к озеру. По берегу до Саймы протянулась Береговка. Здесь есть интересное название — Белая галя. Это небольшой выход на поверхность белого окатанного мрамора. Сайма — стоянка рыбартели, где велось соленье, сушка, хранение в «ледниках» рыбы и сортировка. На старофинском «саймэ» — залив, богатый рыбой.

Рыбартель «15 лет Октября» организовалась в начале 30-х. Штат ее состоял из 100 рабочих. Зимой при помощи лошадей, а летом на трехраспашной лодке «карбазе» распускали 600-метровый невод (раз в неделю) и вылавливали до 20 тонн рыбы за один заход. Щуки достигали 18, лещи — 10 килограммов. Если попа-

дался золотистый лещ, то его выпускали для сохранения вида (не прижился). Малька сига (по разработке Кучина) в 1909 году привезли зимой с Аракуля, опустили в майну короб, и малек постепенно уплывал. Летом в иткульскую курью с аракульского рыбопитомника приезжал специалист А.В. Кузнецов, отлавливали маточного леща и др. рыбу, выдавливали икру, молоку оплодотворяли в емкостях (инкубация 20 дней), отпускали мальков в озеро, а часть везли с собой.

Вернемся опять в центр и пойдем по улице Ленина дальше. Переходим узкоколейку, которая уходит на Торфяник. Слева была пожарка, справа конный двор. Метров через 200 у проулка на Береговку — большое П-образное здание. Это артель «Путь к коммунизму» со штатом в 30 человек. Артельщики обеспечивали население швейными, вязаными изделиями, катали пимы, тачали сапоги, колодочную обувь французской, венской моделей. На шерстобитной машине били шерсть и для населения: с 1 килограмма шерсти — 400 граммов для государства.

Метров через 300 деревня заканчивается, за ней раньше была «Бойня». Эта часть деревни называется «Глубокое» — по очень глубокой части озера, которое виднеется за лесом.

Протяженность села по «большой улице» — 3,5 км. Население на сегодня — 360 человек (это население 1816 года с малым количеством дворов). Самое большое было в 1926 году — 1637 человек.

Воздвиженка гордится воевавшими земляками и достигшими высот

сельчанами, такими как главный художник фабрики «Самоцвет» Евгений Евграфович Васильев, московский профессор Кашин, первый начальник нового железнодорожного вокзала в Челябинске, генерал Приволжского округа, мастерами спорта, судьями всесоюзного значения и др.

А вот несколько местных частушек.

*Манаевка загорела запопыхивала,
Моя милка заболела-заповздыхивала.
Манаевка, Манаевка,
Манаевка на ять.
Отпусти, мила маманька,
в Манаевку гулять.*

*Береговка на отлете,
словно хуторы стоят.
Погуляй, моя головушка,
пускай поговорят.*

*У трибуны мы шумны,
Не ругайтесь, тетушки.
Ваших дочек не обидим,
Спите без заботушки!*

*По Уралу ветер дует,
по Уралу по горе.
Неужели мил поверил,
что на сказано тебе?*

*Меня мама голиком —
не ходи со стариком.
Расстрепала весь голик,
мне понравился старик.*

*Я гуляю не теряю
тросточку гранатову,
Никогда не променяю
бедну на богатую.*

УС

Свердловское областное
отделение Русского
географического
общества представляет

Владимир Анищенко

Генеральный директор ООО «Лаковая живопись Урала». Член Русского географического общества. Свердловское отделение.

Фото автора
и Елены Переваловой

Ханты. или Реальная

Можно «вспомнить о будущем», сидя в кресле современного кинотеатра с корзинкой попкорна на коленях и восхищаясь неустаревающим фильмом, снятым аж в 1970 году кинорежиссером Харальдом Райнлем по книге швейцарского писателя Эриха фон Дэникена. А можно и «предсказать прошлое», но уже сидя вечером под летним

Истории

История Земли, континентов, стран, народов, личностей.

История реальная, предвзятая или та, которая писалась только понятиями того времени («... а других понятий просто еще и не было...») и которая становилась опорным источником последующих знаний.

История профессионалов и политиков, или история «страждущих истины», а часто и случайных «писателей», оставляющих свои «писанцы» знаками на камнях и скалах, глиняных табличках, берестяных страницах или же просто краской на кирпичах, в память о диком восторге присутствия в этой жизни...

И эти, и иные истории знают: у каждого исторически очерченного явления есть своя предыстория, есть длинная цепь больших, ярких и маленьких, но очень важных причин, благодаря которым мы становимся свидетелями событий, впечатливших и потрясших нас, а иногда и полностью изменивших модель тщательно выстроенного нашего Мира и нашей личной, домашней, уютной Вселенной.

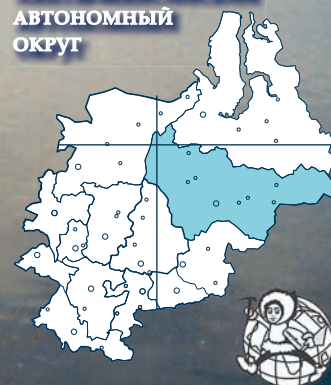

Предсказание прошлого, история «бабочки Рея Брэдбери»

◀ Приполярный Урал.
Священное озеро «Балбанты»
(коми) «Емынг-Лор» (ханты)

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ

прохладным северным таежным небом у ручьев или гор с дивными именами и названиями, дошедшими до нас от древних угров, аппетитно прихлебывая дымный чай у костра, под дружелюбный, обстоятельный и неторопливый говор оленевода ханты, соединив линии судеб, языков, имен, знаков и символов.

Из рассказа «странного геолога» во время экспедиции на Приполярный Урал — озеро Балбанты («озеро болванов» — на языке народа Коми, или Емынг-Лор — «Священное озеро» на языке народа).

Знаешь, в геологии нет случайностей и все подчинено сложнейшей взаимосвязи законов и закономерностей, просто одни из них мы уже знаем и можем что-то предсказать, а остальное на грани гипотез и интуиции, и многое еще не ясно, и природа слишком разнообразна, и, в общем-то, всего просто пока не учесть.

Но что удивительно? Каждый раз, вынимая из земли драгоценный металл, драгоценный камень, уникальную породу или даже просто красивый кристалл, я ощущаю, что всегда оставляю в этом месте какую-то пустоту, а порой даже яму. И, видимо, чем больше сил и энергии приложила природа для создания минерала или кристалла и чем сложнее и упорядоченнее информационная структура поля в точке его рождения, тем красивее и уникальнее результат. И тем больше яма и тем чернее пустота. Когда за считанные часы исчезает кропот-

ливая работа сотен тысяч, а то и миллионов лет.

Старики, когда намывали золото или «камешки», всегда начитывали молитву или просили прощения, а то и отдавали денежку или что-то дорогое и душевно ценное для себя, заполняя пустоты энергией уважения и благодарности. И там неважно, что ты отдал и сколько: монетку, рюмку водки с хлебушком или просто поклонился и попросил добром.

Из рассказа «странного» эколога (орнитолога) во время экспедиции на Приполярный Урал — на реке

Мань-Я («Мань» — малая, «Я» — река, впадающая в большую реку. На языке народа манси).

Удивительно, Земля — планета кремниевая. Кора на 60% состоит из кремния, а жизнь углеродная. Может, просто еще мало времени прошло или же мы просто не замечаем эту другую жизнь, с незнакомым и поэтому пока чужым сознанием. Территория — то одна, а образы и сигналы для передачи образов разные — ведь мы живем в разных системах жизненных ресурсов, не конкурирующих между собой, с абсолютно разным сознанием

пространства и времени. Можно ли их понять? А обменяться информацией? А поговорить?!

Ведь здесь, на Севере, у древних народов каждый приметный бугорок уже имел имя или название, а ручьи, заводи, протоки и подавно. А горы, озера и большие реки, со сложными и красивыми именами, становились основой или частью больших мифов, легенд и сказов (не «сказок» — это другое). И эти предания, вначале устные, а затем и письменно описывали уже существующий большой и сложный мир, обязательной и неслучайной частью которого был человек. Не центром, не пупом Земли, но очень необходимой частью, гармонично включенной в уже созданный мир.

Леса, реки, болота, степи, тундра, соленые заливы — это на самом деле

раскинувшиеся на сотни и тысячи квадратных километров живые существа. Эти ландшафтные системы напоминают человеческий организм, но сбросивший защитную кожу, развернувшийся в пространстве и не желающий прятаться от «опасной» среды за ненадежной «оболочкой». Лесные ручьи, равнинные реки и огромные болота — это крупнейшие микробиологические фильтры, не пропускающие речную «молодую» и незрелую воду напрямую к древнему животворящему сознанию морей и океанов. Тщательно смывая грязь с огромных территорий речных пойм долго течет с водой по длинным руслу рек, взаимодействуя с воздухом, речными водорослями и микроорганизмами. Затем, в дельте реки, смешиваясь с лечебным илом густых рас-

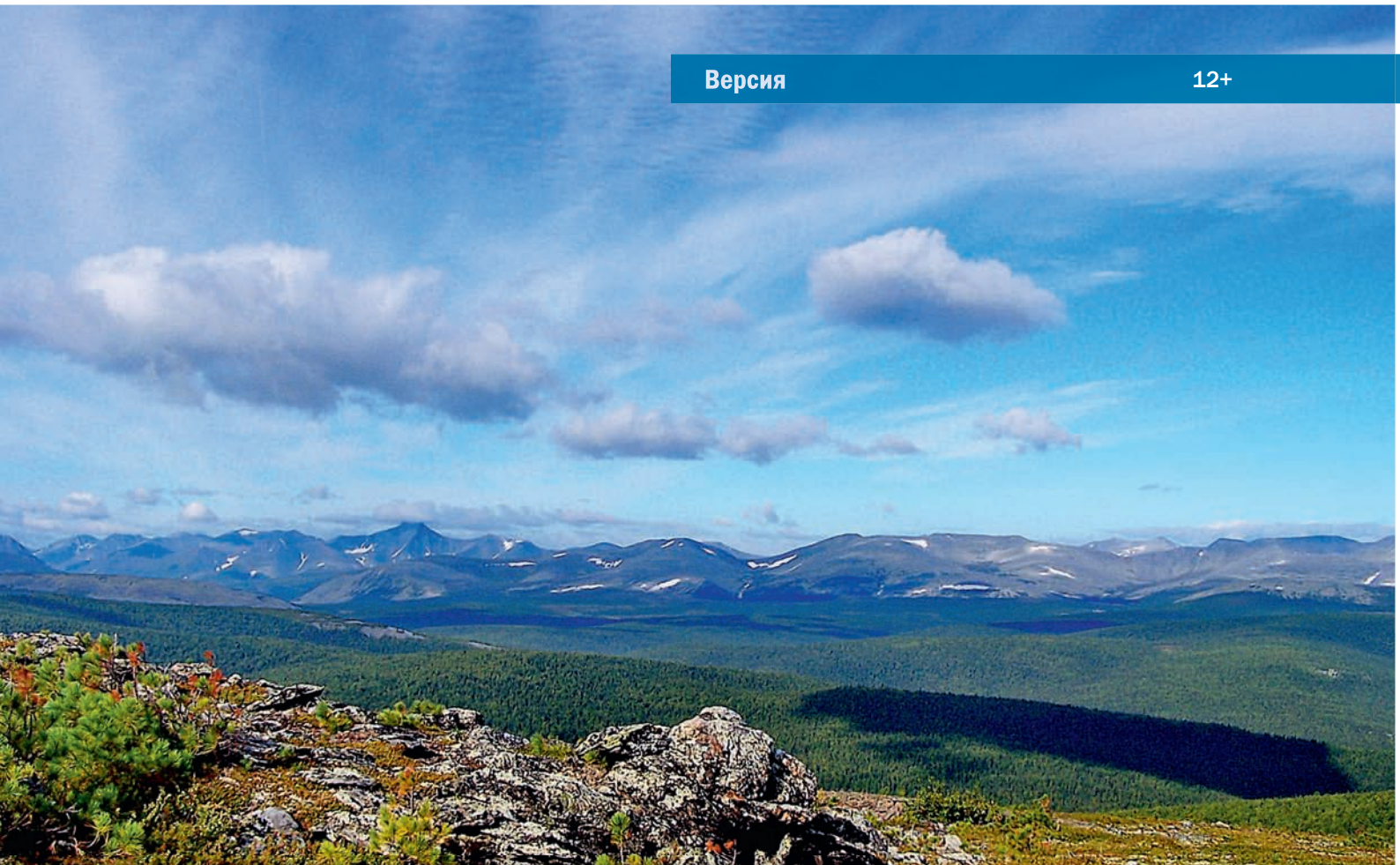
▼ Дорога в горы. Река Мань-Я

Встречный ветер

тительных или камышовых плавней, грязь становится первозданной органикой. И когда все, что принесла река, окончательно сливается с рапой морского залива или морской губы, стерилизуется и становится готовым питательным и подсоленным бульоном для моря, — а по сути превращается в самое что ни на есть чистое живое море — океан. Красота этого осознанного разумного процесса просто завораживает.

Лесные сообщества мхов, грибов, лишайников и трав организуют маленькие трудолюбивые заводы фотосинтеза, помогая и поддерживая друг друга. Одни травы выполняют функции природных «почек», другие работают как «печень», третьи помогают ферментировать питательные вещества. Большая же часть витаминов, гормонов и иных биорегуляторов вырабатывается прямо в самом растении в разных его частях и в разные периоды года и суток. Не потому ли так легко мы применяем травы, ягоды и корни в качестве поддержки нашего организма? Зайдя в лес, на поля-

вого единого организма»? Осталось за малым — найти языки общения и доверия. Или найти народ, который уже владеет этим языком».

Человеческий язык — это звуковой и знаковый код общения, необходимый для осознанной и неосознанной передачи образов.

На каком языке разговаривает костер, когда, потрескивая, шипит и обдавая волнами желанного тепла, прописывает языками пламени теньевые орнаменты и иероглифы на елях, на спинах оленей, на сугробах и лицах?

Как понять удивительные хорошие речитативы горных ручьев и рек, их короткие, с неуловимым началом,

ну, и присмотревшись, понимаешь, что находишься прямо на поверхности огромного живого и очень здорового организма, но развернувшегося на сотни — тысячи километров во все стороны. В нем не определишь сразу, где сердце, желудок, легкие, а кто из них и вся иммунная система. Одни растения всегда заняты одной работой, другие же только дотемна, а с вечерней росой они могут стать другими органами и выполнять другие функции, третьи же, накапливая силу земли и энергию солнца, готовы подключиться к общей системе жизнеобеспечения к концу сезона. Дано ли нам понять это «мировое сообщество» и стать полноценной частью «здоро-

вскрики, хлопки и всплески, переходящие в слаженные гортанные, издали слышимые длинные упругие прогоны каменных перекатов?

О чем могут поведать, и далеко не каждому встречающему, старые кедровые мысы, испокон стоящего на пути первых путных ветров из бескрайней северной тундры? И какие образы считывает медведица, уже без опаски переходящая со своим медвежонком оставленную старателями много лет назад старую тракторную дорогу?

Подняв высоко нос, зрение у этого лесного народа слабое, и, не теряя из виду малыша, она всегда пыгает-

ся прочесть многостраничную книгу интуитивных знаков опасности. Обрывки брани, злости и отчаянья, усталости, страха и необузданной агрессии чужой победы — все они были сброшены когда-то в придорожное пространство и остались на века. Эти неписанные символы межвидового языка, легко читаемые лесным народом, здесь, на дороге, появились давно. И навсегда заменили природную энергию добытого дорогого металла, оставив взамен в пространственной и временной памяти этого места жирный, четкий отпечаток уже решенных проблем человеческого выживания.

Невидимые, но всегда хорошо ощущаемые эмоции и образы глубоко и надолго въелись в северную, тщательно очищенную человеком от золотого песка землю. А копыт деревянных жилых балков, смешан-

ная с запахами соляры и железа, пятна неупорядоченных мест срочных ремонтов техники, превратившиеся в забалансовые «месторождения» разлитого дизтоплива, рваных траков, консолей, мостов, резины и полиэтилена — все это вызывало у медведицы странное спокойствие, — взяли все, что смогли, и больше не вернутся.

Но есть народ, который каждое утро на протяжении многих сотен лет просыпается по утрам вместе с окружающей его природой. Прекрасно вписывает в рифмы своих стихов, песен, баллад ритмы и гармонию природы, объединяя красоту рождения дня, красоту рождения мысли и красоту рождения ребенка.

А домашний быт и жизненный уклад согласует с интересами видимых и невидимых пространств живой и «неживой» природы. И искренне считает: всё, что нас окружает, обладает сознанием. Камни, горы, реки, леса, деревья — это уже существующие «сущности», откры-

вающие мир человеку по мере правильности его вхождения в жизнь и по силе его желания жить.

Ханты и родственные им манси — народы, создавшие и сохранившие в своих традициях быт и уклад с уникальными алгоритмами и технологиями (говоря современным языком), которые позволяют с достаточным уровнем комфорта жить (а не выживать), познавать мир, рожать здоровых и красивых детей и формировать красивую и устойчивую модель своего мира. А это все-таки самая главная миссия для любого народа — нести уникальные знания о себе, быть (этим знаниями) полезным... и не раствориться в «котле цивилизаций», идущих по пути не до конца понятного им прогресса.

В следующих статьях мы обязательно расскажем об интересном мире духовной жизни народа Ханты, домашнем быте, укладе и творчестве и о том, как именно знание и понимание этого мира позволило им стать уникальным народом. **✎**

СЕРЬЕЗНЫЕ ПУХОВИКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

МАНАРАГА
ТОВАРЫ ДЛЯ СПОРТА И АКТИВНОГО ОТДЫХА

Екатеринбург
ул.Комсомольская, 7
(343) 374-25-90
www.manaraga.ru

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

октябрь 2013

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ЮРИЙ ГОГОБЕРИДЗЕ

Апория о дельфине и крабе

50

67 **Законы Вселенной**

ЕВГЕНИЯ МЕКШУН

Рациональная Флора

67

79 **Законы Вселенной**

ЖАКЛИН ДЕ ГЁ

Эпизод

79

Юрий Гогоберидзе

Родился в городе Скопине Рязанской области, где провел большую часть раннего детства в доме бабушки. В пять лет с родителями приехал в Чистополь. В семь пошел в школу, где очень скучал, так как все предметы, кроме изобразительного искусства и подобных, ему давались слишком легко (учительница считала, что от недостатка воображения). Писать понемногу начал после поступления на физико-технический факультет Казанского Политехнического университета.

Агон первый.

Дельфы, Кос, Арголийское побережье

- Вы не вернете меня к учителю? — поинтересовался Теламон, пока они с проводником петляли по коридорам.
- Со временем, — отвечал жрец. — Он получил желаемое. Он может подождать.
- Стало быть, ведете меня напрямик к больному?
- Именно так.
- Тогда расскажите мне о нем. Не хотелось бы идти неподготовленным.
- Твой учитель не рассказал тебе?
- Он прояснил предполагаемый диагноз...
- Если он решил, что тебе необходимо знать только это, значит, тебе необходимо знать только это.
- Но больной, проходящий лечение в Дельфийском храме...
- Ни капли не странно, — прервал жрец. — Лучезарный всегда покровительствовал исцелению.

Впрочем, он также не будет против, если я вознагражу твою настойчивость. Полагаю, несколько общих деталей я могу изболтать. Больной — девочка 15 лет от роду. Родители отдали ее нам в возрасте пяти лет. С этих пор она проходит у нас обучение. Мы учим ее всему, что должна знать элинка, а также наукам арифметике, геометрии, астрономии.

— Она обучается? — изумился юноша.

— О, более чем. Мы не считаем ее состояние болезнью в том смысле, который вы вкладываете в это слово. Эта девочка сокровище, которое мир пока не способен оценить, — жрец горестно вздохнул. — Здесь я вас оставлю. Идите на свет.

— Я последую вашему наставлению. Только просветите меня еще раз. Как я понял, моему учителю не удалось исцелить ее, вам также не удалось. Почему учитель надеется, что получится у меня, а ваша госпожа предсказывает успех?

— Одно могу сказать, юноша. Если надежды твоего учителя совпадают с предсказаниями моей госпожи, они не безосновательны. От вас зависит больше, чем вы думаете.

Жрец не лгал — огни привели его к цели. А цель спала. Теламон понял это не сразу. Черные с золотом глаза пациентки отражали ночное небо, льющее лунный свет через широкое окно. Она сидела на табурете, сохраняя идеальную осанку, не проявляя беспокойства, ни когда Теламон загородил собой окно, ни когда взял ее руку, чтобы посчитать удары сердца, ни когда воткнул ей стило в бедро. По счастью, в комнате нашлось несколько ученических глиняных табличек, на коих можно было вести записи.

Интересно, она всегда такая, в этом ли суть проблемы? Причем здесь одержимость? Стоит ли ее будить?

...сердце бьется размеренно... Никаких проявлений. Может, позже? Кстати, если проснется, как мне ее величать? Мне ведь даже имени не назвали!

К утру и вправду наметились изменения, температура тела пациентки повысилась, на лбу выступил пот. Дыхание участилось. Ночь на Парнасе выдалась прохладная и ветреная, и Теламон, прокляв свою увлеченность, решил покинуть больную ненадолго, дабы позвать храмовых слуг уложить ее на анаклитрон. Но сначала попытался укутать деву одеялом на манер накидки. Только он схватил колкое полотно, как его остановил звонкий голосок.

— Не нужно проявлять излишней заботы, дважды мертвый.

— Дважды... мертвый?

— Я обращаюсь так к живому? Значит, ему придется умереть еще раз. Как минимум, — последнее она добавила чуть неуверенно.

— Когда это случилось? — не выпуская из рук одеяла, спросил он.

— Случилось, случится... В первый раз, когда ты родился. Второй раз, когда твоя голова ударилась о борт... острова. Третий раз... нет, еще не произошло. Это будет весьма нелепая смерть.

Теламон отпустил одеяло и резко развернулся. Он оказался с ней нос к носу; к ее тонкому, с горбинкой носу.

— Я разочарован. Дай свою руку.

Разрешения он дожидаться не стал.

— Вы действительно больны, госпожа. Несомненно, результат вашего упорства. Следовало остановиться на стиле. А лучше еще раньше, не пришлось бы перевязывать вам ногу.

Дева с изумлением возложила ладонь на бедро:

— Так ты...

— О, как искренне! Я бы поверил, будь лет на десять моложе.

Тут дева заметила глиняные дощечки, во множестве разбросанные по столу, и перепорхнула к вместилищам целительских умозаключений.

— Да ты даже собственным наблюдениям не веришь.

— Я был обманут вами, но теперь все кончено, пусть мне покажут истинную больную.

— Я истинная, лжесын.

— Что? Как, вы еще раз...

— Дважды мертвец, трижды, четырежды. Вы мрете как муха... мухи — слишком часто. Это вводит в заблуждение. А сами себе даете точную характеристику. Лжесын.

— Хорошо, — кивнул он. — Хорошо, как мне вас называть?

— Выпей вина, старый друг, — окладистая борода лекаря отливала серебром в утренних лучах. — Ты, верно, устал с дороги.

Там, в гавани Тира, где некогда швартовался гордый флот ахеменидов, в глубине памяти, он такой же старик. Теламон был моложе. Восхищенный юнец, бросивший машины войны ради минутной блажи. Тогда его мучила жажда, а сейчас...

— Ты знаешь, учитель. Моя религия запрещает.

— Как запрещает благотворительность?

— Знание незаслуженное — знание легковесное... и опасное.

— Помню, мои уроки ты принял в дар. А я не принял твоих клятв. Кто же из нас ошибался?

— Мы оба, целитель.

— Значит, я. Мои уроки были легковесны. Ты ничего не вынес.

— Малую толику, — Теламон расправил складки дорожного плаща.

Застежка в виде глаза, символ веры отставного тетрарха, полыхнула золотом.

— Ты нашел лучших учителей, — проворчал старик. — Как поживает царь царей, здоров ли? Благоклонны ли к нему боги?

— Боги мертвы, учитель. А царь царей живет и здравствует.

— Ну, коли так... Просто я слышал, что его поход на восток, оказался не столь успешным, как предыдущие. Его тяжело ранили, и он вынужден был вернуться... Вместе с войском. Верны ли слухи?

— Только отчасти. Ранение — ложь.

— Удивляюсь, как он за вас еще не взялся.

— Прошу прощения, целитель?

— Царь царей — человек деятельный. Оные, коли неуспешны в борьбе с внешними врагами, берутся за внутренних. Вы, со своими странными постулатами, народ подозрительный. Не удивлюсь, если какой-никакой благостный жрец назовет вас вскорости татью.

— Такое случалось и раньше. Не вижу в этом большой опасности.

— Тогда, возможно, тебе все-таки стоит выпить. Я вот выпью, — он поднял кубок, полный жидкости цвета пустой, венозной крови и осушил большими, жадными глотками.

Затем, закрыв глаза, громко, почти бесстыдно захрапел. Так не годилось. Но раз уж старик спал, добиваться чего-либо сегодня было совершенно невозможно.

Теламон родился выше. Но сам об этом узнал не сразу. Другие не узнали никогда. Благородная Мирра из Немей умерла при родах вместе с ребенком. Андроклу Галиейскому, ее мужу, сказали, что сын выжил. Вскоре лжеотец дал лжесыну имя.

Больше века минуло с тех пор, как аргосцы разрушили Тиринф, и беженцы с родины Алкида поселились в Галиейской бухте, но новый полис все не желал расти. Пара храмов и стадион, и те за городскими стенами — все, чем могли похвастать его жители. Поэтому, после четырех лет маеты Теламона в местной палестре, отец принес богатые дары Аполлону и, с благословения старого жреца, направил сына в немеийский гимнасий.

Недоросля с двумя рабами посадили на торговое судно, шедшее в Навплию с грузом хиосского вина. Желая поспеть к началу летних игр, хозяин торопил кормчего, и тот против правил вывел бирему из бухты на закате, чтобы завершить плавание к утру. Виноторговец рассчитывал в Навплийском порту перегрузить амфоры на повозки и к полудню прибыть с грузом в Немею.

Свежий ветер споро гнал судно вдоль берега, так что гребцам почти не приходилось налегать на весла. Устроившись на кожаных тюках с поклажей, Теламон рассматривал неподвижные звезды, пока его не сморил сон. Позже он силился вспомнить его в точности, но раз за разом видел лишь черное небо с парой рдяных лун и чужой, незнакомый рисунок созвездий. Проснулся он не от собственного страха, а от испуганных криков команды.

В начале лета в Арголиде погода переменчива. Случается, не видно ни единого облачка, а через час-другой затянет небосклон тучами, застучат капли по глиняным крышам, а то и сплошной стеной прольются небесные воды наземь, затопят все кругом. В этот раз дело дошло до настоящей грозы с молниями, шквальным ветром, волнами, перехлестывавшими через борт. Должно быть, решили боги наказать хиосского купца за стяжательство.

Корабельщики взялись было рубить мачту, налегли на весла, но новый удар молнии сразил ста-

рого кормчего, и людей охватила паника: Гераклов камень крутился во все стороны, звезды скрывали тучи — так что, куда грести, никто не знал. Когда Теламон проснулся, биремой уже никто не правил, гребцы орали, носились с кормы на нос и обратно, били амфоры и жадно глотали густое вино, тщась вдоволь напиться напоследок.

— Что делать, молодой хозяин? — в отчаянии бормотал старый раб, уткнувшись в край Теламонова хитона.

В этот самый миг между сном и явью внутри юнога галиеянина что-то изменилось. Наверное, так бывает с лошадьми, когда с них снимают шоры, и они заново обретают зрение. На фоне мокрой палубы, прямо у себя под ногами, он вдруг разглядел подобие отцовской карты Эллады, только гораздо подробнее. Видны были все холмы и ущелья, города и дороги. По рекам бежала вода, а над Арголийским побережьем висели сизые комки, из которых вниз, к мокрой палубе срывались белые разряды. Вскоро, среди игрушечного залива он заметил крохотную, меньше комара, лодочку, которую несло прямоком на скалы. И тогда прежде робкий Теламон взял слово.

На какое-то время его поставленный на занятиях голос перекрыл и ор паникеров, и даже саму бурю. Мятущиеся люди услышали его. Нашлись гребцы и рулевые, и одни сели за весла, а вторые встали к рулю. Иные помогали раненым и вычерпывали воду. К рассвету тучи рассеялись, улегся ветер, и море успокоилось. А потом на горизонте появились башни Навплии. Три четверти товара удалось сохранить, так что хиосец сам просил спасителя составить ему компанию до Немеи, и не взял платы.

Экзамены в гимнасий Теламон сдал легко, закончив первым в своем агоне.

Агон второй. Кос, Дельфы, Тир

Религия Теламона имела множество догматов. Для одних братьев более остальных важен принцип тайны, для других — принцип равновесия. Принцип, которому Теламону предначертано было следовать, трудно охарактеризовать одним словом. В разуме лжепотомка Галиейского владыки сей принцип сформировался в следующем виде. Развитие управляемо, но обладает инерцией. Иными словами, если вы запустили лавину, готовьтесь к тому, что она снесет близлежащий город.

Во второй день Теламон не застал учителя дома. Слуга сказал, что, несмотря на возраст, почтенный Праксагор ежеутренне направляется к асклепиону, дабы применять свои незаурядные дарования во благо народа.

— Как же случилось, что я застал его вчера?

Слуга пожал плечами.

— Даже великим нужен отдых.

У ворот дома потомков Асклепия стояла стража. На континенте такое выглядело бы, как минимум, странно. Впрочем, с тех пор как некто неизвестный поджог Книдскую школу, такая мера предосторожности была вполне уместна. Мало ли, вдруг неудачники рискнут нанести ответный удар. Между Книдом и Косом вражда тлеет с незапамятных времен.

— Гляньте-ка, парни, к нам пожаловала Академия. Папирус на поясе, золотой глаз на шее, чин чином. Только ходу внутрь нет.

— Со мной милость Царя царей. Смеее перечеить?

— Да восседает Царь царей на недосыгаемом сидении златого трона в Городе Тысячи Врат долгие лета! — воскликнул командир, а затем чуть тише. — И к нам не суется.

Сушая правда. От божественных врат до Крабьего острова — полторы декады дороги на лучшем скакуне

и еще два дня по воде. Гетайры далеко, или так это отсюда кажется. Впрочем, за годы службы Теламон повидал разных воинов. Этим просто хотелось развеять скуку.

— Почтенный лекарь Праксагор не предупреждал, что сегодня явится его старый пациент?

Стража вздохнула, то есть буквально: все вместе.

— Почтенный ждет вас на втором этаже, в баптистерии. Мои люди вас проводят.

Меж купелей было жарко настолько, что Теламон от души позавидовал старику, примерившему тончайшую белую туннику. Праксагор склонился над нагим юношей, погруженным по шею в горячую воду целебных источников. Персты врачевателя примкнули к вискам, челу и обритому темени купальщика.

— Небольшой массаж для приятных снов, — пояснил старик. — Страдальца третий год мучают кошмары. А он даже не может толком вспомнить, о чем. Проснется среди ночи и вопит матерой сиреной, докучает родным. Они долго терпели, но таки собрали деньги и прислали сюда.

— Так как успехи, учитель?

— За два месяца мне удалось уменьшить количество криков четырехкратно. Думаю, еще два месяца, и он полностью излечится. Тебя самого травма не тревожит? С возрастом, сам знаешь, всякое возможно.

— Нет, учитель, все великолепно.

— Тогда... Я понимаю, почему ты примкнул к Академикам. Вас это роднит. Рациональность. За каждой мыслью — фундамент посылок, за каждым действием — строгий расчет, за каждой теоремой — доказательная цепь.

— Мне порой кажется, я что-то упустил, — признался Теламон.

— Возможно, — лекарь оторвал пальцы от юной головы и воспользовался полотенцем, что подал один

из множества слуг баптистерия. — Но ты и так усвоил чересчур много для того, кто строил баллисты. Чересчур быстро... Пойдем, я отведу тебя туда, где мы ведем записи... Кстати, твой папирус непромокаем? Нашим скрипторам было бы интересно.

Архив располагался под самой крышей.

— Сюда свозят копии всех записей со всех асклепионов Эллады, — пояснил Праксагор Теламону, наблюдавшему за снующими туда-сюда скрипторами с пирамидами папирусов. — Куча повторяющихся диагнозов. А еще сведения о том, почему был куплен камень для ремонта крыши. Совершенный хаос. Не то, что у вас. В Зале знаний Афинской Академии все в полном порядке, есть все, и нет лишнего. То небольшое, чему я завидую. Нам в эту дверь. За ней мой островок спокойствия.

На широкий стол красного дерева слуга поставил блюдо с морепродуктами, два фиала и кувшин с вином.

— А! Время трапезы. Внимательно следят терапевты. И тебя не пропустили, — подметил лекарь, схватив жирную креветку. — А вот ты считаешь, пропустил. Как думаешь, что?

— Если б я знал...

Праксагор улыбнулся всей своей посеидоновой бородой.

— А ты выпей вина. Выпей и подумай.

— Имена не имеют значения, называй меня, как будет угодно, — поучала она, спускаясь к храмовому дворику.

— Но вы-то мое наверняка знаете. Мы не на равных.

— А почему мы должны быть на равных? Здоровый и больной. Убийца и жертва.

— Вы туманных речей от Сивиллы набрались?

«Называй меня как угодно» вдруг оторвалась от Теламона и подбежала к колодцу, затем слегка нахло-

нилась над желобом, словно пытаясь увидеть в темноте свое отражение.

— Никакого тумана. Вы всю жизнь только и делали, что убивали. Или строили и чинили машины для убийства. Человек — та же машина для вас, вопрос лишь, насколько более сложная. Думаете, катапульта научится когда-нибудь философствовать? И какую неполадку вы, мертвецы, нашли во мне?

— У вас несколько повышенная температура.

— А еще?

— Вы странно спите.

— Мой отец тоже так думал. Но разве странно спать ночью, а бодрствовать днем?

— Вы спите с открытыми глазами.

Ход полемики предполагал контраргумент с ее стороны, но она отмолчалась.

— Вот видите, и я могу быть правым.

Что-то было не так, он подошел и поднял ее лицо. Все встало на свои места.

Странный сон с лунами и чужим небом посещал Теламона и после памятного путешествия в Немею, но всякий раз юноше не давалось ухватить что-то важное. Вот и у тирских берегов он, к тому моменту молодой начальник расчета тяжелой баллисты, равный дилохиту гошлитов, проснулся с чувствами обманутого ребенка.

Подготовка к новому штурму шла полным ходом, и стук топоров со стороны кедровника не прекращался даже ночью. Лагерь раскинули чуть к северу от развалин старого Тира, и громада выросшего на скалистом острове города-крепости при каждом брошенном на море взгляде напоминала о полугоде неудачной осады.

Открыв глаза, Теламон разглядел в темноте палатки вытянувшегося в струнку посыльного, и услышал срывающийся юношеский голос:

— Царь требует тебя к себе!

Помянув про себя парой крепких словечек царскую привычку ночных бдений, дилохит плеснул себе в лицо водой из кратера, накинул плащ и выскочил из палатки в теплую финикийскую ночь. Гоплиты расступались перед Теламоном, а у входа в царский шатер его подхватил под руку незнакомый македонянин и провел внутрь.

Александр оторвался от карты, поднял усталые, неспящие глаза на молодого воина и без всякого приветствия произнес:

— Осадных башен и баллист на перешейке недостаточно. Хочу атаковать с моря, да только объединенный флот велик, но беззащитен перед береговыми орудиями Тира. Да и стены города и крепки, и высоки. Ты отличился в Милете и Галикарнасе, смыслишь в механике. Говори, что думаешь.

В этот раз изменение пришло не сразу. Два фиала сладкого кипрского вида осушил тетрарх в молчании, пока царь рисовал что-то на своей карте. И только перед самым рассветом схема огромной баллисты на плавучем щите-острове проступила в сумраке за спиной царя. Теламон и не помнил, как его рука схватила угольный брусок и начала чертить на куске пергамской кожи линии станины, боевого желоба, самого щита, вьютые жгуты жил.

— Все просто, царь. Необходимый диаметр отверстия для жгута зависит от массы метательного камня и дальности стрельбы. Твои баллисты со жгутом в десять дактилей метают камни в четверть таланта на стадий, — медленно, словно очнувшись, заговорил воин, когда чертеж был закончен. — Чтобы метнуть камень в целый талант на два стадия, тебе следует увеличить все размеры баллисты вдвое, и сделать еще такую вещь, дабы орудие не разрушилось после десятка выстрелов. Для этих стен тебе понадобятся валуны в три таланта...

— Я понял, тетрарх. Вес баллисты возрастет еще втрое. И про большие плоты тоже.

— Я всего лишь...

— Я никогда не ошибаюсь, тетрарх, пока дело касается воинских званий, — устало улыбнулся царь.

Под ударами морских баллист стены Тира пали уже в новом, олимпийском году. Пролом в обращенной к Египту стене тирийцы успели залатать, но через три дня атакующие разрушили стену Южной гавани, и все еще незнакомый Теламону македонянин со своими щитоносцами ворвался в город. Теламон узнал его имя, Адмет, много позже, потому что тяжелая стрела тирийской катапульты пробила обитый медью деревянный борт плавучего острова и ударила новоиспеченного тетрарха в правую часть груди чуть выше соска. Галиеянин успел зажмуриться — летнее солнце слепило через пролом в стене.

Агон третий.

Кос, Афины, Тир

В гостевых палатах Теламона старый лекарь появился чуть за полдень, и сразу взял быка за рога:

— Гляжу я, скучаешь ты здесь. И вправду, на нашем острове никаких забав для молодежи не предусмотрено. И праздники далеко, и компании веселой не найти — все лекари, стражники да жрецы. Ну, так я и тут тебе помогу.

— Я внимателен, учитель, но никак не уловлю, куда ведут ваши рассуждения, — поклонился гостю молодой академик.

Праксагор, крякнув, уселся на кресло перед Теламоном, и, словно раздумывая, стоит продолжать, или нет, все же закончил мысль:

— На острове есть маленькое святилище Кибелы. Старшая из ламий хранит секрет древнего танца, коим древние приспешницы Гекаты завлекали в свои

сети путников на ночных перекрестках, и те пропадали навечно.

— Ты знаешь, мы презираем низкие женские искусства, а тут еще танец, обращенный к самым темным инстинктам... Запрещено это нам.

— Ерунда, я еще знаю, вам, академикам, все эти обращения нипочем, вы удачно от них закрываетесь. Пифагорейцы вон не только вегетарианствовали, но и бобов не ели. А все почему? Из-за нелепого случая. У свободного эллина не должно быть преград в голове, а ты, как мужчина, даже сможешь получить некоторое удовольствие. Есть мнение, еще благодарить будешь.

— Она просто возьмет и станцует для меня?

— Ну, если упрощенно, цепочка такая: я упросил архонта, он обратился к жрице, она — не отказала. Представление на закате, так что можно не торопиться.

Правитель лично почтил своим вниманием молодого академика и главу врачей Косской школы. Он встретил их у подножия холма, провел по извилистой тропе на самый верх, потом по ступеням к проему, и оставил внутри небольшой пещеры, освещенной огнем масляных лампад.

Танец начался неожиданно. Тьма неспешно спустилась в центре пещеры, завертелась черной юлой, и там, в окне этого маленького вихря, возникла сияющая фигура то ли нагой женщины, то ли серебристой змеи.

Внутри Теламона сразу застучал метроном, удерживая его сознание своим ритмом, споря с чудным орнаментом танца. Волшебная танцовщица, напротив, все время меняла темп, перетекая из одной позы в другую, то стелясь вдоль пола, то переставая касаться стопами прохладного известняка. Это непрерывное движение серебристого тела, сначала вкруг, потом к центру и обратно, словно сплетающее паутину,

заставляло биться сердца зрителей вопреки их воле, обещало все на свете и подчиняло себе полностью.

— Какая-то мазь, — успел подумать Теламон, прежде чем его метроном дал первый сбой, и он вдруг обнаружил себя идущим вверх по тропе с Праксагором.

На мгновение академику показалось это возвращением на час назад, но вместо пещеры там, на вершине холма он заметил торжественную колоннаду Дельфийского храма Аполлона. Как же ему хотелось бежать вверх, ко входу! Однако дисциплинированный мозг еще подсказывал Теламону, где ложь, а где правда. И тот еще помнил, что стоит в пещере и наблюдает за змеиным танцем. И в ту самую минуту, когда он попытался вернуться, его захватило новое сновидение наяву.

Лицо Первого историка расплывалось в воспоминании Теламона. Воспоминание было довольно свежим, и все же... Соберите все самые обиденные черты, прикройте тенью плаща — вот вам и Первый историк. Лишь голос выдавал его с головой. Скрипучий, словно с вами говорит несмазанное колесо.

— Мы весьма дотошны, Теламон. Ищем объяснения всему и вся. Это предостерегает нас от ошибок. Если найти верные инструменты и подход — любое загадочное явление во всем космосе найдет логичное объяснение. Ты знаешь, в инструментах мы не стеснены. Подходы могут быть ошибочны, но со временем верный результат неизбежен.

— Со временем, — кивнул бывший инженер. — Возможно, не при нашей жизни.

— Такова цена, которую мы порой обязаны платить. Ты знаешь, что здесь одно явление из тысячи подозреваемых оказывается на поверку «чудесным», то есть таким, что при всех наших ресурсах не оказывается немедленно объясненным. Это очень боль-

шое число. На кривой чудес их точка на три порядка выше нашей. Принцип твоей профессии гласит...

— Развитие управляемо, но обладает инерцией. Может, перейдете к делу.

— Да, мы слишком долго отрицали многие вещи. Предвиденье, астральные путешествия... Объясняли все либо самовнушением, либо гипнозом, не говоря, о банальном шарлатанстве с применением различных технических средств, как, например...

— Я хорошо знаком с нашей задачей здесь, Первый историк. Это у меня в голове.

— Да. Совмещение мозгового импланта с гипнопосылкой. Я порой забываю, что некоторые из нас не воспитываются в обществе себе подобных. Это необходимая жертва. Еще одна из многих.

— Итак, давайте дальше. Наверное, так... Сверхсветовая эмпатия заставила пересмотреть многие каноны.

— Да, возможность передавать ощущения своим предкам или потомкам на далеких звездах в режиме реального времени — это воистину прорыв. И перспектива, захватывающая дух. Жаль, дар зависит от генетического сходства. Чем слабее сходство, тем слабее связь.

— Помимо того, что дар крайне редок, и даже, как говорят некоторые преданные анафеме ученые, контрсистемен. Ни одна математическая модель не смогла достоверно предсказать появление дара у будущих детей. И наоборот, он порой появлялся там, где его не ждали.

— Чистейшая правда. Как и то, что с каждым поколением общее число одаренных падало. Развитие контролируемо...

— Но имеет инерцию. Что вы от меня хотите?

— Видите ли, Теламон. Наши предки прилетели на эту планету примерно четыреста лет на-

зад... — историк приподнял десницу, дабы оградить себя от перебивания. — Я не буду углубляться, как вы и желали. Мы за это время использовали разные подходы. Вплоть до прямого смешения генов. Добились кое-каких успехов, но процесс этот весьма не быстрый. Может, лет восемьсот, может, тысячу. Однако война... Война выводит человека на пик, на грань, особенно большая война, и затяжная. Помните тот случай, просто сокровище, с послушницей из местного храма? Мы тут тогда еще не обустроились. Слишком беспокойно было.

— Да, когда город грабили. Ее храм не стал исключением. Они наотрез отказались уходить. А потом их насиловали и резали на части.

— Ну, ту, о которой ведется беседа, наши забрали в почти приемлемом состоянии. А потом она вещала нам о предке тогдашнего Второго Хранителя Тайн, который ремонтировал двигатели летуна в системе Виноградаря. Многих терминов она, разумеется, знать не могла, поэтому говорила на межзвездном стандартном. Ваш случай чем-то схож.

— Причем здесь мой случай?

— Сейчас я к этому подойду. Мы стали Ядром эллинской науки, без наших машин они бы не устояли перед ахеменидами. Но теперь ахеменидов нет. А поход нового Царя царей прервался. Этот новый Царь царей, он не без странностей. И его новая блажь суть угроза нашему доминированию. Раньше он вел войну, а теперь широко насаждает знания. Это плохо. Эпоха мира принесет расцвет науки, уменьшит долю мистического. Пока это под нашим контролем, но вскорости наши исследования осложнятся. А возможно, и вовсе остановится. Нам чрезвычайно необходимы еще пара-тройка веков..

— Вы хотите, чтобы я убил царя? — прямо спросил Теламон.

— Не совсем. Видите ли, в нашей ситуации этого будет недостаточно.

Собственно, тогда он и познакомился с Праксагором с Крабьего острова. Началось с того, что воин тонул. Тонул в потоке слов и образов. Незнакомые рты нараспев произносили слова, и Теламон знал, что слова их истинны. Но сейчас они говорили гуртом, и он ничего не мог разобрать. Он пытался зажмурится, дабы не видеть незнакомые карты и чертежи. Он пытался заткнуть уши руками, дабы не слышать какофонии голосов. Но все бесполезно. И тогда он попытался услышать. Это чуть не свело его с ума.

— Непредвиденное повреждение, — говорила женщина в странных, плотно облегающих тело одеждах, сидевшая в его голове. — Немедленное разблокирование памяти — приоритетная директива...

Затем мужчина в белом хитоне:

— Посттравматическая кома, довольно распространенный исход при повреждениях головного мозга... Стандартной терапией в этом случае...

Что является стандартной терапией, он так и не узнал. Потому что его подхватил новый поток... информации? Да, информации. Она, словно беспокойная морская вода, немилосердная к случайно выпавшему за борт, забралась ему в уши, рот, грудь... легкие?

Внезапно раскат грома, голос перекричавший остальные:

— Соберись с силами, сын Андрокла! И протяни руку, иначе даже мне тебя не вытащить!

Теламон сделал все, как ему сказали, и на мгновение ему удалось вынырнуть. А большего и не требовалось.

Много позже, он услышал, достопамятный громовой голос, но уже в другой тональности.

— Прости, царь. Это всего лишь мнение скромного врачевателя, но я не вижу для него будущего в твоей армии. Рану я зашил, и от нее он оправляется на удивление быстро, но голова — другое дело. Весьма прискорбное падение. Надеюсь, царь, ты учтешь сей факт на будущее, и всякий в твоей армии, кто отправился в бой без шлема, будет строго наказан...

Снова тьма. А через время, Теламон не знал, сколь длинное, его глаза смогли открыться. Над ним, возложив длань на тетрархово чело, возвышался седовласый лекарь. Горло юноши горело подобно пустынным землям Египта, и все же он произнес:

— Вам удалось структурировать мою память, вы из Академии?

— Академии? — сурово произнес старец. — Аполлон, смилуйся! Никогда я не принадлежал к этим чванным собачьим сынам. Царь никого из них к тебе и на выстрел твоих баллист не подпустил. Впрочем они не очень и старались. Что ты сказал насчет памяти?

— Ничего.

— Тогда запомни, чтобы там не случилось — ты все сделал сам. Кстати, я знаю — ты Теламон, сын Андрокла Галиеского. Если что понадобится — зови Праксагора с острова Кос.

Затем царь провозгласил Теламона героем пред прочими эллинами. А Теламон провозгласил, что считает необходимым отплатить долг своему спасителю лекарю Праксагору, ежели царь сочтет необходимым освободить его от иного долга. Царь, на удивление, счел. Сам Праксагор был премного удивлен. И отказался принять от юнца клятвы верности. Однако он заявил, что почтет своим долгом обучать своему искусству каждого, кто выразит желание.

Армию великого Александра ждал Египет. Теламона ждала иная жизнь.

Агон четвертый.

Кос, Дельфы, Дельфийская дорога

От проводника и осла Теламон отказался. Сын рыбака настойчиво навязывался в первые, а его родитель — сбагрить второго, однако Академик был неумолим и заплатил только за слова.

— Славная бухта, даже в бурю вода там вполне спокойна. Пусть для биремы и мелковато. Братья-рыбаки до поры промышляли, а ныне совсем пусто. Рыба ушла в море. И все же, господин...

— Дорога предстоит недалняя, — оборвал господин.

С утра к Теламону никто не пришел, и он прекрасно проспал до обеда. А после обеда уже он ни к кому не пришел, кроме семьи рыбака, да еще нескольких портовых работников, кои собственно на рыбака и указали.

Десять стадий были для тетрарха армии Александра легкой прогулкой, если он тетрарх. Теламон почти забыл. Тем острее было наслаждение. Сбросив одежды, Академик погрузил больные ступни в прохладный ил.

— Как долго летаргия может длиться? — спросил Теламон.

— Декады, — отвечал Праксагор, тщательно пережевывая кусочек козьего сыра. — Меня беспокоит, что время просветления сокращается. В последний мой визит она держалась около шести часов.

— А раньше?

— Прости?

— Вы же наблюдали ее раньше? До того, как она попала в храм.

— До того — дни. Как врач, я был против сделки, но отец настоял. Как бы то ни было, это слабо зависит от места. Больше — от времени.

— Которого все меньше, — горько констатировал Теламон. — А каковы условия сделки?

— Согласно одному из них я могу время от времени посещать больную в храме, дабы затем отчитываться о прогрессе ее семье. Большого мне знать не надобно. С другой стороны, очевидно, что получили жрецы.

— Вполне, учитель.

Теламону на мгновение показалось, что глаза наставника сверкнули.

— Конечно, Сивилла может быть только одна... Но ты же видел это?

Ученик неуверенно покачал головой:

— Я видел слишком мало, учитель.

— Еще увидишь. А пока лучше выпишь, это продлится не один день.

Проснулась она через два, в полдень. Теламон был первым, кого она увидела.

— Сколько я спала?

— Двое суток, — отвечал тетрарх, не моргнув глазом.

— Другие бы сказали: несколько часов, но с тобой постепенно привыкаешь к правде.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как тот, кто не распоряжается своей жизнью.

Прескверно. Ты приготовил диагноз?

— У меня есть маленькая теория.

Девчонка презрительно фыркнула.

— Иной бы уже трактат написал. Послушай, неужели надо иметь голову ученого, чтобы понять: то, что со мной происходит, как-то связано с тем, что я умею.

— И что же?

— Не зли меня, лжесын.

— И не пытался, — он поднял со стола глиняную дощечку. — Расскажи, а я запишу.

Постоялый двор по дельфийской дороге был не первым на их пути. Уже второй год они колесили по все-

му эллинскому миру, и Праксагор не мог нарадоваться ученику. Тот схватывал все на лету: и которой из игл зашить рану на бедре, и как пустить лишнюю кровь, и каким отваром лечить головные боли. Почти во всем Теламон мог заменить учителя. Единственным, что Праксагор по-прежнему лечил сам, были недуги душевные. Он сам вел длинные беседы с больными, массировал им головы, иногда прописывал отвары.

В этот раз случай казался тяжелым. В теле десятилетнего Ипполита умещались сразу два мальчика: добрый, тихий собственно Ипполит, и ужасный Телегон, сворачивающий головы птицам. Когда он вцепился зубами в горло воспитателю, отец Ипполита, знатный афинянин, решился взять сына к оракулу. В месяц восьмой, что соответствует Афинскому Антестериону, стоял безутешный отец со своим дитем и слугами среди прочих на ступенях храма Лучезарного. Медленно двигалась очередь, но к закату услышал он такие слова:

В месяц Гераклий в ином обороте

Пройди дорогой хоженной к дому путника

Там встретит твой сын жизнь и смерть.

Собственно афинянин на следующий год и проделал путь по дороге от Афин, заходя в каждый постоянный двор. Пока, наконец не набрел на Праксогора... с Теламоном.

Потом целую декаду повторялось одно и то же: Праксагор садился перед мальчиком, брал кольцо на нитке и раскачивал его, не забывая считать до десяти. На счете «семь» тот обыкновенно засыпал, и тогда почтенный Асклепиад вел поочередно разговоры с обоими, пытаясь примирить два рассудка. Афинянин рассказал о втором мертворожденном близнеце, но это не приближало Праксагора к успеху. Дело шло медленно, хотя приступы, когда из-под светлого личика Ипполита проступала злая личина его брата, становились реже, и не такими острыми.

Наконец, Теламону это наскучило, и он заявил Праксагору, что берется излечить юного афинянина за один сеанс. Пока лекарь вызывал то Ипполита, то Телегона, ученик пальцами пытался уловить тепло от разных сторон головы мальчишки. А когда, наконец, дождался нужной картины, резко ткнул пальцем в одному ему заметную точку чуть левее темени.

— Ты убил его, — махнул рукой Праксагор. — Я не учил тебя этому.

После трех дней без единого приступа афинянин одарил лекарей пятью талантами серебра. Старик денег не взял.

После случая с Ипполитом Праксагор стал задумчив. Ранее он любил поболтать с учеником на разные темы, потом это случалось реже. Некоторое время они оставались на постое, пережидая пришедшие с юга тучи; когда тучи рассеялись, учитель сказал:

— Ты должен увидеть нечто.

Спустя два дня они топтали узкие улицы священных Дельф, выискивая кратчайший путь к южному склону Парнаса. Когда же набрали на пару утесов и фонтан, Теламон, наконец, решился не держать в себе терзающую его тревогу.

— Учитель, возможно, я что-то путаю, но сегодня не день рождения низвергателя Пифона. Не правильно ли будет дождаться следующего года?

— Оракул иной раз проявляет милость к сильно страдающим, — пошутил старец, но затем много серьезнее добавил. — Время не терпит. А у пророков есть обязательства и перед смертными.

— Но перевесят ли они те, что у них есть перед богами?

Учитель пропустил слова ученика мимо ушей, так как сами уши он погрузил в священные воды Кастальского ключа. Вместе с глазами, щеками, челом, а также сединами.

Выбравшись и тряхнув несколько раз патлами, целитель лишь заметил:

— Ты хоть голову намочи. Эти иеродулы — редкостные привереды.

На лестнице их ждали. Обритый наголо жрец преклонных лет приветствовал паломников:

— Итак, ты вернулся, асклеиад, как и было предречено.

Праксагор раздраженно отмахнулся:

— Оставь свои глупости при себе, привратник, мне нужна только твоя госпожа.

— Она не будет говорить с тобой, асклеиад.

Не о чем, — привратник вдруг перевел взгляд на Теламона. — А вот с ним поговорит чуть позже.

— Как интересно, — отметил Косский.

— Ты знаешь правила, почтенный, — игнорировал жрец. — И знаешь, где следует ожидать.

Пока они ждали в маленькой комнатке с четырьмя лампадами и одной мраморной скамьей, учитель разговаривался:

— Если ты благодарен мне за оказию увидеть храм Аполлона изнутри, не будучи изрубленным мечами, не спеши. Мы здесь по делу, и дело это предстоит, в первую очередь, тебе.

Теламон благоговейно слушал.

— Не скрою, твое решение по последнему пациенту вывело меня из себя, но также и натолкнуло на новую мысль. Что, если дать тебе еще одну возможность, тем более что мы от нее не так далеко? Обещаю, приключение будет весьма познавательным. Тебя уже удостоили личного разговора с Сивиллой... Перед тем, как тебя к ней отведут, я должен кое-что сказать. Ты ведь знаешь, что такое одержимость?

— Вы имеете в виду болезнь, когда пациенту кажется, что некто внутри толкает его на неадекватные поступки, как с Ипполитом? Или сумасшествие, вы-

званное внешним раздражителем, как у Париса, похитившего Елену и обрекшего Илион на гибель?

— Это знание тебе поможет. Только помни: одержимым можно быть не только кем-то, но и чем-то.

— Как царь одержим желанием объединить все народы? — внезапно прозрел Теламон.

— Да... как царь, — кивнул Праксагор. — Ну вот, дальнейших наставлений не требуется. Хочу попытаться не влиять на твое решение.

Агон пятый.

Кос, Дельфы и везде

Сегодня был последний день. Осознание этого Теламону пришлось столь внезапно за завтраком, что он едва не поперхнулся молоком. В этот же момент к нему пришла иная мысль. Но о ней позже.

Старик в этот раз был дома. Он Теламона даже не приветствовал. Просто указал на табурет напротив себя. И, как всегда, два фиала между ними.

— Ты знаешь, почему я предаюсь вину, Теламон? Сердечное. По правде сказать, пьянство — единственное, что меня спасает.

— Я сегодня поперхнулся молоком, — заметил Академик.

— В самом деле? — подивился старик. — И что же это значит?

— Может, что слишком много думаю?

— Беда всякого молодого ума.

— Вспомнил осаду Тира. В те годы я не считал фиалы. Но... я ведь уже не мальчик, учитель.

— Смотри относительно кого.

— А вы все пытаетесь мне что-то сказать? Но я все так же глух.

— Так выпей уже.

— А вот и выпью! — собственно, иная мысль.

Они подняли фиалы.

— За тех, кому еще рано на переправу!

Вино холодным лезвием коснулось его губ, обожгло его внутренности раскаленными углями. Вдруг он почувствовал, что его ладоням надо срочно коснуться висков. Теламон выронил фиал, вино окрасило алым мраморный пол жилища Праксагора Косского. В голове же скрипел Первый историк:

— За исследование можешь не волноваться. Мы давно добыли и изучили ДНК Косского лекаря, у него семеро сыновей. Переключимся, если будет необходимость, на них. Сам он уже стар, легонько ускорить его конец — это не убийство.

Засим голос историка утих. Был заменен голосом Праксагора.

— Послушай, Теламон Гераклид. У меня было достаточно времени, дабы изучить твою анатомию. И гораздо больше, чтобы приготовить яд, способный убить потомка богов. Сей яд повторяет кондиции той воронки, из которой ты так удачно выплыл при осаде Тира. Хоть и не без моей помощи. Я должен извиниться, но сегодня ты выплывешь из нее сам, или умрешь.

— Воронка, — простонал Теломон. — Как та девочка в Дельфах?

— Теперь ты понял. Я ведь тебе не рассказывал, на что было похоже твое состояние? А ты боялся спросить. Выдать свои божественные тайны.

— Вы тоже боялись... Вы... боялись...

— Она плывет, как дельфин. Едва различимая под самой поверхностью божественных вод. Но не может вынырнуть. Даже на мгновение, в отличие от тебя...

— Вы боялись, что вас засосет, вы утонете... Либо умрете, либо превратитесь в такого же отстраненного... безвольного... до конца дней... Но почему? Вы же видели, что можно победить эту стихию.

— Нет! — возопил старик. — Тебе возможно, Гераклид, хотя этого мы еще только попробуем увидеть.

Но мне — нет. Она слишком жаждет спасения. Она утянет, утопит меня. Потому что мы связаны. А теперь плыви, Гераклид.

Ему другого не оставалось.

Они вновь гудели, много громче, чем было в Тире. Но сегодня Теламон был к этому готов. Во второй раз всегда легче. Ах, если б у него была под рукой одна из чудодейственных машин Академиков. К сожалению, такую поклажу в руках не утащить. И здесь не Афины, он сам за себя. Даже если они используют летуна, тот пробудет в воздухе около часа. К тому моменту Теламон лжесын лжеотца из Галиеи погибнет. Значит, придется решать проблему самому, ведь его тело много совершеннее того, что может предложить обычный эллин. Пусть Праксагор сказал, что яд сей специально для него. Вывод: надо использовать то, о чем старик не знал. «Адаптация организма», — изо всех сил подумал он.

— Ваш организм имеет ограниченную способность к адаптации, например к жаре, холоду, радиации или отравляющим веществам — сказал кто-то. — Важно заранее знать, к чему адаптироваться. Перестройка защитных систем длится некоторое время.

— К отравляющим веществам! Великолепно! Только я не знаю, к каким. Пробуем адаптироваться к воронке в моем воображении.

На сей раз ответа он не услышал.

— Да, вот тебе и божественные воды, хоть богов и нет. Стоп, — размыслил он. — Богов нет, а оракулы есть, и та девочка из Дельф есть. Она плывет, отстраненная от всего мира. Плывет, как дельфин. Пророчит. Вот оно. Она пророчит. Если вправду, то что же мешает мне?

— Глубина, — что-то подсказало ему.

Почему эти пророчества туманны? Определение целиком зависит от тебя. Так говорила другая

на горе? Почему? Оракулы ведь знают, что надо сделать, чтобы получить требуемый исход? Исход пред-решен? Или нет?

Теламон помнил ту женщину, вернее, несколько, ей подобных. Внутри оракула, в облаке испарений, неизменно 7-го бисия она-они восседали на высоком треножнике и несли рифмованную околесицу, кото-рая сбывалась. Ну, или почти.

На сей раз было иначе. На сей раз Сивилла стояла у самого обрыва; складки на алой тунике теребил ве-тер. Она любовалась закатом и говорила не стихами.

— Вне праздника Аполлона сюда путь заказан и царям. Однако, лекарь Праксагор... имеет привиле-гию. Ты знаешь, для чего он здесь?

— Чтобы лечить, госпожа? — полуспросил-полуответил отставной тетрарх.

— Хочет проверить гипотезу. Вновь попытаться ре-шить вопрос, к которому клялся не возвращаться.

— Клялся, госпожа? Но...

— Это подводит к необходимости нашего лично-го знакомства. Что ты знаешь обо мне, герой Милета, Галикарнасса и Тира?

— Вы, — он попытался найти наиболее верную аналогию. — Политик.

Она улыбнулась не размыкая губ.

— Это довольно узкое толкование, но вполне при-емлемое. Нас учат искусству управления.

— Вы умеете мыслить над тенденциями в правиль-ном русле. Если сведений для рассуждений в достат-ке, можете сделать вывод...

— Весьма стройное суждение для столь молодого эллина. Праксагор поступил мудро, взяв тебя в уче-ники. Но это лишь часть целого. Я сделаю тебе пода-рок, покажу другую часть.

Солнце дарило Парнасу последние лучи, когда они сделали первые шаги к величественной колоннаде.

— Ты добьешься успеха, целитель. Хотя определе-ние успеха целиком зависит от тебя.

Теламон разъярился.

— Вы говорите, путь заказан и царям, но знаете — я свидетель иного. Чем учитель заслужил такую ми-лость? И чем заслужил я?

— Поверь, порой достаточно лишь моего желания помочь.

— Но кому вы помогаете сейчас? По Дельфийской дороге круглый год путешествуют искусные вра-чи... — он глубоко вздохнул, затем наконец, овладел собой. — Скажите, почему вы все время пророчите столь размыто, да еще и в стихах? Вам ведь не всегда достаёт истории, так?

— Так, — согласилась Сивилла. — Порой самую малость.

Навстречу им вышел престарелый жрец Аполло-на, он склонился перед пророчицей.

— Передайте Косскому лекарю, что я удовлетво-рю его просьбу, — молвила Пифия. — Также прово-дите молодого ученика и...

Последнее она прошептала так, чтобы только жрец слышал.

Очнувшись, Теламон заметил, что приставил к горлу Праксагора острейший кинжал Академика.

— Тебе удалось, — спокойно прошептал лекарь. — Когда-то давно я пытался спасти свою дочь и зашел столь далеко, сколь позволено смертным. Там я уви-дел, что у меня два будущих. Либо я пойду даль-ше и стану большим калекой, либо через много лет меня убьет мужчина со золотым глазом на шее. Очень сильно похожий на тебя. Я решил оттянуть. Я был слаб?

— Нет, — едва выдавил ученик. — Ни в коем слу-чае.

Теламон спрятал кинжал под плащ.

— Возможно, придет кто-то еще, но это буду не я. Как-то раз опалолокая рассказала:

— Вас я вижу словно сквозь тонкую водную пленку. Искаженно? Нет, переменчиво. Ты хочешь узнать подробности? Этого не описать. Язык слишком беден. Просто со временем пленка утолщается, образ растворяется... сменяется.

— А если на практике. Возьмем меня.

— Некоторые области обрели четкость. Например, ты — небожитель, посланец чужих богов. Скоро вернешься к своим прародителям. Разочарованный, будешь молча молить. А потом поймешь, что вы все столь же слабы.

— Если бы я предложил следующее. Я выжгу тебе глаза. Ты ослепнешь, но исцелишься от недуга. Ты согласишься?

— Без колебаний.

Праксагор застал своего ученика за паковкой их нехитрого скарба.

— И как это понимать?

— Добрый день, учитель. Я отказываюсь от своего пациента.

Некоторое время старик молчал, затем ехидно спросил:

— Уже сдаешься?

— Она просила выжечь ей глаза ради исцеления. Вы предупреждали меня об одержимости. Сивилла говорила, я сам решу, что есть в данном случае успех. Я отказываюсь от нее.

— Значит: «Не навреди!»

— Именно. Это и есть ваш урок?! Я его выучил? Вы отвезете меня на Кос? Примите ли мои клятвы?

— А выжигание глаз и впрямь поможет?

Теламон завязал мешок тугим узлом. Праксагор вздохнул:

— Полагаю, еще не время...

— Полагаю, я достигну острова сам. Когда-нибудь. Вы мне всегда твердили, я свободен. Свободой надо пользоваться. Ваш мешок большой, учитель.

На пути вниз единственным спутником Теламона был пристальный взор привратника. Впрочем, холодное прощание его не беспокоило, ибо он снова отправлялся в путь, в котором пункт назначения наблюдался четче обычного. Сначала, однако, предстояло заготовить припасы. Деньги афинянина тут были как нельзя кстати, и, вооруженный ими, Теламон отправился в сторону рынка.

Собственно, здесь истории Теламона лжесына Андрокла и конец. За исключением нескольких приятных мелочей.

Герой спускается во двор богатого дома Праксагора Косского и обнаруживает сокрушенные ворота. Рядом — два десятка воинов; некоторых из них он помнил еще с Галикарнасса.

— А! Царские телохранители, как банально.

— Ты? — возопил рослый громила, чью голову иной суеверный грек спутал бы с головой минотавра.

— Чего желаешь, Лисимах, Язык льва?

— И ты служил им? Я не удивлен. Твои механические идеи всегда казались подозрительными. Царь ошибался, доверяясь тебе подобным.

— Если ты здесь, полагаю, твой повелитель мертв.

— Царь мертв, да, — прорычал Львиный язык. — Но мы поймали отравителя. — Вашего служку. Покажи ему.

Один из людей Лисимаха выгасил из мешочка на поясе что-то блестящее и бросил к ногам Теламона.

— Вот как? — вскинул бровь лжесын.

— Я сцапал его вот этими самыми руками, — предъявил мозолистые конечности телохранитель. — Вертляв был собачий сын, но супротив меня в поединке не устоял бы и сам царь. Потом мы вашего допросили с при-

страстием. Сопrotивлялся, но перед самой смертью сознался, что убивал с ведома Академиков. Сказал, яд, что не распознают все ученые мужи Эллады, собравшись вместе, приготовил ему лекарь Праксагор с Крабьего острова, назвал еще несколько имен. Птолемей не верил, но я рассудил так: необходимо схватить всех возможных подозреваемых. Постановили Антипатру уравнивать Академию в Афинах с землей, я же вызвался попутешествовать.

— Значит, удар царского копья не прошел бесследно. Они просто исключили тебя из списка претендентов, не более. Поделят все без твоего рыка.

— Как ты смеешь, предатель!

— Последний вопрос, Язык. Кем был тот Академик?

— А ты не знаешь? Какой-то книжник, какая разница?

— Сам подумай. Книжника ты посчитал вертлявым, а хочешь сразиться с воином. Лучше достань оружие.

С первого раза Теламон не добился цели. Пришлось метить в шею: голову Лисимаха защищал шипак, то-то Праксагоровы советы не пропали втуне. Гетайр, увернувшись, едва не достал тетрарха ударом кулака размером с наковальню.

— Всем стоять, — воскликнул Язык. — Я сам! Тот упрямец тоже метил в шею, я его быстро отучил.

«Отучить-то отучил, а меч обнажил», — размыслил Теламон над тем, как бывший телохранитель достает ксифос из-за спины.

Академик знал множество способов побеждать. Он вновь атаковал. На сей раз пролилась кровь, кровь лжесына. Но схватка уже окончилась. Кинжал, острей которого эллины не ведали, разрезал ремни на доспехах Лисимаха. Доспехи с грохотом упали на землю. Затем Теламон поочередно ударил в пять заметных только ему точек, и гетайр с грохотом упал вслед за доспехами.

— Теперь, когда командир недееспособен, его приказ отменяется. Самое время отбросить стыд и ударить всем вместе. Косские врачи милостивы, их связывает клятва.

Что было дальше, подробно описано в свитках. Через полгода Лисимах вернется в Вавилон со всей своей свитой. Он заявит, что свидетельства о предательствах подтвердились, и он лично покарал смертью всех без исключения. В награду Львиный Язык получит Фракию, что предопределит его судьбу. Телохранитель царя царей погибнет в битве против Селевка при Курупедионе, последнем сражении между полководцами Александра.

Злые языки, впрочем, говорили, что Язык Льва лукавил. Дескать, кое-кто видел старого лекаря Праксагора Косского с парой учеников в Александрии при дворе Птолемея Сотера. Сам Птолемей все отрицал. Он выдал одну из своих дочерей за Лисимаха, а порочить зятево имя — не царское дело.

Когда Антипатр, македонский регент, будущий Антипатр Первый, сжег Афинскую Академию, он тем самым навлек на себя гнев всех греков, в сущности развязав Ламийскую войну. Из которой вышел победителем. Умер он в глубокой старости, предварительно обделив сына Кассандра правом наследования, чем принес множество бед последним потомкам царя Александра.

Выжил ли кто-либо из Академиков при пожаре? Большой вопрос. Всякий, пытавшийся задать его воинам Антипатра, получал как минимум множество тумачков, а особенно настойчивые рисковали увидеть древко сариссы меж собственных ребер.

Что касается Теламона Галиейского, отставного тетрарха армии Александра Великого, почти лекаря Косской школы, настоящего Академика, лжесына лжеотца... фигуры, мягко говоря, сомнительной для любого историка-профессионала — его видели через год после описанных событий на постоялом дворе по Дельфийской дороге, в паре дней пути от города. **✠**

Рациональная* Флора

*Рационализм — (от лат. *rationalis* — «теоретический, разумный»; *ratio* — «счет, расчет») — способ мышления, в котором доминируют логическое начало и разумный расчет, также предполагающий логический порядок вещей в самой действительности.

По пальцу безболезненно полоснул скальпель, оставляя за собой тонкую алую нить. Девушка давно приурочилась использовать его в работе: безупречная заточка ножа позволяла делать тончайший срез органов растений. Техника требовала скрупулезности и в абсолютную сосредоточенность грубо ворвалась телефонная трель.

— Слушаю, — недовольно крикнула она в трубку. — Мама? Ты звонишь на городской. Я просила пользоваться мобильным.

— Ты бы его не взяла, — отрезал высокий резкий голос. — Ты помнишь о сегодняшнем вечере?

— Я не приеду. У меня много работы.

— Пуансеттия!

— Мама, — девушка раздраженно поджала губы. — Я не разбираюсь в живописи и не люблю джаз.

— Ты не любишь людей.

— Это взаимно.

— Скоро превратишься в один из своих заспиртованных экземпляров.

— К лучшему. Буду жить вечно.

— Одна!

Евгения Мекшун

Родилась в 1982 году в России на Дальнем Востоке. В 2004 году окончила фармацевтический факультет ДВГМУ, где углубленно изучала лекарственные свойства растений. Начала писать по наитию ветра.

Сета нервно сцепила пальцы вокруг трубки. Она уже знала, чем закончиться этот разговор. Тем же, чем и остальные последние пару месяцев.

— Если не явишься, считай, что матери у тебя нет!

***

— Сета, — взгляд женщины умоляюще блуждал по лицу дочери, — прошу, хоть раз веди себя как нормальный человек.

— Мои поведенческие способности характеризуют меня как типичного представителя вида *homo sapiens*. Я нормальный человек, мама.

— Сета! — взвизгнула мать и больно впиалась девушке в локоть. Нацепив улыбку, она развернулась к приближающейся компании из четырех фигур: три пенсионерки и молодой мужчина. — Знакомься, Максимилиан, — сладко пропела сводница. — Пуансеттия — моя дочь.

— Добрый вечер! — мягко ответил Максимилиан. Сета безразлично кивнула.

— Макс — сын Тамары, — продолжала щебетать женщина, — любезно согласился составить нам сегодня общество.

Чувствуя, как мать все настойчивее сжимает ей руку, требуя ответных любезностей, Сета вывернулась.

— Клюквенный мохито, пожалуйста, — сделала она знак официанту и остановилась напротив работы новоявленного художника, осчастливившего мир очередной мазней а-ля абстракция.

— Меня предупреждали насчет вас, — в картину рядом уткнулся профиль Макса-сына Тамары.

— Сожалею.

— Сожалеете?

— Вечер вам придется провести в компании человека, о котором вас предупреждали. Это неприятно.

— Ничего. У меня бывали компании и похуже, — он замолчал, ожидая реплики, но ее не последовало. — Так значит, вы не верите в любовь?

— Нет необходимости обсуждать тему, вам не свойственную и не интересную, только потому, что я — женщина. Мне она безразлична.

— Значит, не верите, — Сета посмотрела на мужчину, впервые за время их недолгого общения, и Макс показалось, что он ее удивил — Что? — пожал он плечами. — Мне стало интересно.

— Любовь — это функция мозга, дофаминергическая целепологающая мотивация к формированию парных связей у человека, целью которой является выведение потомства для продолжения рода. Такой цели у меня нет.

— Ого! А я думал, для выведения потомства используют секс.

— Вы занимаетесь сексом для выведения потомства? — изумилась девушка. — Сколько у вас детей?

Макс смотрел на нее и не мог поверить, что она настоящая. Одно дело, когда мужчины и женщины с разных планетах, но эта — из другой галактики.

— Сексом занимаюсь ради удовольствия. Детей нет, — отчитался он.

— Секс направлен на удовлетворение полового влечения. Часто ему предшествует ряд действий, называемых ухаживанием. На мой взгляд, бессмысленных.

— То есть с вами можно заняться этим немедленно? — хмыкнул Макс. Закралось подозрение, что над ним издеваются.

— Сначала вы удивитесь моему имени, назовете его таинственным, пригласите в ресторан, потом к себе, и у нас будет секс, — девушка сделала глоток мохито. — Мое имя мне известно, не считаю его таинственным, не люблю общественное питание и сон в чужой кровати. Вы хорошо сложены, — сказала Сета, не глядя на Макса, — привлекаете меня в качестве партнера. Шансы на спонтанный секс высоки.

— Вы шутите?

— Нет.

— Вы странная.

— Рациональная.

Справа ослепительно блеснула вспышка. Посетительница клуба лет сорока отняла от лица фотоаппарат.

— Извините, — улыбнулась она. — Не хотела мешать вашему разговору. Ничего, что я вас сняла?

— Конечно!- уцепился Макс за возможности сменить тему. Такое ему было в новинку: смущал не он, а его.

Незнакомка незаметно склонилась к девушке:

— Ведь вы не верите, что фотография отнимает душу. Это нерационально.

***

— Это тупик, Макси. Зацепки кончились, — пожилой детектив закрыл папку и с видимым облегчением отодвинул ее на край стола. — Непростое это дело. Нехорошее. Ребята из лаборатории об заклад бьются, растение не может прорасти человека насквозь за три дня. Я им верю.

— В Китае была казнь: преступника усаживали на место посева бамбука. За сутки он испарывал его изнутри.

Детектив кивнул:

— Слышал такое, но то бамбук, Макси. Твердый бамбук, черт его дер!

Макс бездумно уставился на снимок жертвы, сплошь увитой мягкой виноградной лозой. Из зеленой стены наружу торчали только безвольные кисти рук да голова, в неестественном для мертвого тела порыве, устремленная к небу.

— Мне снится лицо, — нехотя прохрипел старик, стыдясь собственной откровенности. — Не могу от него избавиться.

Макс не ответил. Он чувствовал то же самое. Всякий раз, размышляя над преступлением, ему виделось одно — лицо, которого не было. Голова трупа точно была затянута в плотный чулок из человеческой кожи — лысая, ни глаз, ни рта, ни носа — одни очертания как на манекене. Швов и других признаков того, что это было сделано искусственно так и не обнаружили.

— Я больше не могу над этим работать, Макси. Просто не знаю, в какую сторону двигаться... — спохватился оправдываться детектив.

— Я знаю.

***

— Орудие убийства — растение, — Макс наблюдал, как девушка внимательно изучает материалы дела. Он и предположить не мог, что они когда-нибудь встретятся вновь. Первое знакомство не было удачным, оставив о себе двойное впечатление сумасшествия с оттенком загадочности. Макс любил загадки. Наведя о девушке справки, он с удивлением обнаружил, что доктор фармацевтических наук Пуансеттия Бовир

весьма популярна в своих кругах, а в области специализации — фармакогнозии ее авторитет непререкаем. Сета была последней надеждой Макса сдвинуть расследование с мертвой точки. — Жертву опоили. В крови нашли токсические вещества, вызвавшие остановку сердца.

— Убийца имеет доступ к лаборатории, химическим реактивам и оборудованию для глубокой экстракции сырья. Вероятно, химическое либо фармацевтическое образование.

— Вы уверены?

— Гиосциамин — алкалоид атропинового ряда. В крови жертвы идентифицирован в виде чистого вещества. В медицине используют только соли. Единственная возможность получить чистый кристаллический гиосциамин — извлечение из семян *Atropa belladonna*.

— *Atropa belladonna*?

— Красавка. Атропин оказывает мидриатический эффект на волокна круговой мышцы радужной оболочки глаза.

— Что?

— Он расширяет зрачок. Женщины использовали сок Красавки для придания глазам блеска. «*Bella donna*» с итальянского «красивая женщина». Красавка — фольклорное название.

— Для извлечения требуются специальные условия?

— Гиосциамин неустойчив. Незначительное нарушение технологии: перегрев, действие едких щелочей приводит к переходу его в атропин, правосторонний оптический изомер. Кустарным методом получить гиосциамин невозможно.

— А купить?

— Нет. Доза рассчитана до сотых долей микрограмм. Убийца профессионал. Он не доверит процесс постороннему. Я бы не доверила.

Макс не успевал записывать. Невероятно! Они за месяц не смогли добыть столько информации, сколько Сета за десять минут, впервые взяв в руки документы. Макс недоверчиво остановился:

— Зачем так точно рассчитывать смертельную дозу? Достаточно превысить порог.

— Гиосциамин вызывает угнетение центральной нервной системы. Соотношение концентраций вещества в желудке, крови, печени и почках указывает на неоднократное поступление точечных доз с целью получить обезболивающий эффект.

— То есть смерть наступила не от отравления?

— Не от отравления гиосциамином.

— Установить причину сможете?

— Необходимо осмотреть тело.

— Отлично! Подготовлю вам пропуск в морг.

— Тело растения.

***

Окидывая взглядом нежные завитушки виноградной лозы, оккупировавшей стальную ограду, Макс нахмурился. Снова привиделось лицо «в чулке».

Сета аккуратно приподняла лиану. Используя лупу, она осмотрела места, где растение пришлось срезать, освобождая из его сетей мертвеца.

— Клеточный сок нехарактерного окраса. Предположительно содержит красные кровяные тельца человека, захваченные в результате прохождения сока через тело жертвы, — девушка щелкнула секатором, оставляя себе образец для анализа. — Жилки листа окрашены аналогично, — снова щелкнул секатор. Макс почувствовал легкую дурноту.

— Согласно экспертизе убитая мучилась около недели. Растение способно прорасти человека за неделю?

— Нет, — Сета посмотрела на фотографию, сравнивая положение жертвы на снимке с поврежден-

ными растения. — Она не мучилась. В средние века перед казнью на костре ведьме предлагали отвар из ягод Белладонны. Анальгезирующая, седативная и галлюциногенная активность суммы алкалоидов блокирует чувствительность болевых рецепторов.

— Запоздалый акт гуманности.

— Это избавляло зрителей от криков заживо сгорающего человека. Они могли дольше смотреть.

— Вас ничего не удивляет? — Макса поражало спокойствие и обыденность, с которой девушка воспринимала смерть.

— Я не видела экспертизы грунта с места, где стояла убитая.

— Она не касалась земли.

— В процессе срастания тканей, она стояла. Набирая биомассу, лиана увлекла тело к солнцу, — Сета присела у основания ограды. — Другого объяснения я пока не нахожу.

— Хорошо. Дождемся отчета криминалистов.

— Детектив, подсветите.

Мужчина присел рядом:

— Меня зовут Макс, помните? Что это? — луч фонарика выхватил из темной глубины зелени небольшой круглый предмет.

— Плод.

— Ягоды?

Сета поднялась и бесстрашно запустила руку вглубь чудовища, пожирающего людей. Раздвинув крупные листья, она минуту к чему-то присматривалась:

— Растение плодоносило. Время предварительно совпадает со временем нахождения на нем трупа.

Макс повертел в пальцах виноградину с противным буроватым оттенком ржавчины. Внутри, он догадался, была кровь.

— И где же ягоды?

— На плодоножках следы механических повреждений. Их собрали.

***

— Вы были правы — она стояла, — Макс протянул девушке результаты анализа почвы.

— Частицы эпидермиса, — бегло просмотрела бумаги Сета.

— Да, кожа со ступней убитой — глубокомысленно согласился детектив, демонстрируя знания в области судебной медицины. — Что у вас?

— Клеточный сок содержит форменные элементы человеческой крови двух антигенных характеристик. Я подготовила образцы для лаборатории. Один из них должен соответствовать группе крови жертвы. Другой, вероятно, принадлежит убийце.

— Кровь убийцы?

— Частицы крови. Концентрация мала, поскольку была использована единожды в качестве катализатора роста. При контакте клеточных стенок эритроцитов убийцы и клетки растения в последних наблюдается аномальное повышение митохондриальной активности...

— Стоп! — воздел Макс руки к небу. Зря он кичился знанием «частиц эпидермиса». — Мне нужен переводчик. Доктор Бовир, вы могли бы преподнести информацию как-то... по-человечески.

Сета бросила на мужчину жалостливый взгляд, словно сочувствуя его неполноценности.

— Митохондрии — клеточные органеллы, синтезирующие АТФ... то есть... хм... вырабатывающие энергию для роста клеток и растения, — человеческий язык давался девушке с явным трудом. — Кровь убийцы катализи... ускорила процессы в тысячи раз.

— Чтобы поскорее расправиться с жертвой.

— Нет, убийца ускорял вегетацию. Его целью было получить плоды, — Сета нахмурилась: — Могу я взглянуть на труп?

Макс медленно кивнул. Загипнотизированный, он смотрел на препарированные части растения, казавшиеся необычайно яркими на фоне асептической белизны стола.

— Не знаю как вы Пуансеттия, но я с виноградом завязал.

***

— Почему вы согласились помогать? — забирая крутой вираж, детектив покосился на попутчицу. — Кажется, я вам тогда не понравился? В клубе?

— Вы работаете только с теми, с кем возникла взаимная симпатия?

Мужчина ухмыльнулся. Чего он ожидал? Что она скажет, что первое впечатление обманчиво и бросит ему на шею?

— Симпатия желательна. Но это не наш случай.

— У меня есть потребность.

Макс проглотил смешок:

— Ох уж эти потребности! Чего только не сделаешь ради их удовлетворения.

— Потребность быть причастной к тому, что имеет для меня значение, что я определяю для себя важным.

— Растения.

— Именно.

— Пуансеттия...

— Сета.

— Сета. Вы никогда не замечали, что говорите как робот? Вы констатируете факты. Людям же нужны эмоции. Они хотят видеть перед собой живого человека, а не сухую цитату из энциклопедии.

— Я называю вещи своими именами.

— Да, но у большинства вещей разные имена. Например, ваше: Пуансеттия — официальный вариант. Никто не станет называть вас так в повседневной жизни.

— Вы называли меня «Пуансеттия» в повседневной жизни.

— Потому что у нас с вами официальные, деловые отношения. А «Сета» — это что-то простое, домашнее и ласковое, понимаете?

— Понимаю. У нас деловые отношения и вы не станете называть меня «Сета».

***

Девушка сжала в кармане кулаки. Морг ей не нравился. Здесь было холодно, а в холоде ничего не растет.

— Мы не смогли установить личность убитой, — Макс усилием воли заставил себя посмотреть на труп. — Лица нет и отпечатков тоже, — кивнул он на руки, лежащие «по швам» как у солдата.

Закоченевшими пальцами Сета развернула ладони мертвеца. Они оказались пусты. Аутентичный папиллярный рисунок, толкуемый хиромантами как «линии жизни», исчез.

— Забрали лицо и выпили жизнь, — задумчиво пробубнила она себе под нос.

— Считаете, ритуал?

— В некоторых культурах виноградная лоза — символ возрождения. Из-за особенностей роста «по спирали» Виноград являет собой вечный круговорот от смерти к новому рождению. У кельтов растению соответствует месяц, на который приходится день осеннего равноденствия — языческий праздник «Мабон».

— Жертвоприношение? — у Макса были подозрения на этот счет, но он не решался их озвучить.

— Нет, человеческие жертвоприношения не характерны. Мабон — время равноправия. Как день равен

ночи, жизнь равна смерти. Напиток из Винограда способен возродить к жизни или отнять ее.

— То есть кто-то процедил женщину через растение, чтобы сделать себе сок?

— Виноград сорбирует энергию мертвого тела.

— У мертвого тела нет энергии, — неуверенно возразил Макс.

— Смерть — экзоэнергетическая реакция. Сопровождается выделением во внешнюю среду энергии, вследствие разрушения внутриклеточных органелл и структур клетки. Растения способны аккумулировать помертвевшую субстанцию, максимальная концентрация достигается в плодах. Вследствие высокого содержания сахаров и наличия на поверхности плода дрожжевых микроорганизмов Виноград чрезвычайно склонен к процессам спиртового брожения, что, полагаю, позволяет получить более стабильную энергетическую фракцию, либо форму, наиболее усвояемую пищеварительной системой человека.

— Наиболее усвояемую? Сета, вы серьезно?! Вы в это верите?!

— Я доверяю фактам. Убийца питается энергией, возрождается.

— Но это... — Макс не мог подобрать слов. Его ошеломил не столько жуткий обряд, сколько уверенность в происходящем самого логичного человека из всех, кого он когда-либо встречал. — Это нерационально!

Девушка на секунду замерла. Фраза показалась ей знакомой. Она осторожно повернула голову трупа, чуть надавив на полость глазниц.

— Кости черепа без повреждений? — туго натянутая кожа под нажимом скрипнула и провалилась. Макс шумно слотнул.

— Без.

— Сделайте реконструкцию лица. Установите, пользовалась ли жертва услугами фотографа.

— Фотографа?
 — Специализирующегося на пленочной фотографии с фиксацией изображения при помощи галогенида серебра, — поймав вопросительный взгляд, Сета замялась. — Так фотографируют «по-старинке», полагаю.

— Самостоятельно проявляют фотографии в лаборатории при помощи химических реактивов, — закончил мысль детектив и шустро принялся черкать в блокноте.

— Да, — вымученно согласилась доктор Бовир. Будь она неладна, эта коммуникация!

***

Кто-то настойчиво жал на кнопку дверного звонка. Сета посмотрела на часы — без двадцати одиннадцать. Она не ждала гостей так поздно. Впрочем, гости к ней не ходили.

— Почему не спрашиваете, кто за дверью? — строго упрекнул Макс, точно угадав, что она не потрудилась взглянуть даже в глазок.

— Моя деятельность не представляет сколь-нибудь значимого коммерческого интереса для людей противоправного образа жизни.

— Деятельность — нет, вы представляете, — не дождавшись приглашения, детектив прошел в комнату и тяжело опустился в кресло. Сета не видела его около недели и, по всей видимости, эту неделю он не спал. На лице отечность, гиперемия век, небольшой тремор верхних конечностей, замедленная речь — классические признаки переутомления. — У нее ваша фотография, — Макс передал девушке конверт, механически потирая глаза.

Сета неторопливо вскрыла документы. Спешить было незачем. Она догадывалась о ком идет речь.

— Как часто вы принимаете кофеин?

— Я не пью таблетки, — мужчина болезненно прищурился на блеклый свет настенного бра.

— Кофе.

— Чашечка бы не помешала.

— Нервные клетки истощены. Вы исчерпали ресурс возбудимости.

— Сета, — простонал Макс, — возбудимость на нуле и меня это жутко расстраивает. Сегодня без физиологических подробностей, ладно?

— Я принесу вам чай.

— Взгляните на снимки, — не поднимая головы, промямлил он в спину удаляющейся Пуансеттии. Когда она поставила на стол чашку теплого травяного чая, детектив уже крепко спал.

***

На кухне гроыхала посуда. Сета встревожилась, но быстро вспомнила, что ночевала не одна.

— Доброе утро, — Макс сконфуженно улыбнулся. — Сета, простите. Сам не понимаю, как так вышло. Уснул, — ловко орудуя лопаткой, мужчина отправил на тарелку кусочек яичницы с беконом. — Завтрак в качестве компенсации. Примите?

Ни один из мужчин, бывших в ее доме в качестве любовника, не готовил девушке завтрак. Факт показался занимательным, и Сета попыталась вывести некую логическую зависимость между двумя вариантами поведения мужской особи на принадлежащей женщине территории. Пришлось признать, что логика отсутствует.

— Читала ваши записи.

— Узнали ее? — моментально стал серьезным Макс.

— Женщина, сделавшая мою фотографию в клубе, — Сета подозрительно покосилась на еду. Ей не нравилось касаться рта того, чего до этого касались чужие руки.

— Преподаватель фотоискусства в художественном университете. Она пропала, — детектив подцепил вилкой мясо. — Около полутора месяцев назад.

— Как и ее жертва.

— Жертва, — хмыкнул мужчина. — Заявления об исчезновении Лилии Ив нет. Подать его невозможно, да и некому. Ее лицо каждый день общается с родными и близкими. Фактически девушка жива.

— Изменения личности? Резкая смена привычек, привязанностей?

— Мать сказала, у дочери стали толстыми пальцы, а друзья отметили внезапно возникшую привязанность Лилии к фотолаборатории, которую она, кстати, получила в подарок от своего педагога.

— Умно. Сохранила прежнюю жизнь, не вызывая подозрений в новой.

— Подозрения были. В институте взаимоотношения женщин не одобряли. Считали их любовницами. Со слов подруг, все свободное время девушка проводила в компании своего убийцы.

— Мимикрия. Она мимикрирует.

— Имеете в виду подражание?

— Мимикрия — результат естественного отбора, способность организмов имитировать морфологические особенности особей, как правило, ядовитых, не пригодных к поеданию хищниками. Человеку на высшей ступени пищевой цепи мимикрия не свойственна. В ней нет необходимости, — Сета задумчиво ковыряла вилкой в тарелке. — Убийца длительное время контактирует с жертвой, перенимает ее индивидуальные особенности поведения, мышления, морфологии. Это мимикрия новой формы, новая приспособленческая реакция с целью неограниченно долго избегать смерти сознания путем частичной подмены физических оболочек.

— Что-то вроде смены машины. Старая выдыхается, и ты покупаешь новую.

— Грубая аналогия.

— Но суть верна.

— Уместнее говорить о ремонте составных частей. Старение человека связано с накоплением в органах и тканях метаболитических веществ, нарушающих их нормальную жизнедеятельность. Полагаю, убийце удалось провести резорбцию токсинов.

— Хорошо, — перебил Макс, не желая с самого утра загружать мозги тем, что они все равно не смогут «переварить», — но я не собираюсь жить вечно. Можете есть.

— Не понимаю, что это значит?

— Вы не притронулись к еде. Она не отравлена, — девушка тоскливо глянула на блюдо. Макс вдруг побледнел. — В крайнем левом шкафу в серебристой банке? Там была соль?

— Там есть надпись.

— Какая? — сдавленно выдохнул мужчина, чувствуя, как пицца намертво застревает в пищевode.

— Соль.

— Господи, Сета! Один день с вами и мне тоже понадобится новое тело!

— Зачем подписывать соль по-другому?

Макс откашлялся:

— При обыске в фотолаборатории мы нашли стеклянные бутылки с надписью «Виноградный сок». Там была кровь.

— Кровь, смешанная с виноградным соком.

— В любом случае, это нельзя пить.

— В общепринятом смысле сок — пищевой продукт, выжатый из съедобных плодов растения, предназначенный для питья. Убийца выжал сок из ягод винограда, чтобы выпить.

Детектив подавил в себе желание согнуть пополам вилку.

— Насчет вашей фотографии. Думаю, она была в числе тех, кого убийца рассматривал на роль но-

вого футляра. Во всех смыслах вы идеальная кандидатура — неограниченный доступ к базе растений, химических реагентов и аппаратуре для опытов. У вас мало родственников и нет друзей. Коллеги по работе тщательно избегают вашего общества. Словом, подмена осталась бы незамеченной за исключением одного маленького нюанса — как ни старайся, присущий вам образ мышления повторить невозможно. Вы слишком сложны для подражания. Ваша неординарность, Сета, спасла вам жизнь.

— Согласно данной мне характеристике, окружающие не против сделать мой образ мышления проще.

— Это будете уже не вы.

Как и накануне, девушка поставила перед Максом кружку черного терпкого чая. Подтянув колени к груди, она обхватила пальцами горячую керамику и с удовольствием сделала глоток.

— Убийца арестована?

— Без анализа ДНК нет основания, но и оснований для анализа нет. — Макс тряхнул головой. — Предполагаемая жертва — Лилия Ив — жива. Судья не дает разрешение на принудительную экспертизу ввиду отсутствия доказательств ее собственной смерти. Это замкнутый круг, Сета. Мне нужна помощь, но какая, я и сам толком не знаю.

— Вы встречались с убийцей?

— Она не даст свою ДНК.

Пуансеттия методично грызла печеньку. Прикусив себе палец, она словно очнулась:

— При обыске были обнаружены стебли Алоэ?

— Алоэ?

— Суккулентное растение с толстыми мясистыми очевидными листьями. Край листа зубчатый, усаженный шипами.

— Что-то похожее было...

— В холодном, защищенном от света месте, — детектив неопределенно пожал плечами. — Убийца не может быть Лилией Ив.

***

— Исключительно из уважения к доктору Бовир, я выслушаю вас, детектив Прачет. Однако повторяю, что единичные результаты анализов, основанные на допущениях и околонучной теории о реконструкции лица, не могут служить основанием для вынесения решения о принудительном проведении экспертизы ДНК. И прошу избавить меня от дискуссии на тему совпадения групп крови трупа и преследуемой вами жертвы. У меня тоже первая группа крови, детектив. Из чего отнюдь не следует, что я имею причастность к данному делу.

— Потому что это наиболее распространенная система антигенных детерминант эритроцитов. Существует теория, согласно которой кровь типа «0» или «первая» текла в сосудах наидревнейшего ископаемого вида человека — неандертальца...

— Сета! — шикнул Макс.

— Я рад, что вы разделяете мою точку зрения, доктор Бовир, — снисходительно ответил судья.

— Нет. Не разделяю.

— Детектив Прачет, — смерил Макса тяжелый взгляд. — Я вас слушаю.

Мужчина обреченно вздохнул. Кто сказал, что будет легко?

— С вашего позволения я предоставлю слово доктору Бовир.

— По моим наблюдениям доктор не нуждается в разрешении высказывать свое мнение, — судья пристально посмотрел девушке в глаза. Сета ничуть не смутилась. Она многое могла бы рассказать об особенностях иерархии в стае, к коей относиться и человеческое об-

щество, где уничижающий взгляд высокопоставленного лица преследует ту же цель, что и взгляд жока сабачей своры. Но детектив настоятельно не рекомендовал ей заводить сторонние разговоры, не касающиеся сути их расследования.

— В срезе образцов растения с места преступления были обнаружены частицы крови, не принадлежащие жертве, то есть кровь убийцы.

— Попрошу воздержаться от досрочных выводов, — судья громко ударил по столу ручкой, которую раздраженно вертел в пальцах.

— Я не делаю необоснованных заявлений. Жидкая среда, в норме не характерная для растительного организма, обнаруживается в клетках только при непосредственном, длительном с ней контакте. Если вы полагаете, что виноградная лоза имела возможность в течение суток выпитать кровь третьего стороннего лица, то вы плохо знакомы с материалами расследования, — Макс громко крякнул. — Свидетелей убийства нет.

— Продолжайте, — бессмысленно распорядился судья, несколько обескураженный столь бесцеремонным обращением.

— Кровь убийцы выступила активатором ферментативных процессов, протекающих в растительных органеллах, вследствие того, что ее свойства были изменены. Она содержала биогенные стимуляторы — продукты, образующиеся и накапливающиеся в изолированных тканях некоторых видов растений при нахождении их в неблагоприятных условиях. Наиболее доступный источник биогенных стимуляторов — Алоэ древовидное.

— В фотолaborатории подозреваемой были обнаружены консервированные..., — Макс неуверенно покосился на Сету, — консервированные специальным образом части Алоэ.

Судья неприятно ухмыльнулся:

— Вы желаете получить разрешение на экспертизу ДНК на том основании, что у кого-то нашлось растение в банке?

— В холодильнике, — поправила Пуансеттия.

— Что?

— Для накопления биогенных стимуляторов требуются пониженная температура...

— Вы издеваетесь? — взревел слушатель, обрушиваясь на детектива.

— Ваша честь, — Макс демонстративно расправил плечи, не желая проигрывать битву. Если уж разрешения им не видать, то хоть знать, что боролись они до последнего. — Я понимаю ваше негодование. У доктора Бовир специфическая манера вести диалог. Она вообще странная. Но она — лучшая. Смее напомнить, что случай, с которым мы столкнулись, выходит за рамки обыденного. Знания эксперта чрезвычайно важны. Доктор уже доказала это.

— Вы преувеличиваете экстраординарность рассматриваемого дела, детектив, — судья устало прищурился. — Но в экстраординарность доктора Бовир я охотно верю. У вас есть ровно десять минут моего молчания.

Макс быстрым жестом приказал Сете говорить.

— Главное свойство биогенных стимуляторов — мобилизация процессов организма, направленных на сохранение жизни. Полагаю, именно с этой целью убийца вынужден непрерывно использовать вытяжку из свежих частей Алоэ — с целью противостоять гибели клеток внутренних органов. Проводимый им ритуал замены личности несовершенен. Он не позволяет обновить клеточный состав в полном объеме. Прежде всего, убийца вынужден заменять ткани лица, старение которых создает косметические проблемы, служит индикатором возраста.

— При сравнении биогенных стимуляторов из крови убийцы, — нетерпеливо перебил Макс, — с теми, что

содержаться в Алоэ, найденном при обыске, установлено полное совпадение. Убийца использовал растение из фотолаборатории.

— Насколько я помню, фотолаборатория и принадлежала убийце до передачи ее в собственность жертве. Вы установили очевидный факт, детектив.

— Ваша честь, мы установили, что убийца до сих пор принимает Алоэ, чего не могла делать жертва — Лилия Ив. Ее группа крови несовместима с веществами этого растения.

— Как и ваша, — вставила Сета. Судья вопросительно поднял бровь. — В состав Алоэ входят лектины — белки и гликопротеины, вызывающие необратимую агглютинацию эритроцитов с детерминантами типа «0», «В» и «АВ», то есть первой, третьей и четвертой групп крови.

— Агглютинацию?

— Осаждение. В отчете патологоанатома есть сведения о состоянии сосудистого русла трупа. Мелкие венулы и артериолы забиты сгустками осажденных форменных элементов. При жизни Лилия Ив лишилась бы конечностей вследствие развития гангрены. Необратимыми были бы изменения желудочной стенки и стенки кишечника, где протекают процессы всасывания, где кровь непосредственно контактирует с веществами лектинов.

— Ваша честь, — решил резюмировать Макс. — Лилия Ив и Алоэ несовместимы, что наглядно доказывает факт того, что тот, кто выдает за нее себя и безболезненно принимает вытяжку из растения, Лилией Ив не является.

— У убийцы группа крови типа «А» — вторая, к лектинам не восприимчива.

— Найденный образец растения может принадлежать исчезнувшему преподавателю? — судья был предельно серьезен, что Макс расценил, как знак заинте-

ресованности. — Есть ли доказательства, что нынешняя Лилия Ив собственноручно срезала его и заготовила?

— Безукоризненные. Отпечатки пальцев...

— Вам напомнить, детектив, что Лилия Ив, кем бы она ни являлась, проживает в данном помещении и вынуждена оставлять на предметах отпечатки своих пальцев.

— Возраст срезанных частей, — спокойно ответила Сета. Макс тихо улыбнулся. Как хорошо, что у нее всегда и на все есть ответы. — Количественный анализ смеси биогенных стимуляторов, а также метки на продукты растительного распада ясно указывают, что образование соединений началось не более семи дней назад. Срезы свежие.

— Почему результаты исследования биогенных стимуляторов не подшиты к делу, доктор Бовир?

— Они не были обнаружены при первичном анализе. Биогенные стимуляторы не являются химически обособленной группой веществ, не относятся к ферментам, белкам и не поддаются физико-химическим воздействиям. Выделить их возможно исключительно целенаправленным поиском.

Судья опустил взгляд на прошение, которое подал ему Макс перед началом разговора. Оставалось только поставить подпись.

— Что-нибудь еще, детектив Прачет? — занес он ручку над бумагой. — Доктор Бовир?

— Не смеем вас больше задерживать, ваша честь, — бодро отрапортовал Макс.

— Не смейте ошибиться, — поставил судья широкий росчерк на документе.

***

— Я знала, что вы поймете, — на тонких запястьях девушки щелкнули наручники.

— Вас выдала кровь. Ваша собственная.

— Нет. Не «поймаете», а «поймете», — убийца слабо улыбнулась. — Вас тоже вынуждают отказаться от себя. Быть кем-то проще, понятнее, кем-то «как все», — она низко склонилась к Сете и зашептала: — Не поддавай-тесь. Эти маски, они прирастают, а ты под ними гни-ешь. И уже не остановиться...

— Назовите свое имя, — потребовал конвоир, делая запись в протоколе.

— Лилия Ив.

— Ваше настоящее имя?

Девушка раздраженно дернула плечом:

— Не знаю. Не помню, — конвой толкнул ее в спи-ну по направлению к выходу. — Знаете, почему я не вы-брала вас?

— Есть мнение, что мне сложно подражать.

Девушка хмыкнула.

— Я вам завидую. Такой я была тогда... в прошлом, до преображения, до всех этих безликих кукол. Вы — мечта, а люди не разрушают мечты. Они следуют за ними.

— Следуй в камеру, мечтательница, — гаркнул поли-цейский.

— Вы сказали, меня выдала моя кровь. Значит, что-то еще осталось. От меня настоящей, — девушка на секун-ду задумалась и внезапно подняла на Сету глаза. В них светились лукавые огоньки: — Вы хотели бы жить веч-но, Пуансеттия?

— Нет. Это не рационально.

***

— Сета, вы отлично готовите! — Макс отправил в рот очередной кусок куриного рулета, начиненного сыром и черносливом. — Нет, правда. Очень вкусно!

Они с удобством расположились в гостиной Пуан-сеттии. Слегка приглушенный свет, умиротворяющая музыка и бутылка хорошего красного вина — все, что

нужно для того, чтобы скромно, без ресторанной суеты отпраздновать успех. Детектив поднял бокал:

— Я пью за вас, доктор Бовир. За флору, сумевшую раскрыть «висяк».

— Висяк? Что-то связанное с повешением?

— Дела с нулевой раскрываемостью.

— Не нахожу логической связи.

— Есть примета, — Макс сделал глоток, пряча взгляд за темно-бардовой жидкостью. — Если у детектива на-бирается больше десяти нераскрытых дел, он сходит с ума и вешается. Понимаете, чувство нереализованно-сти, потеря веры в себя... — развел руками Макс, гля-дя, как Сета нахмурила лоб, пытаясь систематизировать полученные данные. Наконец, он не выдержал и прыс-нул со смеху: — Нет, вы уникальны!

— Вы шутили?

— Любой объект вы можете разложить до молекул, но когда дело касается эмоций вы... — мужчина пытал-ся подобрать подходящее сравнение, — чистый лист. Пиши, что хочешь!

Девушка удивленно распахнула глаза, а затем нахму-рилась еще больше. Макс был уверен, в этот момент она пытается представить, как кто-то делает запись на ее обнаженном теле. На этом плоском животе, ак-куратной груди, вдоль длинных ног... Он часто замор-гал, прогоняя непрошеное видение, и с опаской поко-сил на бутылку вина. Нет, спать с Сетой было нельзя. Макс знал, она наверняка согласится. Просто секс, без эмоций, привязанностей, ей это безразлично. Но пото-му и не хотелось. Противно ощущать себя игрушкой из магазина для взрослых.

— Э-э-э... отличное кресло. Удобное, — попытался спрятать он в юморе неловкость, намекая на свой про-шлый визит.

Сета подняла бокал:

— Считаете? Я предпочитаю кровать. ☒

Эпизод

Старая дорога вела раньше к мельнице. Однако стинули и мельник, и те, кто ездил к нему за мукой — войска бургундцев сожгли и разрушили все в окрестностях Динана. Остался только обгорелый остов на сваях у берега. Грег задумчиво пожевал травинку, сплюнул, обернулся к спутнику:

— Здесь остановимся.

Ян, рослый, немолодой, всегда унылый валлонец, нанятый во Флорене, вздохнул:

— Здесь так здесь. Только я лучше поставлю шалаш.

У этой развалины и крыши-то нет. А внутри, должно быть, воняет гарью.

Грег пожал плечами.

— Ставь, если не лень. Мне все равно, где спать, лишь бы ночь в дороге не застала. Завтра пойдем дальше.

Ян покосился на хозяина, однако продолжать разговор не стал. В начале пути он еще пытался иногда осторожно выяснить, зачем иноземцу понадобилось идти в разрушенный, подчистую вырезанный солдатами Карла Смелого Динан, но давно уже оставил эти попытки. Молча сбросил на землю мешок с припасами, выгнул из-за голенища нож, начал рубить ветви и лапник. Грег его не подгонял и не помогал. Стоял в стороне, наблюдал безразлично. Торопиться некуда. До Динана осталось от силы два дня пути. До назначенного часа — пять дней. Времени достаточно.

***

Вечерело. От канала тянуло сыростью, сочился сквозь прибрежные травы белесый туман. Однако небо над головой

Жаклин де Гё (литературный псевдоним)

Родилась в 1963 году, росла и училась в г. Ухта, республика Коми (незаконченное высшее инженерное образование). В 1988 стала студенткой Московского полиграфического института и работала переводчиком (английский, французский). В 1996 году уехала из России. Получила высшее экономическое образование в Fairleigh Dickinson University, Teaneck, NJ, USA. В настоящее время живет в США, работает экономистом.

было ясным, моргало множеством звезд. Луна висела над самой мельницей, касалась краем диска верхушки обгорелого срубца.

— Костер бы, — попросил Грег. — Все же сентябрь — не лето.

— Опасно. В темноте огонь легко увидеть, — хмуро ответил Ян. — Издалека заметен. А в здешних местах теперь добрых людей не встретишь. Лучше затаиться.

— Там яма между корнями — если в ней разложишь, не увидят.

Валлонец взглянул неодобрительно.

— Опасно, — упрямо повторил он. — Я с вами подрядился идти не потому, что смерти ищущу. Мне деньги нужны, чтобы жить и семью кормить.

— Я знаю, — покладисто кивнул Грег. — Знаю, зачем они тебе нужны.

Ян был возчиком, у которого французские интенданты забрали обеих лошадей. Денег не дали — только расписку с обещанием вернуть долг после войны. А войну-то выиграли бургундцы. Хотя, если бы повезло французам, тоже

вряд ли возместили бы ущерб. Победители расплачиваются по счетам еще неохотнее, чем побежденные. Заунывно, протяжно закричала у воды какая-то птица. Грегу почудился сквозь ее голос прерывистый плеск, словно шлепали по отдели босые ноги. Он вскинул голову, уставился в сумрак. Так и есть. Мелькнул, пересекая полосу дрожащего лунного света, угловатый черный силуэт, опять пропал в тени. Ян, не дожидаясь хозяйских распоряжений, пружинисто вскочил, метнулся наперехват. Двигался он стремительно, почти бесшумно. До Грега донесся сдавленный крик, больше похожий на стон, затем глухое ворчание, треск веток под ногами, звук приближающихся шагов.

Ян вынырнул из темноты, с размаху плюхнулся на прежнее место, потянул за собой пленника. Пойманный оказался подростком, — щуплым, узкоплечим, с копной всклокоченных, цвета лежалой соломы волос.

— Как тебя зовут? — спросил Грег.

Мальчишка не ответил — только зыркнул исподлобья затравленно. В лунном свете глаза его блестели так же ярко, как вода на речном перекате.

— Не бойся, — устало посоветовал Грег. — Мы не мародеры и не дезертиры. Не собираемся тебя убивать. Не хочешь — не говори. Будем звать тебя Шарль.

— Нет! — хрипло выкрикнул пленник, — только не Шарль!

Слова он выговаривал не так, как валлонцы. Акцент был сильным, резал слух.

— Не любишь герцога Бургундского? — хмыкнул Грег. — Сам-то откуда?

Парнишка опять набычился.

— Неважно.

— Был у меня заказчик из Шампани, — лениво сообщил Ян. — Торговец пенькой. Так же разговаривал.

Грег кивнул.

— Понятно. Как же тебя занесло в наши края, шампанец Нешарль? И куда теперь идешь?

— А вы куда? — с некоторым вызовом спросил мальчишка.

— Мы в Динан.

Подросток опять вскинул глаза, посмотрел недоверчиво. Убедился, что собеседник не шутит, отвел взгляд, буркнул:

— Дело ваше. Не мне отговаривать — сам в ту же сторону иду. Был бы другой путь — за сто лье обошел бы. Но мне домой, на юг надо.

Помолчал и добавил:

— Готье меня зовут.

Беседа заглохла. Туман уже добрался до деревьев, становилось все прохладнее. Грег потянул к себе мешок, вытряхнул одеяло, закутался поплотнее.

— Иди спать, — сказал Яну. — Я его покараулю.

— Я не сбегу, — вздохнул Готье. — Куда мне бежать...

— Все так говорят, — неприязненно хмыкнул валлонец, забираясь в шалаш. — А потом утром встанешь — тебя и след простыл, а мешки пустые...

***

Оставшийся короткий отрезок пути растянулся почти на четыре дня из-за постоянной необходимости прятаться. Опасаться приходилось и шаставших по округе мародеров, и редких конных отрядов, ловивших всех, кто казался им подозрительным. Обвинить могли в чем угодно — от шпионажа до дезертирства. Судили на месте, по законам военного времени. Трупы казненных на радость воронья свисали с ветвей или валялись у обочин. Необходимость караулить и кормить приبلудного мальчишку добавляла раздражения, однако прогнать Готье мешала осторожность — кто знает, кого он встретит, кому расскажет о бывших попутчиках... Когда, наконец, к вечеру четвертого дня вышли к берегу широкого, отливавшего под пасмурным небом серой сталью Мааса, Ян решительно сбросил мешок и потребовал:

— Давай расчет, хозяин. Дальше не пойду.

Грег слегка растерялся:

— Мы договаривались, что расчет будет на месте.

— А это что? — с тяжелой иронией спросил валлонец, кивая в сторону противоположного берега. Там, на узкой полосе земли между рекой и высокими обрывистыми скалами, виднелись груды развалин, меченных размытой дождями копотью — все, что осталось от Динана.

— Место и есть. Хотите переправляться — дело ваше. Мне на том берегу делать нечего.

Готье стоял чуть в стороне, нахохлившись, переводя взгляд с разрушенного города на спутников и обратно.

— Подожди, — попробовал начать сначала Грег, — но ведь...

— Нечего мне ждать, — перебил его Ян. — Я свою работу выполнил. Платите, как было обещано, и доброй вам дороги.

Грег вздохнул.

— Деньги в городе, — просто объяснил он. — Мне надо их забрать. Тогда расплачусь.

Верзила-возчик секунду тупо смотрел на него, впитывая смысл прозвучавших слов, потом резким движением схватил за грудки, потянул вверх, почти к самому лицу, дохнул острым запахом лука и вяленой рыбы.

— Шутки шутить? — прошипел он яростно. — Обмануть хочешь?! Деньги давай!

Ступни Грега еле доставали до земли, костяшки пальцев валлонца больно упирались ему в подбородок, мешали говорить.

— Не хочу... обмануть, — прохрипел он. — Все уплачу, что обещал. Только мне сначала добраться надо до того берега. Клянусь, там все отдам.

Видно было, как борются в душе возчика злоба, подозрительность, обида и жадность — на скулах играли желваки, глаза смотрели люто, но хватка слегка ослабла, и Грег опять почувствовал под ногами твердую почву. Выражение лица Яна ему совсем не нравилось.

— Где брод, знаешь? — спросил он Готье, явно ошарашенного неожиданной ссорой.

Тот мотнул головой.

— Нет. Я ведь не здешний. Издалека пришел к родне, подмастерьем хотел поработать, ремеслу научиться. Даже двух недель не пробыл. Ничего толком не знаю.

Они, не сговариваясь, дружно посмотрели на Яна. Валлонец с отвращением оттолкнул наконец своего нанимателя, отряхнул ладони.

— Вниз по берегу пойдем, — решительно объявил он. — Дорога раньше к мосту вела, может, уцелел.

***

Предутренний туман казался ключьями серой ваты, тучи тоже так и не разошлись. Поверхность реки морщилась мелкой неровной рябью, ветер нес колкую водяную пыль. Грег чувствовал себя до предела измотанным, озябшим и грязным. Мост оказался цел, но расположен дальше, чем помнилось Яну. Пришлось долго идти, а потом так же долго возвращаться по противоположному берегу обратно к развалинам. Валлонец после моста пропустил спутников вперед, всю дорогу топтал позади, разговоров не заводил. Оборачиваясь назад, Грег постоянно наткался на его взгляд — пристальный, недобрый. Готье поеживался в легкой курточке, пытался согреться, растирая плечи ладонями. Вид у него был отсутствующим, — то ли сонным, то ли безразличным.

Развалины вырисовывались впереди смутными пятнистыми массивами. Запах горелого дерева и паленой шерсти чувствовался все сильнее.

— Трупной вони нет, — удивленно подумал вслух Грег.

— Солдаты герцога всех в Маас бросали, — неохотно объяснил несостоявшийся подмастерье. — Он так велел. Течение мертвецов унесло. Потому и вони нет.

— Ты-то как уцелел?

— Я на сенной барке в ту ночь ночевал. А потом сам в реку прыгнул. Плаваю с детства лучше всех в деревне, ныряю тоже... Выплыл, выбрался. Так и уцелел.

Он опять поежил и добавил:

— Родно убили, наверное. Там всех убивали. Женщин, детей. Я видел тела в воде. Даже совсем маленьких не пощадил.

Грег пожал плечами. Жители Динана долго играли с огнем. Поверив слухам о гибели Карла Бургундского, распевали куплеты о его бесславной кончине, сочиняли пасквили о том, что матушка Карла прижила сыночка не от законного мужа — герцога Филиппа Добро-го, — а от покойного епископа льежского. Немудрено, что Карл, человек безрассудно-вспыльчивый, воспылял жаждой мести. Туман потихоньку светлел, расходился. Близилось рассчитанное заранее время встречи.

Грег остановился.

— Ждать будем здесь.

— Чего ждать? — Яан, судя по тону, готов был броситься на него с кулаками в любую минуту.

— Сигнала. И не лезьте за мной в руины, стойте поодаль. Я буду на виду. Не сбегу. Не обману.

***

Рассеянный предрассветный сумрак смазывал очертания покрытых мазками сажи камней. На грязной земле чернели головешки. Повсюду валялись битые черепки, в остатках кладки застрял погнутый оконный переплет... Чей-то бывший дом. Магда быстро доставала рукописи из принесенного Грегом заплечного мешка, аккуратно просматривала. Затем упаковывала в контейнер, перемежая пергаменты мягким эластичным упаковочным материалом.

— Замечательно! — она бережно скрутила очередной свиток, нежно взглянула на Грега, улыбнулась счастливой, открытой улыбкой. — Ты их все-таки добыл! Трудно было?

— Немножко. Здесь вообще не самая благоприятная эпоха. Феодалные войны, междоусобицы...

— Я знаю, — девушка провела универсалом по оболочке контейнера. Крышка слилась со стенками, не оставив

ни стыка, ни шва. Магда порывисто шагнула к Грегу, обняла, прижалась.

— Ты молодец! А у меня для тебя сюрприз!

Грег обнимал ее, уткнувшись в пышные темные волосы, вдыхал тонкий, яблочный аромат. Голова кружилась — близость Магды выбивала из колеи, заставляла еще острее ощущать усталость, бессонницу, напряжение последних дней.

— Я ведь тоже добилась, — шептала девушка. Губы ее мягко касались уха Грега. — Добилась, слышишь?

Грег не сразу понял, о чем она говорит.

— Добилась чего? Какой сюрприз?

Магда отстранилась, взглянула с веселым упреком:

— Я получила разрешение! И на отставку и на совместную жизнь! Сказали — сразу после выполнения задания. Значит, раз ты достал рукописи — мы теперь свободны! Вот, смотри! Для нас подобрали замечательную эпоху.

Из узкого раструба универсала выползла голограмма — черная сфера, внутри которой мерцали тонкие серебристые линии. В их плотном, похожем на паутину плетении отчетливо различались две ярких цветных нити — одна красная, другая зеленая. Зеленая лежала ближе к поверхности сферы — жизнь Магды началась почти на три столетия позже, чем жизнь Грега. Нити задвигались, зазмеились, изогнулись вниз, стремясь к некоей заданной внутри пространства голограммы точке пересечения.

— Замечательную? И в каком же веке нам разрешили поселиться?

— Двести лет назад для тебя, пятьсот — для меня. Век девятнадцатый, первая половина. Бостон, Соединенные Штаты. Ни войны, ни эпидемий, относительный комфорт и цивилизованность.

Нити пересеклись, потянулись друг к другу, стали сплетаться в разноцветную двойную линию. Магда прижалась к Грегу, взглянула в глаза, погладила по щеке.

— Ты рад?

— Конечно, — он поймал ее ладонь, прижал к губам, вздохнул виновато. — Просто жутко устал. Плохо соображаю. Вот отоспилось — буду радоваться как бешеный. Бостон. Я бывал там. В своем времени, конечно. Климат хороший, природа красивая. Тебе пойдут платья девятнадцатого века. Насчет комфорта сомневаюсь — ни электричества, ни водопровода. И в то время все еще ездили на лошадях. Совсем непохоже на твой рафинированный двадцать четвертый век. Как ты переносишь запах навоза?

Магда засмеялась.

— Все будет хорошо! — она чмокнула Грега в щеку. — Я привыкну и к конным повозкам, и к керосиновым лампам. Научусь носить кринолины и корсеты. Главное — мы будем вместе! Каждый день, каждую ночь, навсегда, насовсем! Не будет больше твоих рискованных заданий, встреч урывками на стыке эпох, долгих разлук. Я так переживала, когда ты уходил в смутные времена вроде этого. Так волновалась...

— Когда переход? — спросил Грег.

Магда щелкнула универсалом, увеличила изображение в сфере, вывела точку пересечения в крупный план. Возле цветного перекрестия вспыхнули символы, цифры, формулы.

— Понятно. Мне ждать здесь еще шесть часов, — Грег оглянулся на две маячившие среди развалин фигуры. — Честно говоря, часа бы хватило. Все, что осталось сделать — рассчитаться с этими ребятами. Спать страшно хочется.

— Я понимаю, — сочувственно кивнула Магда. — Но что же делать. Когда откроется, тогда откроется. Шесть часов еще не так много. Могло быть и хуже.

— Могло, — согласился Грег. — Ты сейчас прямо в центр?

— Да. Отдам рукописи, возьму все, что нам нужно для начала — деньги, документы, одежду, багаж... Попаду в Бостон на несколько часов раньше, чем ты. Буду ждать на пристани, хорошо?

Грег кивнул. Магда протянула ему мешочек.

— Серебро, как ты просил.

Добавила несколько тускло блеснувших в лучах рассветного солнца тяжелых желтых монет:

— Золото. Мне пора. До встречи. И будь осторожен. Видишь?

Она указала на сферу. У самой точки пересечения красная линия чуть подрагивала, прогибаясь то в одну, то в другую сторону.

— Хроновозмущение, — пожал плечами Грег. — Небольшое. Вероятность изменения хода событий — процентов семь, не больше. Знаешь, сколько я видел таких завихрений? Не переживай. Все будет хорошо. Буду осторожен.

***

— Видишь, тут даже больше, чем я обещал! Купишь все, что надо — и лошадь, и подводку.

— У меня было две лошади, — мрачно сообщил Ян. Он медленно, шевеля губами, пересчитал деньги, ссыпал их в истертый кожаный кошель, спрятал его за пазуху. — На две здесь не хватит. Надо было запросить с тебя побольше.

Грег почувствовал раздражение, но постарался его подавить. В конце концов, каждый человек — продукт своей среды и своей эпохи. Ян не виноват, что его жизнь — непрерывная борьба с нищетой, болезнями и разрухой феодальных войн. Не виноват, что никогда не мог позволить себе роскоши быть добрым и щедрым. Милосердие, великодушие для него — пустые слова из воскресных проповедей, которым нет места в повседневности.

— Если бы ты запросил побольше, я не стал бы тебя нанимать. Пошел бы искать другого проводника, — Грег смотрел валлонцу прямо в глаза, и тот не выдержал, отвел взгляд. — Всякая работа свою цену имеет. И ты это знаешь.

Повернулся к парнишке.

— Готье, это тебе. Немного, но лучше что-то, чем ничего. Мальчишка изумленно смотрел на кучку серебра на ладони Грега.

— Мне? За что?

— Добраться до дома. Купить новую куртку, башмаки. Подарки отцу и матери. Да мало ли что.

Готье секунду смотрел на деньги, потом резким, птичьим движением сгреб их, зажал в горсти, и, не сказав больше ни слова, метнулся прочь. Грег смотрел, как он бежит, — перескакивая через обгорелые обломки, задирая худые голенастые ноги, — и ему было и смешно, и досадно.

— Доброй тебе дороги, Яан, — кивнул он валлонцу. — Удачи.

И быстро зашагал по разрушенной улице к скалам. Хотелось уйти с пепелища, от реки, от того места, где только что простился с Магдой, рассчитался с попутчиками. Подняться по уступам до самой вершины, вдохнуть чистого, без примеси гари, воздуха, посмотреть на мир сверху. Добравшись примерно до середины склона, он решил перевести дыхание. Маас блестел внизу — широкий, полноводный. Роща на другом берегу, все еще по-летнему густая, пестрела всеми оттенками зеленого, бурого и охряно-желтого. Кроны деревьев прогибались под порывами осеннего ветра. Грег перевел взгляд вниз. Подсохшая за ночь дорога вилась серой полосой вдоль реки. По ней уверенным, размашистым шагом двигался человек — Яан. Только шел он не туда, откуда они пришли — на север, к мосту, — а в противоположную, южную сторону. Там, на юге, на светлом полотне дороги виднелся другой силуэт — Готье. Мальчишка больше не бежал — устал, наверное. Возчик пока не мог его видеть, но расстояние между двумя путниками потихоньку сокращалось.

Грег вспомнил, как валлонец смотрел на деньги. Вспомнил его бесцветные, жестокие глаза. Мощные руки. Нож за голенищем.

— О, нет, — прошептал он. — Нет. Какой же я идиот...

И бросился вниз по каменистой тропинке, вытягивая на бегу универсал. Мельком взглянул на индикатор боезапасов — всего один, последний заряд.

До перехода оставалось чуть больше четырех часов.

***

— Стой! Остановись! — Готье обернулся на крик.

В ста шагах позади себя увидел Яана, потом, чуть правее, — стремительно бегущего ему наперерез Грега. Валлонец словно не слышал приказа, продолжал шагать все так же мерно, как автомат, однако чуть притнулся, ладонь его скользнула к сапогу. В руке Грега мелькнул продолговатый зеленый цилиндрик... Мальчишка замороженно смотрел, как летит, сверкая синеватой сталью, тяжелый нож, и не успел понять, что же сделал второй его бывший попутчик. Противники словно налетели на невидимую стену, — Яан взмахнул руками, раскрыл рот, словно собираясь закричать, но вместо крика потоком хлынула кровь. Под правым плечом дымилась обугленная по краям дыра. Грег держался за грудь, недоуменно разглядывая торчащую рукоятку. Поднял глаза, взглянул на Готье, сделал по инерции несколько шагов в его сторону, улыбнулся — криво и как-то виновато — и рухнул в грязь. Подросток попятился, в ужасе глядя расширенными глазами на два трупа на дороге. Зажал рот ладонью, удерживая крик, споткнулся, чуть не упал, бросился бежать.

Однако, добравшись до поворота, остановился. Обернулся. Долго смотрел на два неподвижных серых пятна, вздыхал, прислушивался. Потом воровато огляделся по сторонам и побрел обратно — обшарить покойников.

***

Сидя на скамье под навесом, Магда то и дело поглядывала на изящные, украшенные эмалью часики. Яркое июньское солнце щедро золотило толпу на пристани и паруса стоявших на рейде кораблей. Время шло. Время вышло. Выждав еще пару минут, она встала и, стараясь идти не слишком поспешно, отправилась в дамскую комнату. Там выгащила из ридикюля универсал, вытряхнула из него голограмму.

И невидящими глазами смотрела, как гаснет оборванная у самой точки пересечения алая нить... **■**